G.: 81
494

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ
по
РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ.

РУКОВОДСТВО
для
ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

составленное
А. Кваченскимъ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

Р 81.
О 494.

СУДЪ присяжныхъ

по

РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ.

РУКОВОДСТВО

для

ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

составленное

А. Квачевскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1873.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСКІЙ.
С.ПЕТЕРБУРГЪ.

2007043228

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	I—XIII
ГЛАВА 1.—О судѣ присяжныхъ.	1—9
ГЛАВА 2.—Кто можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ	10—35
ГЛАВА 3.—Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей.	35—40
ОТДѢЛЕНІЕ 1.—Составленіе общаго списка	40—70
ОТДѢЛЕНІЕ 2. — Составленіе очереднаго и запаснаго списковъ .	70—106
ГЛАВА 4.—Дѣла, подлежащія суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; устройство этого суда . . .	106—124
ГЛАВА 5.—Подготовка дѣла къ засѣданію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; приготовительныя къ суду распоряженія; выборъ судомъ	

стр.

и вызовъ присяжныхъ въ судъ; распоряженія предсѣдателя суда . . . 125—157

ГЛАВА 6.—Составъ присутствія для судебнаго засѣданія; внѣшнее устройство помѣщенія и засѣданія суда; права предсѣдателя суда по управленію и порядку засѣданія; главныя правила производства дѣла . . 157—203

ГЛАВА 7.—Открытіе судебнаго засѣданія и слѣдующія за нимъ дѣйствія . . . . . 203—209

ГЛАВА 8.—Составленіе присутствія присяжныхъ засѣдателей, присяга ихъ, выборъ старшины . . . . 209—253

ГЛАВА 9.—Объясненіе присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности . . . 253—280

ГЛАВА 10.—Порядокъ производства судебнаго слѣдствія.
Чтеніе обвинительнаго акта; допросъ сознающагося подсудимаго; чтеніе протоколовъ осмотра, освидѣтельствованія, обыска и выемки; предъявленіе вещественныхъ доказательствъ; показанія свидѣтелей . . . . . 280—318

стр.

ГЛАВА 11.—Заключительныя пренія по судебному слѣдствію.
Обвинительная рѣчь; объясненія гражданскаго истца; защитительная рѣчь; послѣднее слово подсудимаго . 318—336

ГЛАВА 12. — Постановка вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей.
Общія понятія о постановкѣ вопросовъ; основанія постановки ихъ; правила о содержаніи, составленіи, чтеніи и утвержденіи вопросовъ . . . 336—356

ГЛАВА 13.—Постановленіе приговора присяжными засѣдателями.
Значеніе приговора присяжныхъ; заключительное слово предсѣдателя суда; содержаніе этого слова; значеніе вины, ея составныя части; значеніе и сила доказательствъ, какъ опоры внутренняго убѣжденія присяжныхъ засѣдателей; неограниченное право ихъ на обвиненіе и оправданіе подсудимаго; порядокъ совѣщаній и постановленія приговора присяжныхъ . . . 357—528

стр.

ГЛАВА 14.—Исправленіе рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, объявленіе его и приговора суда.
Выходъ присяжныхъ въ залу суда; разсмотрѣніе рѣшенія ихъ судомъ; неправильности въ отвѣтахъ ихъ; возвращеніе присяжныхъ въ совѣщательную комнату къ новому обсужденію вопросовъ суда и исправленіе отвѣтовъ; провозглашеніе рѣшенія присяжныхъ; передача дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ; составленіе и объявленіе приговора суда; закрытіе судебнаго засѣданія . 529–566

Объясненіе сокращеній въ словахъ.

Учр. суд. уст., значитъ учрежденіе судебныхъ установленій 20 ноября 1864 года.

Ст., значитъ статья, подъ которою содержится законъ.

Указ. правит. сената, значитъ указъ правительствующаго сената.

Улож. о нак., значитъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ по изданію 1866 года.

Уст. угол. суд.. значитъ уставъ уголовнаго судопроизводства 20 ноября 1864 года.

Угол. кас. рѣш., значитъ рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената.

Врем. прав., значитъ временныя правила, относящіяся до внутренняго распорядка въ судебныхъ установленіяхъ, высочайше утвержденныя 15 марта 1866 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Шестилѣтній опытъ дѣятельности
да присяжныхъ въ разныхъ частяхъ
ссіи далъ такія несомнѣнныя до-
вательства достоинствъ этого суда,
о самые недовѣрчивые люди убѣж-
ются въ его превосходствѣ, необ-
димости и примѣнимости къ нашей
ранѣ. Нельзя не удивляться, съ ка-
мъ усердіемъ исполняется нашимъ
родомъ обременительная повинность
исяжныхъ засѣдателей; какъ настой-
во одолѣваются ими самыя тягост-
я затрудненія въ пути до мѣста
ѣданія суда въ дурную погоду и

при крайнихъ неудобствахъ проѣзда, какъ безупречно выносятся оставленіе домашняго пріюта, хозяйства и содержаніе себя на свои часто скудныя средства въ городѣ; съ какимъ вниманіемъ выслушиваются дѣла съ утра до поздней ночи. Грусливое опасеніе частыхъ оправдательныхъ приговоровъ безъ основаній, незаслуженно навязываемое суду присяжныхъ, опровергалось у насъ строгостью обвинительныхъ приговоровъ при самыхъ слабыхъ уликахъ вины. Не смотря на эту строгость, вѣра въ правдивость приговоровъ, безспорно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ укрѣпилась за присяжными засѣдателями. Съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе замѣчается благотворное вліяніе суда при-

сяжныхъ на распространеніе въ народѣ здравыхъ понятій о законности, правдѣ и судѣ, въ которыхъ онъ такъ нуждается.

Видимый и нежданный успѣхъ нашего суда присяжныхъ добыть общими достоинствами его, какъ суда народнаго, близко знающаго и понимающаго тѣхъ, кого приходится ему судить и обязанъ отчасти здравомыслію и понятливости русскаго человѣка. Но этимъ успѣхомъ нельзя еще обольщаться: онъ далеко не закрываетъ собою повизны русскаго суда присяжныхъ, такихъ недостатковъ, которые свойственны новизнѣ, неопытности. Да какъ же и требовать отъ большинства нашихъ присяжныхъ засѣдателей знаній и опытности, когда

въ немъ немного грамотныхъ, когда ему до сихъ поръ были чужды самыя простыя понятія о законѣ, о судебномъ порядкѣ, о правахъ и обязанностяхъ судьи? Законъ заботится устранить этотъ недостатокъ; онъ требуетъ, чтобы предсѣдатель суда разъяснялъ присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права, обязанности и отвѣтственность и давалъ объясненіе всего для нихъ непонятнаго. Но разъясненіе предсѣдателя касается весьма немногихъ указанныхъ закономъ правилъ; заключительная рѣчь его должна быть кратка, какъ по своему назначенію, такъ и потому, что произносится въ то время, когда вниманіе присяжныхъ утомлено слушаніемъ судебнаго слѣдствія и прений сторонъ. Сами присяжные рѣдко

спрашиваютъ у предсѣдателя разъясненій непонятнаго для нихъ, стѣсняясь публично выказать свое незнаніе, непониманіе. Притомъ каковы бы ни были объясненія, онѣ не могутъ совершенно пополнить недостатокъ тѣхъ первоначальныхъ свѣдѣній, съ которыми присяжный засѣдатель долженъ быть знакомъ, чтобы понимать свое положеніе въ судѣ и все, что въ немъ происходитъ; объясненія предсѣдателя не могутъ предвидѣть всѣхъ недоразумѣній присяжныхъ засѣдателей въ ихъ правахъ и обязанностяхъ, неотносящихся къ судебному засѣданію, какъ напримѣръ, по избранію лицъ въ присяжные засѣдатели, составленію и оглашенію списковъ ихъ и т. п. Незнаніе, непони-

маніе своего долга ложится тяжкимъ гнетомъ на совѣсть такого важнаго и отвѣтственнаго судьи, какъ присяжный засѣдатель, хотя и безъ его вины. Желая снять нѣкоторую долю этой тяжести, мы задали себѣ трудъ составить руководство, которое отчасти подготовляло бы присяжнаго засѣдателя къ слушанію дѣла, уяснило его положеніе и участіе въ судѣ, чтобы ему было понятно почему, для чего и какъ все происходитъ на судѣ, чтобы онъ зналъ свои права и обязанности по исполненію лежащей на немъ повинности, отъ выбора въ присяжные засѣдатели до выхода изъ суда.

Мы не имѣемъ въ виду изложенія всего, что можно было бы сказать

о судѣ присяжныхъ; нашъ трудъ ограничивается болѣе скромными предѣлами: мы назначаемъ ему объясненіе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей по русскимъ судебнымъ уставамъ въ краткомъ очеркѣ.

Будемъ говорить о выборѣ и составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей; здѣсь встрѣчаются частыя уклоненія отъ предписаній закона и недоразумѣнія со стороны присяжныхъ засѣдателей. Думаемъ, что разъясненіемъ закона поможемъ не только самимъ присяжнымъ засѣдателямъ, но и земскимъ коммиссіямъ, которыя нерѣдко затрудняются въ порядкѣ выборовъ присяжныхъ засѣдателей и составленіи списковъ ихъ, дѣлаемыхъ для суда, безъ участія лицъ судебнаго

вѣдомства. Затѣмъ важнѣйшею частью руководства будетъ изложеніе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей въ судѣ, начиная съ призыва ихъ къ судебнымъ засѣданіямъ и кончая распущеніемъ по выполненіи ими своихъ обязанностей. Тутъ мы могли бы ограничиться лишь тѣми постановленіями устава уголовнаго судопроизводства, которыя прямо относятся къ присяжнымъ; но считаемъ неудобнымъ сжать руководство въ такія узкія рамки. Присяжный засѣдатель не долженъ считать себя чужимъ въ цѣломъ строѣ разныхъ дѣятелей суда присяжныхъ; чтобы вѣрно понимать свое положеніе, умѣть пользоваться своими правами и правильно исполнять свой долгъ, онъ долженъ отчасти знать су-

дебные порядки, которыми обставляется судъ присяжныхъ, цѣль и законность тѣхъ дѣйствій, при которыхъ онъ находится. Конечно, не будемъ вдаваться въ излишнія подробности по предметамъ, относящимся къ дѣятельности самаго суда и другихъ участниковъ въ уголовномъ производствѣ по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведемъ лишь слова закона. Мы стараемся полнѣе разъяснять такія положенія закона, которыя имѣютъ особенную важность для присяжныхъ засѣдателей или недостаточно ясно выражены въ законѣ или невсегда вѣрно истолкованы судебною практикою. Но этими дополненіями думаемъ дать такое ру-

ководство для присяжныхъ засѣдателей, которымъ они могли бы пользоваться, не обремеия себя трудомъ справляться съ судебными уставами, не встрѣчая недоразумѣній и затрудненій въ закопахъ, имѣющихъ связь съ ихъ дѣятельностью.

Самая тягостная сторона нашего труда заключается въ заботѣ сдѣлать его доступнымъ, удобопонятнымъ для малосвѣдущихъ лицъ. Эта сторопа представляетъ почти неодолимыя препятствія, не только для насъ, но и для всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства, имѣющихъ дѣло съ крестьянами, мѣщанами, изъ которыхъ въ большей долѣ слагается составъ нашихъ присяжныхъ засѣдателей. Дѣло въ томъ, что вѣковыми событіями нашего об-

щественнаго устройства, сложившимися съ давняго времени, взаимными отношеніями лицъ разныхъ сословій, званій, состояній, положена преграда, слишкомъ отдаляющая простолюдина отъ человѣка образованнаго въ степени развитія, въ познаніяхъ, въ языкѣ, въ оборотахъ рѣчи; кромѣ того нашъ народъ состоитъ изъ многихъ племенъ, въ русскомъ племени есть мѣстныя особенности въ разговорѣ, въ названіи предметовъ, въ произношеніи и значеніи словъ. Отсюда вся трудность взаимнаго пониманія, особенно тяготѣющая надъ такою рѣчью, въ которой выясняются научныя, отвлеченныя понятія, излагается порядокъ отправленія суда:

нужны чрезвычайныя усилія, особенная снаровка въ обмѣнѣ мыслей нисходить до степени развитія простолюдина, выражаться словами, ему понятными. Надѣемся, что благодаря нынѣшнимъ преобразованіямъ, мало по малу закроется та пропасть, которая лежитъ между разными разрядами нашего общества и препятствуетъ взаимному ихъ пониманію другъ друга; судъ присяжныхъ съ своей стороны много можетъ содѣйствовать въ этомъ сближеніи сословій и званій къ общему благу. Мы старались, по возможности, приблизить нашу рѣчь къ общему разговорному языку, избѣгая иностранныхъ выраженій; чтобы не исказить смысла за-

кона, держимся большею частью его собственныхъ словъ. Если мы не достигли ясности изложенія, доступной для простолюдина, то успокоиваемъ себя мыслью, что другіе, ближе къ нему стоящіе, съумѣютъ передать на его языкъ сказанное нами.

ГЛАВА 1.

О судѣ присяжныхъ.

§ 1. Въ судѣ уголовномъ, гдѣ дѣло идетъ о преступленіи и его виновникѣ, нужно рѣшить: виновенъ ли подсудимый въ томъ, въ чемъ обвиняется, и если онъ виновенъ, опредѣлить ему наказаніе, какое слѣдуетъ по закону. Въ судѣ присяжныхъ рѣшеніе перваго вопроса о винѣ подсудимаго отдается на судъ двѣнадцати человѣкъ, избранныхъ изъ лицъ разныхъ сословій того мѣста, гдѣ производится судъ, а наказаніе опредѣляется назначенными отъ правительства судьями. Эти избранные судьи

называются *присяжными*, потому что на исполненіе своего долга даютъ въ судѣ присягу; у насъ дано присяжнымъ названіе *засѣдателей*, оттого что они входятъ въ составъ присутствія всего суда, засѣдаютъ вмѣстѣ съ судьями отъ правительства.

Такое устройство суда, въ которомъ участвуютъ присяжные засѣдатели, признается лучшимъ, надежнымъ способомъ дойти до правды на судѣ по слѣдующимъ причинамъ: присяжные засѣдатели, выбранные изъ мѣстныхъ жителей всѣхъ сословій и званій, хорошо знаютъ нравы, обычаи, жизнь и порядки той страны, гдѣ живутъ они съ подсудимымъ и могутъ быть знакомы съ нимъ самимъ; такіе судьи вѣрнѣе могутъ понимать и разрѣшить его вину, чѣмъ судьи отъ правительства, не имѣющіе постоянныхъ, житейскихъ столкновеній, сно-

пеній съ мѣстными жителями и потому мало знакомые съ жизнью подсудимаго. Судьи отъ правительства, имѣя постоянно предъ глазами преступленіе, по самой привычкѣ видѣть одну лишь черную сторону въ каждомъ уголовномъ случаѣ, наклонны преувеличивать вину подсудимаго; нерѣдко, поражаясь испорченностью закоснѣлой въ порокахъ души преступника, они невольно проникаются ненавистью къ преступленію вообще и заботясь объ искорененіи его, находящимся въ рукахъ ихъ средствомъ— наказаніемъ, становятся неразборчивыми въ доказательствахъ вины, могутъ невольно впасть въ ошибку, обвинить невиннаго по одному лишь предубѣжденію. Постоянно обращая мысль на темныя дѣла человѣка, они нерѣдко забываютъ свѣтлую сторону его, и имѣя подъ руками одно сред-

ство казнить преступленіе, привыкаютъ употреблять его безъ разбора. Въ такомъ положеніи не находятся присяжные и имъ легче избѣгнуть ошибки: какъ люди незачерствѣлые сердцемъ, они увидятъ и въ преступникѣ человѣка со всѣми его дурными и хорошими сторонами, а не съ одними пороками; съумѣютъ безпристрастнѣе опредѣлить вину подсудимаго по тому положенію, въ какомъ онъ находился во время совершенія преступленія, съумѣютъ принять въ расчетъ его возвраст, воспитаніе, причины, заставившія его дѣйствовать такъ, а не иначе, различить добро отъ зла, правду отъ неправды; для того чтобы рѣшить по правдѣ вину подсудимаго, мало держаться одного закона, нужно умѣть заглянуть въ душу подсудимаго, проникнуть въ ея глубины; на это болѣе способны присяжные, чѣмъ по-

стоянные судьи, по своимъ занятіямъ отвлеченные отъ жизни. На присяжныхъ засѣдателей можно тверже положиться въ справедливости ихъ приговора, потому что ни обвинитель, ни подсудимый, ни другія лица не могутъ дѣйствовать на нихъ ни просьбами, ни угрозами, ни наградами, ни посулами; такъ какъ впередъ неизвѣстно, на кого изъ присяжныхъ засѣдателей падетъ жребій быть судьею въ назначенномъ дѣлѣ; такъ какъ присяжные засѣдатели постоянно смѣняются, являются временными судьями, въ значительномъ числѣ, по каждому дѣлу не менѣе 12 человѣкъ, никому не подчиненныхъ, ни отъ кого на судѣ не зависящихъ. Присяжные засѣдатели, какъ лучшіе люди въ своей странѣ, своимъ правдивымъ приговоромъ сами дѣлаются хранителями ея отъ нарушенія общаго спокойствія и поряд-

ка преступленіями, укрѣпять миръ, утвердятъ судебную правду и отвѣчаютъ своею совѣстью за неправду; участвуя въ судѣ, они вынесутъ изъ него вѣрныя понятія о законѣ, правосудіи и судебномъ порядкѣ и распространятъ такія понятія въ народѣ, передавая другимъ то, что слышали, видѣли и рѣшили, утвердятъ всюду уваженіе къ закону; получая выборомъ довѣріе къ ихъ правдивости и опытности, удостовѣряясь на самомъ дѣлѣ въ великой важности ихъ долга, присяжные засѣдатели привыкаютъ смотрѣть на свой призывъ въ судъ какъ на честь, оказанную имъ избраніемъ, какъ на великое право каждаго изъ нихъ быть судьею въ разбираемомъ дѣлѣ, и станутъ дорожить имъ, какъ добромъ, даннымъ въ лицѣ ихъ всему народу для правдиваго суда, ради общей пользы, въ которой есть доля

благополучія и спокойствія каждаго изъ нихъ самихъ: она заключается въ той увѣренности, что преступленіе не останется безъ наказанія, что каждому подсудимому будетъ оказана справедливость, что онъ не будетъ осужденъ безъ вины, не потерпитъ свыше вины, что въ судѣ правитъ всѣмъ законъ, а не произволъ и что по этому суда нечего бояться. По всѣмъ этимъ причинамъ судъ присяжныхъ введенъ въ нѣкоторыхъ государствахъ съ давняго времени и выказалъ такія преимущества предъ всякимъ инымъ устройствомъ суда, что и другія государства стали вводить его у себя. Въ Россіи этотъ судъ установленъ судебными уставами 20 ноября 1864 года и сталъ дѣйствовать съ 1866 года въ Петербургскомъ и Московскомъ судебныхъ округахъ, а потомъ и въ другихъ округахъ.

У насъ онъ оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что безъ этого суда народъ постоянно оставался бы безъ понятій о законѣ и судѣ, стоялъ бы отъ нихъ въ сторонѣ, боялся бы всякаго участія въ судѣ, раскрытіи преступленій, смотрѣлъ бы на дѣло суда, какъ на чужое ему дѣло, а отъ этого отчужденія народа преступленію легче развиваться.

Но чтобы присяжные засѣдатели могли исполнять свои обязанности судей разумно и добросовѣстно, нужно, чтобы это званіе было предоставлено людямъ годнымъ къ тому по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, чтобы выборъ ихъ былъ устроенъ правильно и зависѣлъ отъ лицъ, хорошо знающихъ мѣстныхъ жителей, чтобы призывъ присяжныхъ засѣдателей въ судъ дѣлался по падлежащему порядку и чтобы участіе ихъ

въ судѣ было обставлено такими правилами и обрядами, при которыхъ они имѣли-бы возможность воспользоваться всѣми способами судебнаго производства, служащими къ открытію истины и могли сказать правду въ своемъ рѣшеніи о винѣ или невинности подсудимаго. Для этого въ учрежденіи судебныхъ установленій указаны правила о томъ, кто можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ и какъ составляются списки избраннымъ въ присяжные засѣдатели; а въ уставѣ уголовнаго судопроизводства содержатся правила какъ призываются въ судъ присяжные засѣдатели и какъ производится въ судѣ дѣла, разбираемыя съ участіемъ ихъ. Объ этихъ правилахъ будемъ говорить въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА 2.

Кто можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ?

§ 2. По закону присяжные засѣдатели избираются *изъ мѣстныхъ обывателей всѣхъ сословій* (учр. суд. уст. ст. 81). Такимъ образомъ ни одно изъ сословій не исключено изъ участія въ судѣ въ званіи присяжныхъ засѣдателей; судъ ихъ не есть сословный, а только мѣстный, то есть составленный ихъ лицъ, проживающихъ въ томъ уѣздѣ, въ которомъ разбирается дѣло судомъ. Изъ общаго правила объ участіи всѣхъ сословій въ судѣ присяжныхъ, сдѣлано закономъ изъятіе для нѣкоторыхъ сословій, какъ будетъ выше сказано, такъ напримѣръ изъ духовенства для священнослужителей и монашествующихъ, изъ лицъ

служащихъ — для нѣкоторыхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Но эти лица не могутъ быть присяжными засѣдателями не потому, что они неспособны къ этому званію, — законъ не считаетъ ихъ неспособными, а потому что ихъ званіе и служба препятствуютъ имъ исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя.

Но изъ мѣстныхъ жителей избираются присяжными засѣдателями: 1) состоящіе въ *русскомъ подданствѣ*. Иностранцы не могутъ быть присяжными засѣдателями, такъ какъ они не знаютъ русской жизни, русскихъ правовъ и законовъ, притомъ они большею частью имѣютъ мало сношеній съ русскими подданными и ничѣмъ прочно не связаны съ ними.

2) Имѣющіе не менѣе *двадцати пяти* и не болѣе *семидесяти лѣтъ отъ роду*. Такъ какъ для исполненія

долга присяжнаго засѣдателя нужна житейская опытность и спокойная разсудительность, то въ это званіе не выбираются люди молодые, недостигшіе зрѣлаго возраста 25 лѣтъ; старики, имѣющіе болѣе 70 лѣтъ, не считаются способными къ званію присяжнаго засѣдателя, по обыкновенной въ этихъ лѣтахъ дряхлости, съ ослабленіемъ умственныхъ способностей. Впрочемъ нельзя считать неспособностью лѣта присяжнаго засѣдателя, если ему исполнится 25 лѣтъ въ день открытія судебнаго засѣданія.

3) *жительствующіе не менѣе двухъ лѣтъ* въ томъ уѣздѣ, гдѣ производится избраніе въ присяжные засѣдатели (учр. суд. уст. ст. 81). Такъ какъ присяжный засѣдатель долженъ знать свою мѣстность, быть связанъ съ нею, имѣть постоянныя сношенія съ мѣстными жителями, то это званіе

дается только тому, который прожилъ на мѣстѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Здѣсь разумѣется жительство въ точномъ смыслѣ этого слова, постоянное, а не временное пребываніе; поэтому не можетъ быть избранъ въ присяжные засѣдатели тотъ, кто имѣетъ лишь домъ, имѣніе въ извѣстномъ городѣ или уѣздѣ, живетъ въ другомъ мѣстѣ и только временно пріѣзжаетъ въ тотъ городъ или уѣздъ; онъ можетъ быть избранъ тамъ, гдѣ имѣетъ постоянное пребываніе.

Такимъ образомъ для избранія въ присяжные засѣдатели требуются три главныя условія: 1) русское подданство, 2) возрастъ не менѣе 25 и не свыше 70 лѣтъ и 3) жительство не менѣе двухъ лѣтъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ избираются присяжные засѣдатели.

§ 3. Указавъ условія, при кото-

рыхъ мѣстные обыватели могутъ быть избраны присяжными засѣдателями, законъ точнѣе опредѣлитъ, кто именно изъ этихъ обывателей можетъ быть присяжнымъ при вышеупомянутыхъ условіяхъ. Въ общіе списки присяжныхъ засѣдателей вносятся (учр. суд. уст. ст. 84, 86—87):

1) *Почетные мировые судьи.* Законъ ставитъ почетныхъ мировыхъ судей, на первомъ мѣстѣ въ ряду лицъ, избираемыхъ въ присяжные засѣдатели, 1) потому что самый выборъ извѣстнаго лица въ почетные мировые судьи показываетъ довѣріе къ нему общества,—столь же важное и для присяжнаго, какъ для судьи по совѣсти; 2) потому что, не отправляя постоянно обязанности мироваго судьи и являясь судьею лишь по желанію сторонъ въ дѣлѣ, почетный мировой судья обладаетъ всѣми качествами къ

добросовѣстному и безпрепятственному исполненію долга присяжнаго засѣдателя.

2) *Всѣ состоящіе въ государственной гражданской службѣ, по опредѣленію отъ правительства, въ должностяхъ пятаго и ниже классовъ.* Какъ лица, давшія присягу служить честно правительству, они признаются тѣмъ болѣе годными къ званію присяжнаго засѣдателя, что имѣютъ нѣкоторый достатокъ и свѣдѣнія нужныя для составленія правильнаго приговора о винѣ или невинности подсудимаго.

3) *Всѣ состоящіе на мѣстной службѣ, по выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, кромѣ городскихъ головъ.* Эти лица также обладаютъ качествами достойныхъ присяжныхъ засѣдателей, указываемыми выборомъ ихъ на должности обществомъ. За-

конъ не считаетъ городскихъ головъ неспособными къ присяжному засѣдательству, но освобождаетъ ихъ отъ этой повинности, во вниманіи къ ихъ затруднительнымъ обязанностямъ по городскому управленію.

4) Крестьяне, избранные *въ очередные судьи волостныхъ судовъ* или въ *добросовѣстные* волостныхъ и сельскихъ расправъ и равныхъ съ ними сельскихъ судовъ, а *также занимавшіе, безпорочно, не менѣе трехъ лѣтъ должности волостныхъ старшинъ, головъ, сельскихъ старостъ* или, другія соотвѣтствующія симъ должности въ общественномъ управленіи сельскихъ обывателей разныхъ наименованій, или *бывшіе церковными старостами*. Законъ считаетъ этихъ должностныхъ лицъ способными къ присяжному засѣдательству, по общественному довѣрію, которое оказывается избраніемъ въ не-

численные должности и по безпорочному исполненію обязанностей, лежащихъ на нихъ. По смыслу изложеннаго закона, крестьяне, прослужившіе въ должности сельскихъ старостъ, и волостныхъ старшинъ, не менѣе трехъ лѣтъ и въ званіи церковныхъ старостъ, но занимающіе во время выборовъ въ присяжные засѣдатели эти должности и остающіеся церковными старостами, не могутъ быть вносимы въ списки присяжныхъ, такъ какъ упомянутая статья закона говоритъ о нихъ «занимавшіе, бывшіе», то-есть пока занимаютъ должности старшины и старостъ, исполняютъ обязанности церковныхъ старостъ, они освобождены отъ званія присяжнаго, по своимъ служебнымъ трудамъ, а вносятся въ списокъ присяжныхъ, когда прослуживъ три года безпорочно, оставятъ свои должности; съ дру-

гой стороны о волостныхъ судьяхъ, законъ говоритъ «избранные», то есть они могутъ быть присяжными засѣдателями лишь на то время, на которое избраны, и если въ новый срокъ составленія списка присяжныхъ не избраны волостными судьями, то уже и не вносятся въ этотъ списокъ (указ. правит. сената 14 Іюля 1867 года). Засѣдатели волостныхъ правленій заступаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ должности сельскихъ старостъ и волостныхъ головъ, если служили не менѣе трехъ лѣтъ, безпорочно и оставили свою службу, могутъ быть вносимы въ списки присяжныхъ засѣдателей (опредѣленіе правит. сената 1866 года).

5) *Всѣ прочія лица, владѣющія землею въ количествѣ не менѣе ста десятинъ, или другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣнною, въ столицахъ,*

не менѣе двухъ тысячъ рублей, въ губернскихъ городахъ и градоначальствахъ не менѣе тысячи, а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе пятисотъ рублей, или же получающія жалованье или доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла въ столицахъ не менѣе пятисотъ, а въ прочихъ мѣстахъ, не менѣе двухъ сотъ руб. въ годъ. Законъ говоритъ «всѣ прочія лица», т. е. лица, не занимающія должности ни по назначенію отъ правительства, ни по выбору отъ общества; для этихъ лицъ, чтобы быть присяжными засѣдателями, нужно только недвижимое имущество вышеозначенной цѣны, или получать доходъ или жалованье въ указанномъ количествѣ. Такимъ образомъ, здѣсь способность къ званію присяжнаго засѣдателя опредѣляется имуществомъ, какъ указателемъ до-

стопиства извѣстнаго лица, дающимъ возможность предполагать, что это лицо имѣетъ здравый смыслъ, знанія жизни, опытность и ради своего достатка будетъ оберегать общество отъ преступленій, отъ несправедливости въ обвиненіи или оправданіи подсудимаго.

Согласно съ изложеннымъ въ списокъ присяжныхъ засѣдателей, вносятся *мужья* и *сыновья*, если *жены* первыхъ и *матери* или не могущіе по какимъ-либо причинамъ быть присяжными засѣдателями *отцы* послѣднихъ *владѣютъ недвижимымъ имуществомъ*, въ размѣрѣ выше опредѣленномъ или *имѣютъ капиталъ*, приносящій выше указанный доходъ. По этому правилу, *неотдѣленныя сыновья*, тогда только вносятся въ списокъ присяжныхъ засѣдателей, *когда на долю каждаго изъ нихъ можетъ изъ*

имѣнія или дохода отъ капиталовъ ихъ родителей причитаться часть не менѣе вышеустановленной (учр. суд. уст. ст. 87, 88).

Указавъ, кто именно можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ, законъ опредѣляетъ пороки, недостатки въ личныхъ качествахъ, дѣлающіе лицо, которое имѣетъ за собою исчисленныя условія для званія присяжнаго засѣдателя, неспособнымъ и неподлежащимъ избранію.

По этой причинѣ не могутъ быть избраны въ присяжные засѣдатели (учр. суд. уст. ст. 82):

1) *Состоящіе* подъ *слѣдствіемъ* или *судомъ* за преступленія или проступки, а равно и *подвергшіеся*, по судебнымъ приговорамъ, за противозаконныя дѣянія, *заключенію въ тюрьмѣ* или иному болѣе строгому наказанію и тѣ, которые, бывъ подъ су-

домъ за преступленія или проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами. Очевидно, что люди, опороченные по суду за преступныя дѣянія обвиненіемъ въ нихъ, не могутъ считаться на столько нравственными, чтобы правильно взвѣшивать добро и зло, какъ добросовѣстные судьи. Но законъ считаетъ неспособными къ званію присяжнаго засѣдателя только тѣхъ, кто судился и подвергся по приговору суда наказанію не менѣе тюремнаго заключенія, такъ какъ этому наказанію соотвѣтствуетъ уже довольно важный проступокъ, такъ по дѣламъ, разбираемымъ мировыми судьями, этому наказанію подлежатъ обвиненные въ кражѣ. Обвиненіе по судебному приговору въ проступкѣ, за который по уголовнымъ законамъ положено наказаніе, легче тюремнаго заключенія,

а именно арестъ, денежное взысканіе, выговоръ, замѣчаніе и внушеніе, не лишаетъ права быть присяжнымъ засѣдателемъ; оправданіе судомъ по обвиненію во всякомъ преступленіи, возвращаетъ право на избраніе въ присяжные засѣдатели. Но кто находится подъ слѣдствіемъ и судомъ вообще за всякое преступленіе, тотъ до прекращенія слѣдствія или до окончанія дѣла судебнымъ приговоромъ не можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ.

2) *Исключенные изъ службы по суду* или *изъ духовнаго вѣдомства за пороки* или же *изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ*. Всѣ эти лица считаются неспособными къ званію присяжнаго засѣдателя, потому что законъ не довѣряетъ приговоръ о винѣ или невинности обвиняемаго совѣсти

тѣхъ, которые навлекли на себя обвиненіе, имѣвшее послѣдствіемъ исключеніе изъ службы по суду или, безъ суда по приговорамъ самихъ обществъ, были исключены изъ среды своего общества за пороки. Нравъ и образъ мыслей такихъ людей сомнительны, поэтому имъ отказывается въ томъ довѣріи, которое необходимо присяжному засѣдателю, чтобы приговоръ его совѣсти былъ безукоризненною правдою.

3) Объявленные *несостоятельными должниками*. Законъ не различаетъ, какого рода несостоятельность постигла человѣка, впавшаго въ нее, несчастная или неосторожная, и считаетъ одинаково неспособными къ званію присяжнаго засѣдателя всѣхъ несостоятельныхъ должниковъ, потому что 1) они лишились имущества—одного изъ качествъ, на которыхъ ос-

повывается способность къ званію присяжнаго засѣдателя (учр. суд. уст. ст. 84 пунк. 5), 2) въ большей части случаевъ несостоятельность бываетъ послѣдствіемъ собственной оплошности должника, неумѣнья вести свои дѣла; отъ такого человѣка трудно ожидать осторожности, расчетливости въ чужихъ дѣлахъ, коль скоро онъ не умѣлъ справиться съ своими и потерялъ кредитъ въ денежныхъ оборотахъ.

4) *Состоящіе подъ опекою за расточительность.* Такое положеніе лица прямо указываетъ на сомнительное качество его разсудка, на легкомысліе, наклонность къ увлеченію, на образъ жизни безъ расчета, спустя рукава; полагаться на судъ такого человѣка нельзя, поэтому онъ не можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ.

5) *Слѣпые, глухіе, нѣмые и ли-*

шенные разсудка. Понятно, почему эти недостатки отнимаютъ у людей, страдающихъ ими, званіе присяжнаго засѣдателя: безъ зрѣнія, слуха и языка нельзя постигать того, что дается этими чувствами; глухой не будетъ слышать, что говорится въ судѣ, слѣпой не увидитъ вещей предъявляемыхъ присяжнымъ, нѣмой не скажетъ своего мнѣнія.

6) *Незнающіе русскаго языка.* Такъ какъ все производство въ судѣ ведется на русскомъ языкѣ, то, очевидно, безъ знанія и пониманія этого языка нельзя быть присяжнымъ. Здѣсь разумѣется не только совершенное незнаніе русскаго языка, но и плохое пониманіе устной рѣчи напримѣръ лицомъ, объясняющимся на иностранномъ языкѣ, непривыкшимъ къ русскому языку, знающимъ не всѣ его слова; но по этому требованію зако-

на не исключаются изъ числа присяжныхъ незнающіе русской письменной рѣчи, неграмотные; законъ допускаетъ неграмотныхъ, потому что у насъ, къ сожалѣнію, еще очень мало грамотныхъ.

§ 4. Кромѣ выше означенныхъ лицъ не могутъ быть присяжными засѣдателями другія лица, которыя, хотя и могли бы быть способны къ присяжному засѣдательству, но не вносятся въ списокъ, потому что законъ видитъ въ *службѣ, званіи* и *общественномъ положеніи* этихъ лицъ затрудненія къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя, требующихъ свободнаго отъ засѣданій времени, а нѣкоторыя должности считаетъ несовмѣстными съ долгомъ присяжнаго засѣдателя и по этимъ причинамъ освобождаетъ ихъ отъ такой повинности. Къ этому большому разряду лицъ,

невносимыхъ въ списокъ присяжныхъ засѣдателей, принадлежатъ (учр. суд. уст. ст. 84, 85, 86):

1) *Члены судебныхъ мѣстъ, участковые мировые судьи, оберъ-секретари и секретари, судебные пристава и нотаріусы.* Всѣ эти чины судебнаго вѣдомства слишкомъ обременены службою и не могутъ удѣлить свободнаго времени на исполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя; притомъ изъ нихъ члены судебныхъ мѣстъ и участковые мировые судьи, сами, рѣшая уголовныя дѣла, въ качествѣ судей отъ правительства, находятся въ такомъ положеніи, для устраненія котораго именно учрежденъ судъ присяжныхъ, какъ выше сказано. Изъ канцелярскихъ чиновъ судебныхъ мѣстъ законъ упоминаетъ только оберъ-секретарей и секретарей; поэтому помощники ихъ, канцелярскіе чиновни-

ки всѣхъ судебныхъ мѣстъ, писцы и кандидаты на судебныя должности не освобождаются отъ повинности присяжнаго засѣдателя и должны быть вносимы въ общій списокъ. Судебные слѣдователи считаются членами окружнаго суда (учр. суд. уст. ст. 79).

2) *Лица прокурорскаго надзора при судебныхъ мѣстахъ.* Эти лица не могутъ быть присяжными засѣдателями какъ по недостатку свободнаго времени, такъ и потому что принимаютъ участіе въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ власть обвинительная. Они всего болѣе наклонны къ преувеличенію вины, къ пристрастному рѣшенію дѣла. Лица, при нихъ служащія, какъ-то канцелярскіе чины и кандидаты на судебныя должности, подлежатъ внесенію въ списокъ присяжныхъ засѣдателей.

3) *Вице-губернаторы и чиновники*

полиціи вообще. Полицейскіе чины не могутъ отправлять обязанностей присяжныхъ засѣдателей, какъ по своимъ постояннымъ служебнымъ разъѣздамъ, такъ и по участію, которое принимаютъ они въ уголовныхъ дѣлахъ, въ дознаніи и розыскѣ преступленій. На томъ же основаніи *дворянскіе* и *сельскіе засѣдатели полицейскихъ управленій*, какъ принадлежащіе къ составу полицейскихъ установленій, не вносятся въ списки присяжныхъ засѣдателей.

4) *Городскіе головы, чиновники, занимающіе должности казначеевъ и лѣсничіе казенныхъ лѣсовъ.* Законъ не различаетъ мѣстъ, при которыхъ служатъ казначеи и освобождаетъ всѣхъ казначеевъ отъ повинности присяжнаго засѣдателя, потому что охраненіе ввѣренныхъ имъ денегъ и распоряженія деньгами лишаютъ ихъ возможности оставлять свою долж-

ность; по чины казенныхъ палатъ и казначействъ, кромѣ казначеевъ, должны быть вносимы въ списокъ присяжныхъ засѣдателей. Лѣсничіе казенныхъ лѣсовъ находятся въ постоянныхъ разъѣздахъ и потому не могутъ быть присяжными.

5) *Должностные лица, состоящія въ государственной службѣ и занимающія должности первыхъ четырехъ классовъ* (учр. суд. уст. ст. 84 пунк. 2). Законъ освободилъ этихъ лицъ отъ повинности присяжныхъ, во вниманіи къ важности должностей ихъ и соотвѣтствующихъ имъ обязанностей. Въ третьемъ томѣ свода законовъ означено, какія именно должности относятся къ первымъ четыремъ классамъ. Замѣтимъ, что законъ говоритъ о классахъ должностей *и состоящихъ* въ государственной гражданской службѣ; освобожденіе отъ по-

виности не относится къ классамъ чиновъ и къ отставнымъ; поэтому напримѣръ имѣющіе чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, по занимающіе должности пятаго класса и ниже, а также отставные тайные совѣтники подлежатъ внесенію въ списокъ присяжныхъ. Вообще законъ, освобождающій отъ повинности, долженъ быть толкуемъ въ буквальномъ, а не распространительномъ смыслѣ; такъ какъ если ограниченіе закона будетъ расширяемо, то нѣкоторые избѣгнутъ повинности несправедливо, въ ущербъ обложеннымъ ею, а судъ можетъ потерять полезныхъ присяжныхъ.

6) *Учители народныхъ школъ.* Эти лица обременены ученьемъ многихъ мальчиковъ и слишкомъ заняты имъ, а потому рѣдко могутъ быть свободны.

7) *Священнослужители и мона-*

шествующіе. Тѣ и другіе заняты церковными требами, молитвами и устраняются отъ свѣтскихъ службъ. Освобождаются отъ присяжнаго засѣдательства только священнослужители то есть священники и діаконы, но не церковнослужители — причетники, дьячки, псаломщики.

8) *Военные чины, состоящіе въ дѣйствительной военно-сухопутной или морской службѣ, а также тѣ изъ гражданскихъ чиновниковъ, которые находятся при войскахъ или служатъ по военно-судной части въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ*. Военнослужащіе постоянно мѣняютъ свое мѣстопребываніе и потому не имѣютъ существеннаго условія для присяжныхъ засѣдателей—осѣдлости, и притомъ нерѣдко бываютъ такъ заняты своею службою, что не могутъ удѣлить свободнаго времени для другихъ

занятій. Но только состоящіе въ дѣйствительной военной или морской службѣ исключаются изъ числа присяжныхъ, отставные же и безсрочно отпускные, а также гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, не состоящіе при войскахъ, какъ напримѣръ чиновники военнаго министерства, подлежатъ внесенію въ списокъ присяжныхъ.

9) *Лица находящіяся въ услуженіи у частныхъ людей*, (учр. суд. уст. ст. 86). Находящіеся въ услуженіи большею частью не имѣютъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ платы, получаемой за услуги, заставить ихъ нести государственную повинность присяжнаго засѣдательства значило бы часто лишить ихъ куска хлѣба. Притомъ, находясь въ большей или меньшей зависимости отъ тѣхъ лицъ, у которыхъ служатъ, они не могли бы быть самостоятельными

судьями, подчинялись бы мнѣнію этихъ лицъ. Къ лицамъ, находящимся въ услуженіи, не относятся получающіе жалованье за опредѣленные условіемъ труды, какъ напримѣръ служители и вольнонаемные въ присутственныхъ мѣстахъ писцы, купеческіе прикащики, управляющіе частными домами; они также вносятся въ списки присяжныхъ.

ГЛАВА 3.

Составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей.

§ 5. Лица, признанныя способными къ званію присяжныхъ засѣдателей и избранныя къ исполненію обязанностей этого званія вносятся въ списки.

Списки по своему назначенію имѣ-

ютъ разные виды и носятъ слѣдующія названія: 1) *общій списокъ*, въ который вносятся всѣ мѣстные жители уѣзда, имѣющіе право быть избранными въ присяжные засѣдатели; эти списки указываютъ только на лица, которыя, по опредѣленнымъ выше условіямъ и качествамъ, могутъ быть присяжными засѣдателями по извѣстному уѣзду. 2) *Очередной списокъ*, въ который вносятся лица избранныя изъ общаго списка въ присяжные засѣдатели и обязанныя въ теченіи года являться въ судъ, по вызову его, для исполненія долга присяжныхъ засѣдателей; этотъ списокъ опредѣляетъ, кто именно изъ мѣстныхъ жителей, въ указанную спискомъ четверть года, должепъ исполнять повинность присяжнаго засѣдателя, ссли будетъ вызванъ судомъ. Очередной списокъ именуетъ только

очередныхъ присяжныхъ засѣдателей; къ этому списку прибавляется *особый списокъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей*, обязанныхъ также въ извѣстную четверть года являться въ судъ, по вызову его, для пополненія очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, въ случаѣ недостатка ихъ. Изъ очереднаго и особаго списка запасныхъ присяжныхъ засѣдателей избирается судомъ по жребію тридцать очередныхъ и шесть запасныхъ для присутствованія въ судѣ въ теченіе всего времени, назначеннаго для разрѣшенія дѣлъ; это 3) *судебный списокъ* присяжныхъ засѣдателей, вызываемыхъ въ мѣсто пребыванія суда и обязанныхъ являться въ засѣданія суда въ теченіе извѣстнаго времени. Изъ этого списка въ каждомъ судебномъ засѣданіи составляется 4) *списокъ присутствія* присяжныхъ засѣдателей,

выборомъ по жребію *двенадцати комплектныхъ* присяжныхъ, разрѣшающихъ вину или невинность подсудимаго по дѣлу, слушаемому въ этомъ засѣданіи, и *двухъ запасныхъ*, хотя и не принадлежащихъ къ составу присяжныхъ, но находящихся въ судебномъ засѣданіи, для замѣны, въ случаѣ выбытія кого-либо изъ комплектныхъ. Такимъ образомъ общій списокъ присяжныхъ засѣдателей указываетъ только на лицъ, въ извѣстномъ уѣздѣ живущихъ, какъ на способныхъ къ этому званію, не опредѣляетъ, кто именно будетъ нести повинность присяжнаго засѣдательства и служитъ для выбора поименованныхъ въ немъ лицъ въ очередной списокъ. Очередной списокъ и особый списокъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей указываютъ уже на лицъ, признанныхъ по выбору особой коммисіи способными къ

исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ теченіи года и потому обязанныхъ являться въ судъ, въ случаѣ вызова; эти списки назначены для суда. Но изъ поименованныхъ въ очередномъ и запасномъ спискахъ, не всѣ дѣйствительно исполняютъ повинность присяжнаго засѣдателя, а только тѣ, на которыхъ падетъ жребій въ числѣ 36 человѣкъ при составленіи судебнаго списка, предъ открытіемъ судебныхъ засѣданій; этотъ списокъ служитъ для опредѣленія состава присутствія присяжныхъ засѣдателей. Поименованные въ немъ присяжные засѣдатели хотя и обязаны являться въ каждое изъ засѣданій, назначенныхъ на извѣстный періодъ, но не всѣ входятъ въ составъ присутствія, а только исотведенные сторонами и избранные по жребію 14 человѣкъ—12 комплектныхъ и 2 запасныхъ присяж-

ныхъ засѣдателей, изъ нихъ запасные, не составляя присутствія, находятся въ засѣданіи на случай замѣны одного или двухъ комплектныхъ присяжныхъ засѣдателей. Здѣсь будемъ говорить о составленіи списковъ общаго очереднаго и особаго, запасныхъ присяжныхъ засѣдателей; о составленіи же списковъ судомъ будетъ сказано при разсмотрѣніи участія присяжныхъ засѣдателей въ судѣ.

Отдѣленіе 1.

Составленіе общаго списка присяжныхъ засѣдателей.

§ 6. *Общіе списки* присяжныхъ засѣдателей составляются по каждому уѣзду отдѣльно, *особыми временными коммисіями, состоящими изъ лицъ, назначенныхъ для сей цѣли ежегод-*

но земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями общихъ городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній (учр. суд. уст. ст. 89). Такъ какъ составленіе общихъ списковъ требуетъ знанія мѣстныхъ жителей и ихъ качествъ, по которымъ каждый изъ нихъ можетъ или не можетъ быть присяжнымъ засѣдателемъ; то это дѣло предоставлено лицамъ, избраннымъ земскими собраніями изъ числа болѣе или менѣе знакомыхъ съ мѣстными жителями и могущихъ дать нужныя о нихъ свѣдѣнія. Законъ не опредѣляетъ числа такихъ лицъ, потому что онъ не могъ знать, сколько именно ихъ найдется въ каждомъ земскомъ собраніи; чѣмъ больше будетъ такихъ лицъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ списки. Вѣрность этихъ списковъ можетъ имѣть большое вліяніе на пра-

вильное, безошибочное составленіе очередныхъ списковъ для суда и слѣдовательно на удачный выборъ присяжныхъ засѣдателей для участія въ судѣ, поэтому при выборѣ означенныхъ лицъ должно быть обращено строгое вниманіе на ихъ знанія, опытность и добросовѣстность; они составляютъ временную коммисію для составленія общихъ списковъ. Чтобы не обременять однихъ и тѣхъ же лицъ постояннымъ пребываніемъ въ составѣ коммисіи, въ трудахъ на нее возложенныхъ, законъ даетъ земскимъ собраніямъ право *ежегодно* избирать членовъ въ эту коммисію, то есть назначать новыхъ или оставить прежнихъ. При первоначальномъ составленіи общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей когда вводятся въ какой-нибудь губерніи новые судебные уставы, земскія собранія назначаютъ членовъ

въ коммисію *при самомъ избраніи мировыхъ судей* (полож. о введен. въ дѣйствіе судебн. устав. ст. 42). Такъ какъ въ обѣихъ столицахъ самое большое число присяжныхъ засѣдателей состоитъ изъ жителей ихъ, то выборъ членовъ въ коммисію предоставленъ не однимъ земскимъ собраніямъ Петербургскому и Московскому, а соединеннымъ собраніямъ общихъ городскихъ думъ съ земскими собраніями (положеніе о земскихъ учрежд. ст. 45).

Въ законѣ ничего не говорится ни о томъ, какъ коммисія должна собирать свѣдѣнія объ условіяхъ и качествахъ, дѣлающихъ мѣстныхъ жителей способными къ присяжному засѣдательству, ни о томъ, какъ составляется общій списокъ, что въ немъ должно быть вписано: то и другое предоставлено усмотрѣнію самой коммисіи и опредѣляется закопными

правилами о лицахъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями и о назначеніи общаго списка. Коммисія можетъ сама отъ своихъ членовъ собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ жителяхъ и этимъ способомъ рѣшать, можетъ ли извѣстное лицо быть присяжнымъ засѣдателемъ или нѣтъ. Но эти свѣдѣнія могутъ быть неопредѣленны, неясны, недосточны, сомнительны; для провѣрки ихъ, въ случаѣ сомнѣній, коммисія должна обращаться къ мѣстамъ и лицамъ, которымъ ввѣрено завѣдываніе общественными дѣлами по состоянію и званію мѣстныхъ жителей и къ полиціи; такъ свѣдѣнія о дворянахъ могутъ быть собраны чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства или чрезъ дворянское депутатское собраніе, свѣдѣнія о купцахъ и мѣщанахъ могутъ быть собраны чрезъ городскую управу и думу или

чрезъ городскаго голову; о сельскихъ обывателяхъ, о крестьянахъ, избранныхъ въ волостные судьи, прослужившихъ безпорочно три года волостными старшинами, волостными головами, сельскими старостами, засѣдателями—чрезъ волостныя правленія и мировыхъ посредниковъ; о чиновникахъ состоящихъ на службѣ отъ правительства и по выборамъ чрезъ ихъ начальниковъ и присутственныя мѣста, гдѣ они служатъ, о количествѣ недвижимаго имущества, жалованьи, доходахъ отъ капитала, занятія, ремесла или промысла, по мѣсту имущества и жительства обывателя—чрезъ земскія и городскія управы, чрезъ начальства и казначейства, откуда получаются пенсіи и жалованье, при сомнѣнія въ лѣтахъ—отъ священника того прихода, въ которомъ живетъ обыватель; о находящихся подъ слѣдствіемъ, су-

домъ, исключенiи изъ службы, объ опекѣ за расточительность и несостоятельность чрезъ мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей и судебныя мѣста, дворянскiя опеки, сиротскiе суды и т. п.; такъ какъ свѣдѣнiя собираемыя чрезъ полицiю невсегда могутъ быть вѣрны и точны, то собирать ихъ чрезъ нее нужно только въ крайности, когда другимъ способомъ нельзя ихъ получить. При собранiи свѣдѣнiй о качествахъ обывателей слѣдуетъ удостовѣряться чрезъ надлежащiя власти какiя ихъ лѣта, прожили ли они на мѣстѣ не менѣе двухъ лѣтъ, какого вѣроисповѣданiя, грамотны ли, не были ли они исключены изъ общества или духовнаго вѣдомства за пороки, не страдаютъ ли слѣпотою, глухотою, нѣмотою, или другими болѣзнями, пре-

пятствующими имъ отлучаться и рѣшать дѣла, владѣютъ ли они русскимъ языкомъ на столько, чтобы понимать изустную рѣчь и говорить правильно понятно по русски, не находятся ли въ услуженіи у частныхъ лицъ. Всѣ собранныя свѣдѣнія, соотвѣтствующія вышеизложеннымъ правиламъ о способности и неспособности мѣстнаго жителя къ званію присяжнаго засѣдателя, должны быть полны, точны, вѣрны такъ какъ неполнота и ошибка могутъ повлечь за собою неправильное внесеніе въ общій списокъ лица, неимѣющаго права быть присяжнымъ засѣдателемъ, внесеніе въ очередный и запасный списокъ лицъ, недостойныхъ участвовать въ засѣданіяхъ суда и рѣшать дѣла уголовныя. Не слѣдуетъ забывать, что отъ вѣрности собранныхъ коммисіею свѣдѣній зависитъ

правильность суда присяжныхъ, такъ какъ суды не вмѣшиваются въ дѣятельность коммисіи, вѣрятъ ей вполнѣ. Отъ небрежности коммисіи, собирающей свѣдѣнія и составляющей списки присяжныхъ засѣдателей, случается, что нѣкоторыя лица могущія по закону быть присяжными засѣдателями и вполнѣ достойныя не внесены въ списки и чрезъ то, вопреки закоду, освобождены отъ повинности, падающей на другихъ, вынужденныхъ нести ее ежегодно, за недостаткомъ лицъ способныхъ, иногда бываетъ, что въ судъ вызываются лица, не живущія въ томъ уѣздѣ, по которому онѣ внесены въ списокъ, или умершіе, являются въ судъ присяжные засѣдатели несовершеннолѣтніе, глухіе, слѣпые или не имѣющіе по другимъ причинамъ права быть присяжнымъ засѣ-

дателемъ. Въ этомъ отношеніи весьма полезно, чтобы суды извѣщали коммисіи объ оказавшейся въ судѣ неправильности внесенія въ списокъ присяжнаго засѣдателя. Первоначальное составленіе общаго списка требуетъ наиболѣе вниманія и осторожности, такъ какъ впослѣдствіи только повѣряется и дополняется этотъ списокъ. Въ общемъ спискѣ означаются: 1) имя, отчество, фамилія и сословіе каждаго мѣстнаго жителя, могущаго быть присяжнымъ засѣдателемъ, по алфавитному списку фамилій всѣхъ способныхъ къ присяжному засѣдательству или по сословіямъ; если нѣсколько лицъ имѣютъ одну и туже фамилію и не различаются ни именемъ, ни отчествомъ, то слѣдуетъ означать номера 1, 2, 3 и т. д. или родство ихъ между собою—отецъ, сынъ дядя, пле-

мянникъ и т. д.; 2) лѣта; 3) вѣроисповѣданіе, 4) мѣсто жительства или мѣстослуженія, 5) основаніе, по которому обыватель вносится въ общій списокъ присяжныхъ засѣдателей то есть означеніе того условія, которое по закону даетъ вносимому въ списокъ право быть присяжнымъ засѣдателемъ наприм. почетный мировой судья, имѣетъ такое-то имущество; 6) грамотность или неграмотность это качество, необходимое для суда, можетъ быть опредѣлено впослѣдствіи при составленіи очереднаго и запаснаго списковъ, въ общій списокъ оно вносится лишь тогда, когда положительно извѣстно. Здѣсь представляется образецъ формы общаго списка.

Общій списокъ присяжныхъ засѣдателей по *такому-то* уѣзду на *такой-то* годъ.

Имена, отчества, фамиліи и званія.	Лѣта.	Вѣроисповѣданіе.	Мѣстожительства.	Основаніе внесенія въ списокъ.	Грамотность или неграмотность.
Аверьяновъ, Иванъ Петр., крестьян.	35	Православнаго.	Въ селѣ Ивановскомъ.	Занимаетъ должность волостнаго старшины 4 года *)	Грамотенъ.
Агроновъ, Максимъ Ив., дворянинъ.	27	Православнаго.	Въ деревнѣ Бурьянкѣ Малой.	Жена Агронова имѣетъ 350 десятинъ земли.	Грамотенъ.
АнтоновъСтепанъ Антон., крестьянинъ.	56	Православнаго.	Въ слободѣ Пригорной.	Избранъ въ должность волостнаго судьи.	Нѣтъ свѣдѣній.
Антоновъ Вадимъ Фомичъ, коллеж. секр.	47	Православнаго.	Въ г. Осташковѣ.	Занимаетъ должность бухгалтера уѣзднаго казначейства.	Грамотенъ.

Подпись предсѣдателя и членовъ коммиссіи

*) О безпорочной службѣ волостнымъ старшиною въ теченіи четырехъ лѣтъ есть отзывъ мироваго посредника *такого-то*.

Коммиссія обязана *повторять* и *дополнять* общій по своему уѣзду списокъ, исключая изъ него умершихъ или потерявшихъ право быть присяжными засѣдателями и внося тѣхъ, которые получили это право и такимъ образомъ *приготовлять къ 1-му сентября каждаго года* списокъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, имѣющихъ право быть избранными въ присяжные засѣдатели въ слѣдующемъ году (учр. суд. уст. ст. 90). Такимъ образомъ самая большая доля дѣятельности по составленію общаго списка присяжныхъ засѣдателей принадлежитъ коммисіи, первоначально составляющей этотъ списокъ; впослѣдствіи коммиссія занимается только провѣркою разъ составленнаго списка; эти повѣрка состоитъ въ исключеніи умершихъ или потерявшихъ право быть присяжными засѣдателями и въ пополненіи прежъ-

няго списка новыми лицами, пріобрѣвшими это право. Повидимому такого рода дѣятельность невелика; но для того, чтобы выполнить ее съ должнымъ вниманіемъ нужно вновь собирать свѣдѣнія, кто изъ мѣстныхъ жителей внесенныхъ въ прежній списокъ умеръ, потерялъ право присяжнаго засѣдательства и кто изъ невнесенныхъ въ списокъ получилъ это право, слѣдовательно нужно не только перечитывать прежній списокъ, но и въ случаѣ сомнѣнія удостовѣряться собираніемъ свѣдѣній, не произошло ли въ теченіи года какой-либо перемѣны въ основаніи, по которому то или другое лицо было внесено въ общій списокъ присяжныхъ засѣдателей, если никто изъ членовъ коммиссіи не можетъ положительно сказать, что перемѣны не произошло; такъ напримѣръ внесенное въ списокъ лицо мог-

ло умереть, переѣхать въ другой уѣздъ на жительство, достигнуть возраста болѣе 70 лѣтъ, попасть подъ слѣдствіе или находиться подъ судомъ, сдѣлаться слѣпымъ, глухимъ и тому под., словомъ коммиссія по отношенію къ каждому прежде внесенному въ списокъ, лицу должно провѣрить, не случилось ли какой-либо перемѣны въ его положеніи, которая, согласно съ требованіями закона относительно условій способности къ присяжному засѣдательству, отнимаетъ у него право быть присяжнымъ засѣдателемъ. Кромѣ того коммиссія обязана разсмотрѣть, нѣтъ-ли въ уѣздѣ лицъ, невнесенныхъ въ прежній списокъ, которыя пріобрѣли право быть присяжными засѣдателями. Такъ извѣстное лицо могло достигнуть 25 лѣтъ, прожить въ уѣздѣ два года, быть выбраннымъ въ почетные мировые или

волостные судьи, получить недвижимое имущество или жалованье или доходъ, по которымъ оно должно быть внесено въ списокъ присяжныхъ. Но и этимъ не ограничивается дѣятельность коммиссіи: прежній списокъ по повѣркѣ можетъ оказаться неисправнымъ, ошибочнымъ во внесеніи лицъ, неимѣющихъ право быть присяжнымъ засѣдателемъ или въ невнесеніи имѣющихъ право; новая коммиссія обязана исправить эти ошибки. Способы собиранія свѣдѣній—тѣ же, которыми пользуется коммиссія при первоначальномъ составленіи общаго списка и о которыхъ было выше сказано; коммиссія не обязана заводить переписки и можетъ собирать свѣдѣнія словесно чрезъ своихъ членовъ, если только на ихъ умѣнье и неопрошпость можно положиться; члены могутъ собрать свѣдѣнія въ канцеляріи окружнаго

суда о неисправностяхъ прежняго списка. Списокъ долженъ быть составленъ непремѣнно къ 1-му сентября, чтобы не пропустить сроковъ, назначенныхъ для повѣрокъ общаго списка и для представленія очереднаго и запаснаго списковъ въ судъ. Съ этою цѣлью коммиссія должна заблаговременно собираться для совѣщаній, по вѣрки прежняго списка и успѣшнаго добыванія нужныхъ ей свѣдѣній.

По изготовленіи коммиссіею общаго списка, *къ разсмотрѣнію его допускаются всѣ желающіе. Въ теченіи мѣсяца* со времени допущенія къ разсмотрѣнію общаго списка присяжныхъ засѣдателей, *каждый имѣетъ право заявлять коммиссіи о неправильномъ внесеніи или невнесеніи кого-либо въ этотъ списокъ, съ представленіемъ тому доказательствъ. По основательнымъ заявленіямъ этого рода,*

коммиссія исправляетъ, въ чемъ слѣдуетъ, составленный ею списокъ. О заявленіяхъ, неуваженныхъ коммиссіею и о причинахъ сего должно быть ею отмѣчаемо на самомъ спискѣ (учр. суд. уст. ст. 91—93). Изъ изложенныхъ постановленій видно, съ какою заботливостью законъ смотритъ на правильное составленіе общаго списка. Законъ не довѣряетъ провѣрку списка одной коммиссіи, которая можетъ ошибиться, пропустить нѣкоторыхъ лицъ, имѣющихъ право быть присяжными или внести въ списокъ не имѣющихъ права; считая списокъ присяжныхъ засѣдателей дѣломъ общественнымъ, законъ предоставляетъ самому обществу наблюдать за правильнымъ составленіемъ этого списка. Вотъ почему къ разсмотрѣнію списка допускаются *всѣ желающіе*, то есть не только тѣ лица, которыя облагаются

повинностью и которыя имѣютъ право попасть въ число присяжныхъ, но и всѣ безъ исключенія мѣстные жители, такъ какъ всѣмъ полезно и необходимо, чтобы въ присяжныхъ были люди, имѣющіе право на то и достойные этого званія, чтобы судъ ихъ былъ разуменъ, правиленъ; такъ какъ никто не можетъ поручиться, что онъ не будетъ подлежать этому суду: иногда несчастныя обстоятельства вовлекаютъ человѣка въ преступленіе помимо его воли, иногда на безвиннаго взводится обвиненіе въ преступленіи. Поэтому-то каждый, кто желаетъ, въ теченіи мѣсяца, то есть съ 1 сентября по 1-е октября, можетъ не только разсматривать общій списокъ присяжныхъ засѣдателей, но и заявлять коммисіи о неправильномъ внесеніи или невнесеніи *кого-либо* въ списокъ, то есть не только разсматривающаго, но

и лица, постороннаго для него. Законъ говоритъ, чтобы къ замѣчаніямъ о неправильномъ внесеніи или невнесеніи въ списокъ были прилагаемы доказательства, то есть, чтобы было указано, что напримѣръ *такой-то* невнесенъ въ списокъ, а между тѣмъ у него есть *такое-то* имущество или онъ служитъ *тамъ-то*, что напримѣръ *такой-то* внесенъ въ списокъ, а между тѣмъ онъ глухъ, нѣмъ, не прожилъ двухъ лѣтъ въ уѣздѣ, въ настоящее время переѣхалъ на жительство въ другой уѣздъ, о чемъ можно удостовѣриться чрезъ такихъ-то лицъ и тому подобныя доказательства правильности замѣчаній необходимы для того, чтобы не ставить коммисію въ сомнѣніе, въ затрудненіе, при разсмотрѣніи замѣчанія, вѣрить ему или не вѣрить, такъ какъ по заявленіямъ постороннихъ лицъ, *основательнымъ*,

она должна исправить списокъ, и если заявленіе неуважено, отмѣтить въ самомъ спискѣ, почему неуважено. Законъ назначилъ для разсмотрѣнія списка присяжныхъ срокъ съ 1 сентября по 1 октября, именно такое время, когда полевыя работы прекращаются, когда въ городъ собираются гласные для земскихъ собраній, словомъ, когда представляется наиболѣе удобствъ къ повѣркѣ списка присяжныхъ самимъ обществомъ. Чтобы такая повѣрка сдѣлалась доступною для всѣхъ желающихъ, коммисія, составляющая списокъ, должна выставить его въ такой комнатѣ, куда можно было бы войти каждому безпрепятственно, имѣть при этомъ особаго писца, который вносилъ бы сдѣланныя замѣчанія въ самый списокъ или на отдѣльномъ листѣ, и огласить о мѣстѣ, куда допускаются постороннія лица для раз-

смотрѣнія списка. Если при этихъ данныхъ закономъ средствахъ для повѣрки общаго списка присяжныхъ, этотъ списокъ составляется невѣрно, если въ него попадаютъ лица, не имѣющія право быть присяжными засѣдателями или пропущены лица, имѣющія это право, то виновата въ этомъ уже не одна коммисія, но и само общество. У насъ часто слышатся жалобы, что общество стѣснено въ своихъ правахъ, что не имѣетъ ихъ; а между тѣмъ на дѣлѣ нерѣдко выходитъ, что законъ даетъ права, а между тѣмъ общество или вѣрнѣе составляющія его частныя лица, по небрежности не пользуются предоставленными имъ правами для общей пользы, надѣясь на коммисіи, на разныхъ должностныхъ лицъ. Оттого у насъ права шатки, законы мало исполняются; если бы частныя лица, отстан-

вая свои права, требуя исполненія ихъ, тѣмъ самымъ заступались за права другихъ и заботились о правахъ общества, то ихъ собственныя права рѣже нарушались бы, были бы прочнѣе, отъ этого выиграло бы и общество. Такъ по отношенію къ составленію общаго списка присяжныхъ засѣдателей, если бы частныя лица не пренебрегали своимъ правомъ, а сами просматривали бы списокъ, составленный коммисіею, и дѣлали свои заявленія на ошибки въ немъ, то такая провѣрка повела бы къ тому, что какъ сами провѣрявшія, такъ и другія лица не были бы внесены въ списокъ, безъ права быть присяжнымъ и не были бы не внесены имѣющія на это право, списокъ составлялся бы вѣрно, коммисія побуждалась бы составлять его правильно, чтобы избѣжать замѣчаній и нареканій на неправиль-

пости списка, общество и правосудіе выиграло бы, такъ какъ частныя лица не несли бы повинности, вопреки закону, судъ и подсудимые были бы обезпечены правильнымъ спискомъ присяжныхъ засѣдателей. Такъ смотритъ на это дѣло и высшее судебное мѣсто, кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, не уважая жалобы, принесенной послѣ произнесенія приговора, на то, что въ число присяжныхъ засѣдателей, осудившихъ и оправдавшихъ подсудимаго, попало такое лицо, которое не имѣло права быть присяжнымъ засѣдателемъ; такая жалоба не уважается, отчасти потому, что по закону всѣмъ желающимъ представляется провѣрять общій списокъ присяжныхъ и что если частныя лица не воспользовались этимъ правомъ, то тѣмъ самымъ признали правильность его; допустивъ наруше-

ніе ихъ правъ по своей небрежности, по своей винѣ, тѣмъ самымъ потеряли его (угол. кас. рѣш. 1867 года №№ 178 и 192).

Общіе списки присяжныхъ засѣдателей представляются временными коммисіями къ 1-му октября губернатору, который провѣривъ, соблюдены ли при составленіи этихъ списковъ предписанныя закономъ условія, разрѣшивъ неуваженныя коммисіею заявленія и исключивъ изъ списковъ лица, неправильно туда внесенныя, съ указаніемъ противъ каждаго причины исключенія, возвращаетъ списки къ 1-му ноября тѣмъ же временнымъ коммисіямъ. Списки эти публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Недовольные исключеніями, сдѣланными губернаторомъ, могутъ жаловаться первому департаменту правительствующаго сената, въ теченіе

мѣсячнаго срока со дня публикаціи общихъ списковъ. Жалобы эти приносятся губернатору, который представляетъ ихъ сенату вмѣстѣ съ своими объясненіями. О послѣдовавшихъ по жалобамъ постановленіяхъ сената губернаторъ даетъ знать, для исполненія надлежащей временной комиссіи (учр. суд.уст. ст. 94—96).

Губернатору, какъ блюстителю общественнаго порядка въ губерніи, законъ предоставляетъ право повѣрки общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей. Съ этой цѣлью ему должны быть посылаемы для просмотра списки къ 1-му октября, то есть по окончаніи мѣсячнаго срока, назначеннаго для разсмотрѣнія ихъ частными лицами. Губернаторъ имѣетъ право: 1) исключить изъ списка присяжныхъ тѣхъ лицъ, которыя не соотвѣтствуютъ предписаннымъ въ законѣ правиламъ объ

условіяхъ, дающихъ право быть присяжнымъ засѣдателемъ и 2) разрѣшать неуваженныя коммисіею заявленія о неправильномъ внесеніи или невнесеніи кого-либо въ списокъ. На просмотръ общихъ списковъ губернатору дается срокъ по 1 ноября, далѣе этого срока задерживать у себя списки онъ не можетъ, такъ какъ коммисіи остается небольшой срокъ для составленія очереднаго и запаснаго списковъ присяжныхъ засѣдателей. Пользуясь правомъ исключить изъ списка лицъ, неправильно внесенныхъ въ списокъ, губернаторъ обязанъ означить причину исключенія то есть указать, какое нарушеніе закона сдѣлано коммисіею, относительно исключаемаго изъ списка лица. Если распоряженіе губернатора объ исключеніи будетъ незаконно, то недовольный имъ можетъ жаловаться въ первый депар-

таментъ правительствующаго сената, который разрѣшаетъ правильно ли исключилъ губернаторъ жалующагося изъ списка и если неправильно, то распоряженіе губернатора уничтожается опредѣленіемъ сената и жаловавшійся снова вносится въ списокъ. Срокъ на подачу этой жалобы назначается *мѣсячный*, считая со дня напечатанія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ общаго списка присяжныхъ засѣдателей, изъ котораго сдѣлано исключеніе; пропустившій этотъ срокъ, теряетъ право жалобы и если она будетъ подана, то оставляется сенатомъ безъ уваженія. Жалоба подается самому губернатору то есть чрезъ него сенату, потому что губернаторъ, представляя жалобу въ сенатъ, обязанъ доставить свое объясненіе по содержанію ея. О постановленіи сената, разрѣшающемъ жалобу, губернаторъ

дастъ знать временной коммисіи, которая, согласно съ этимъ постановленіемъ, вноситъ исключеннаго губернаторомъ въ списокъ, или оставляетъ безъ измѣненія распоряженіе губернатора объ исключеніи извѣстнаго лица изъ списка, если жалоба его будетъ оставлена сенатомъ безъ послѣдствій. Чтобы воспользоваться правомъ жалобы на распоряженіе губернатора необходимо знать, было ли исключено изъ списка извѣстное лицо губернаторомъ или невнесено въ списокъ коммиссіею; это еще разъ указываетъ на необходимость разсмотрѣнія частными лицами общаго списка присяжныхъ засѣдателей. Въ законѣ не сказано, можно ли и кому приносить жалобы на неправильное внесеніе или невнесеніе кого-либо въ списокъ коммиссіею. Правда, законъ даетъ право частнымъ лицамъ, при разсмотрѣніи

списка, дѣлать заявленія; по эти заявленія могутъ быть неуважены коммисіею, вопреки закопу, или коммисія можетъ нарушить существенное право всѣхъ и каждаго разсматривать общій списокъ отказомъ въ томъ. Думаемъ, что жалобы на коммиссію, согласно со смысломъ 95, 99, 66, и 106 ст. учр. суд. уст., могутъ быть приносимы чрезъ коммиссію въ первый департаментъ правительствующаго сената.

Съ отсылкою общаго списка во временную коммисію къ 1-му ноября, губернаторъ дѣлаетъ распоряженіе о публикованіи этого списка напечатаніемъ имень присяжныхъ засѣдателей въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ то есть губернскихъ или другихъ по выбору губернатора. Публикація эта необходима: 1., чтобы извѣстить мѣстное общество и внесенныхъ въ списокъ лицъ о томъ, кто можетъ и обязанъ нести

повинность присяжнаго засѣдателя 2., чтобы знать внесеннымъ въ списокъ лицамъ, кто изъ нихъ исключенъ губернаторомъ; со дня объявленія въ вѣдомостяхъ начинается мѣсячный срокъ на обжалованіе исключенія изъ списка присяжныхъ губернаторомъ.

Отдѣленіе второе.

Составленіе очереднаго и запаснаго списковъ присяжныхъ засѣдателей.

§ 7. *Составленіе очереднаго списка присяжныхъ засѣдателей по всему уѣзду возлагается на составляющую общій списокъ временную коммиссію, которая собирается для этого подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства и при участіи одного изъ мировыхъ судей уѣзднаго*

города (учр. суд. уст. ст. 97). Законъ не назначаетъ новой коммисіи для составленія очереднаго списка присяжныхъ засѣдателей, а оставляетъ это дѣло за тою самою коммисіею, которая составляла общій списокъ, потому что очередной списокъ составляется изъ тѣхъ лицъ, которыя внесены въ общій списокъ и составлявшимъ его членамъ коммисіи извѣстно, почему они вносили кого-либо въ общій списокъ. Но число членовъ коммисіи, составлявшей общій списокъ, увеличивается *уѣзднымъ предводителемъ дворянства*, предсѣдательствующимъ въ коммисіи и *мировымъ судьею* того города, въ которомъ составляется очередной списокъ; вводятся эти лица въ составъ коммисіи, потому, что предводителю дворянства, какъ предсѣдателю земскихъ собраній, болѣе или менѣе извѣстны способности мѣст-

ныхъ жителей, особенно дворянъ, по которымъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ вносить въ очередной и запасный списокъ присяжныхъ засѣдателей; а городской мировой судья, по своей судейской дѣятельности, близко знакомится съ мѣстными жителями, особенно горожанами, съ ихъ хорошими или дурными качествами.

Въ очередной списокъ вносятся изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть присяжными засѣдателями, только тѣ, которыя въ продолженіи наступающаго за тѣмъ года должны быть призываемы для участія въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ. Выборъ такихъ лицъ изъ общаго списка временная коммисія, въ усиленномъ присутствіи, производитъ по своему усмотрѣнію и по внимательномъ обсужденіи въ какой мѣрѣ каждое лицо, удовлетворяющее условіямъ, опредѣленнымъ

въ статьяхъ 81—85 учрежденія судебныхъ установленій, способно, по своимъ нравственнымъ качествамъ и другимъ причинамъ, извѣстнымъ комиссіи, къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Жалобы на постановленія коммиссіи по этому предмету не допускается, кромѣ случая, ниже указаннаго (учр. суд. уст. ст. 98—99)

Законъ разъясняетъ, что очередной списокъ состоитъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, имѣя право быть присяжными засѣдателемъ, должны быть призываемы для участія въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, въ продолженіи наступающаго, по составленіи списка года. Такимъ образомъ можно имѣть право быть присяжнымъ засѣдателемъ, быть внесеннымъ въ общій списокъ и не попасть въ очередной списокъ, потому что этотъ списокъ заключаетъ

въ себѣ число присяжныхъ гораздо менѣе всего числа лицъ, значащихся въ общемъ спискѣ и притомъ, чтобы попасть въ очередной списокъ нужно, чтобы коммисія признала способнымъ участвовать въ засѣданіяхъ суда.

Велики права и обязанности коммиссіи при составленіи очереднаго списка; она должна помнить, что вносимыя ею въ этотъ списокъ лица будутъ призваны въ судъ не для одной лишь повинности, что онѣ сдѣлаются судьями всѣхъ мѣстныхъ жителей по важнѣйшимъ преступленіямъ, что это должны быть лучшіе люди во всемъ уѣздѣ; что судъ присяжныхъ тогда только можетъ достигать свого назначенія, когда выборъ въ присяжные засѣдатели падетъ на такихъ лицъ, которыя по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ въ судѣ будутъ дѣйствительно представителями

большинства безукоризненныхъ гражданъ и которыхъ приговоръ можетъ быть признанъ за приговоръ общественной совѣсти; коммисія должна имѣть въ виду, что ея выборъ въ присяжные, какъ и приговоръ ихъ, не подлежитъ обжалованію, что тѣмъ важнѣе довѣріе ей оказываемое и что тѣмъ тяжелѣе нравственная ея отвѣтственность предъ обществомъ и правосудіемъ за неразборчивый выборъ присяжныхъ засѣдателей, внесенныхъ въ очередной и запасный списки; этотъ выборъ лежитъ на совѣсти членовъ въ коммиссіи, судъ не имѣетъ права исключать изъ списка, хотя бы оказались въ немъ неспособные присяжные засѣдатели. Коммисія, *въ усиленномъ составѣ*, то есть подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства и при участіи городскаго мироваго судьи, избираетъ присяж-

ныхъ засѣдателей въ очередной списокъ изъ общаго и при этомъ принимаетъ во вниманіе: 1) чтобы каждое, вносимое въ очередной списокъ, лицо, имѣло за собою всѣ условія, которыя законъ, въ 81—88 ст. учр. суд. уст., признаетъ необходимыми для званія присяжнаго засѣдателя и которыя выше разъяснены, 2) было способно по своимъ личнымъ качествамъ къ исполненію долга присяжнаго засѣдателя. Эти качества относятся къ состоянію умственныхъ силъ, требуемыхъ для каждаго присяжнаго засѣдателя на столько, чтобы онъ могъ разобрать обстоятельства уголовнаго дѣла, оцѣнить свойства преступнаго дѣянія, отличить истину среди лжи, неправды и заблужденій, которыми истина нерѣдко обставляется и затемняется, разрѣшить вину, ея различныя степени или невинность подсуди-

маго. Кромѣ умственной способности отъ присяжнаго засѣдателя требуется такое состояніе нравственности, при которомъ на него можно было бы положиться какъ на человѣка вполнѣ добросовѣстнаго и честнаго, не играющаго своимъ словомъ, твердо стоящаго за правду. Хотя нашъ законъ не требуетъ непремѣннымъ условіемъ для присяжнаго грамотность, но коммисія должна имѣть въ виду и это качество, предпочитать грамотныхъ то есть умѣющихъ правильно писать по русски неграмотнымъ такъ какъ при маломъ числѣ грамотныхъ въ судѣ жребій можетъ пасть на такихъ присяжныхъ, у которыхъ не будетъ грамотнаго старшины, который умѣлъ бы записать рѣшеніе присяжныхъ. Имѣя въ виду прежде всего умственныя и нравственныя качества лицъ, избираемыхъ въ присяжные, комми-

сія не должна оказывать никакого послабленія людямъ способнымъ, освобождая ихъ отъ повинности присяжнаго засѣдателя и пополняя ихъ другими менѣе годными къ этому званію. Оцѣнка способностей помѣщаемыхъ въ очередной списокъ предоставлена непосредственному усмотрѣнію членовъ коммиссіи; для этого законъ не требуетъ переписки, хотя не лишаетъ коммисію права собирать свѣдѣнія чрезъ своихъ членовъ; очевидно, чѣмъ болѣе знакомы они съ мѣстными жителями всѣхъ званій и сословій, тѣмъ правильнѣе будетъ очередной и запасный списокъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ очередной списокъ присяжныхъ засѣдателей вносятся: по городамъ С. Петербургу и Москвѣ съ ихъ уѣздами—1200 лицъ; по уѣздамъ, въ которыхъ болѣе 100,000 жителей—400

лицъ; по уѣздамъ, въ которыхъ менѣе 100,000 жителей — 200 лицъ, (учр. суд. уст. ст. 100) Означенное число лицъ должно нести повинность присяжныхъ засѣдателей въ теченіе года по очередному списку. Каждое изъ трехъ чиселъ должно быть раздѣлено на четверти; такимъ образомъ по уѣздамъ, имѣющимъ менѣе 100,000 жителей придется по 50 присяжныхъ на каждую четверть; полагая по 30 очередныхъ присяжныхъ на сессію или рядъ засѣданій, открываемыхъ на опредѣленное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, выйдетъ, что при 50 присяжныхъ судъ можетъ имѣть только одну сессію въ четверть года.

§ 8. *Одновременно съ изготовленіемъ очереднаго списка, временная коммисія, въ усиленномъ присутствіи, составляетъ особый списокъ запасныхъ засѣдателей. Въ этотъ спи-*

сокъ вносятся только лица, имѣющія жительство въ тѣхъ городахъ, въ коихъ, въ опредѣленные сроки, открываются засѣданія суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ списокъ запасныхъ засѣдателей вносится: по городамъ С. Петербургу и Москвѣ—200, а по прочимъ городамъ—60 лицъ (учр. суд. уст. ст. 101—102)

Законъ говоритъ, что особый списокъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей составляется въ тоже время, когда изготовляется очередной списокъ, то есть, съ первыхъ чиселъ ноября до первыхъ чиселъ декабря, въ которыхъ оба списка должны быть уже напечатаны въ вѣдомостяхъ. Составленіе особаго списка запасныхъ засѣдателей есть дѣло той же коммисіи, которая составляетъ очередной списокъ въ усиленномъ составѣ то есть подъ предсѣдательствомъ предводите-

ля дворянства и съ участіемъ городскаго мироваго судьи. Въ особый списокъ вносятся только городскіе обыватели то есть лица, имѣющія жительство не въ уѣздѣ, а въ чертѣ города, гдѣ обыкновенно происходитъ засѣданіе суда.—Это предписаніе закона согласовано съ назначеніемъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей: они замѣняютъ очередныхъ, которые не явятся своевременно въ засѣданіе суда или будутъ устранены по законнымъ причинамъ; требуя, чтобы въ запасный списокъ вносились только городскіе жители, законъ желалъ облегчить и ускорить вызовъ ихъ, въ случаѣ надобности. Далѣе законъ опредѣляетъ число присяжныхъ засѣдателей, вносимыхъ въ особый списокъ, различая С. Петербургъ и Москву отъ прочихъ городовъ. Такъ какъ запасные присяжные засѣдатели замѣняютъ очеред-

ныхъ, то все, что было сказано относительно избранія присяжныхъ въ очередной списокъ, относится и къ запасному.

По составленіи какъ очереднаго, такъ и запаснаго списковъ, временная коммисія, въ усиленномъ присутствіи, распредѣляетъ внесенныя въ эти списки лица уравнительно по четвертямъ года и дѣлаетъ въ первыхъ числахъ декабря распоряженіе о напечатаніи списковъ въ вѣдомостяхъ, а также объ извѣщеніи, чрезъ мѣстную полицію, избранныхъ лицъ о томъ: въ какіе мѣсяцы они должны быть готовы, по призыву суда, для исполненія обязанностей присяжныхъ. Въ тоже время подлинные списки препровождаются коммисіею къ предсѣдателю мѣстнаго окружнаго суда (учр. суд. уст. ст. 107). Также коммисія, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго пре-

дводителя дворянства и съ участіемъ городскаго мироваго судьи, которая составляетъ очередной и запасный списки,—распредѣляетъ вписанныхъ въ нихъ присяжныхъ засѣдателей по четвертямъ года уравнительно то есть дѣлитъ ихъ на четыре части и означаетъ въ обоихъ спискахъ, кто именно изъ присяжныхъ засѣдателей въ каждую изъ четвертей года, то есть, въ —первые, вторые, третьи и четвертые три мѣсяца долженъ исполнять обязанности присяжнаго засѣдателя. Судъ не можетъ измѣнить, по своему усмотрѣнію, этого распредѣленія и избираетъ по жребію изъ того и другого списка только тѣхъ присяжныхъ, которые поименованы въ той четверти года, когда назначаются засѣданія съ участіемъ присяжныхъ. Изъ этого видно, что распредѣленіе присяжныхъ засѣдателей по четвертямъ года имѣетъ

очень важное значеніе, такъ какъ отъ него зависитъ, какіе именно присяжные будутъ рѣшать дѣла, назначенные въ извѣстной четверти года; съ другой стороны оно важно и для самихъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ каждый изъ нихъ долженъ ожидать вызова въ судъ и исполнять повинность не цѣлый годъ, а лишь три мѣсяца и только тѣ три мѣсяца, которые назначены для него въ спискахъ коммисіи.

Распредѣленіе присяжныхъ засѣдателей по четвертямъ года требуетъ большаго вниманія со стороны коммиссіи въ томъ отношеніи 1., чтобы облегчить, по возможности, исполненіе повинности для присяжнаго засѣдателя и 2., чтобы распредѣленіе это было *уравнительно* не только для самихъ присяжныхъ, но и для суда, то есть чтобы судъ могъ имѣть въ виду въ

каждую четверть года болѣе или менѣе, ровное число достойныхъ присяжныхъ. Въ интересахъ присяжныхъ засѣдателей, они должны быть распредѣлены такъ, чтобы попадали въ тѣ мѣсяцы, когда они могутъ находиться дома и могутъ быть отвлечены отъ своихъ домашнихъ занятій безъ крайней тягости, такъ напримѣръ купцы въ извѣстные мѣсяцы разъѣзжаютъ по своимъ торговымъ дѣламъ, крестьяне въ нѣкоторые мѣсяцы заняты полевыми работами, въ другіе мѣсяцы — зароботками, чиновники—особеннымъ усиленіемъ своихъ занятій; для облегченія повинностей чиновникамъ и для устраненія крайняго вреда въ ихъ службѣ, слѣдуетъ размѣщать ихъ по четвертямъ года такъ, чтобы лица одного вѣдомства и мѣста службы не назначались присяжными въ одну и туже четверть года. Конечно коммисія дол-

жна сообразоваться съ мѣстными условіями жизни, занятій, большаго или меньшаго достатка у присяжныхъ; но она должна принимать эти условія по возможности, такъ какъ каждая четверть должна быть равномѣрна и опредѣленное число присяжныхъ должно быть въ ней, хотя бы и не всѣмъ присяжнымъ одинаково удобно было нести повинность въ ту четверть года, въ которой они показаны. Во всякомъ случаѣ коммисія должна быть настолько внимательна къ нуждамъ присяжнаго засѣдателя, чтобы не отяготить его до крайности внесеніемъ въ ту четверть года, въ которую онъ болѣе всего занятъ, безъ явной необходимости; чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда отвлеченіе отъ работъ въ извѣстную четверть тягостно для цѣлаго сословія или званія, повинность присяжнаго засѣдателя падала на лицъ, болѣе

достаточныхъ, имѣющихъ болѣе рабочихъ силъ и средствъ выносить неудобство быть присяжнымъ въ эту четверть года. Удачное распредѣленіе присяжныхъ засѣдателей по четвертямъ года имѣетъ огромное вліяніе на развитіе учрежденія присяжныхъ засѣдателей, котораго трудно ожидать, если повинность ляжетъ на цѣлый разрядъ лицъ невыносимымъ гнетомъ; съ этою цѣлью коммисія должна избѣгать внесенія въ списки бѣдняковъ, замѣнять ихъ людьми достаточными, а въ случаѣ невозможности, распредѣлять присяжныхъ по четвертямъ года такъ, чтобы для бѣдныхъ оно было неслишкомъ тяжко. По отношенію къ требованіямъ правосудія, коммисія должна распредѣлить очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей такъ, чтобы ни одна четверть не состояла изъ лицъ мало способныхъ, чтобы лучшіе при-

сяжные засѣдатели были равномѣрно раздѣлены; при состояніи нашей грамотности, нужно такое распредѣленіе присяжныхъ по четвертямъ, чтобы въ каждой изъ нихъ было, по возможности, достаточное число грамотныхъ не менѣе половины всего числа присяжныхъ, чтобы въ судебныхъ засѣданіяхъ была возможность, безъ затрудненія, имѣть присяжнаго грамотнаго для избранія въ старшины; притомъ каждая четверть должна быть составлена изъ присяжныхъ разныхъ званій и сословій, чтобы въ составѣ ихъ было разнообразіе, а не однородность, такъ какъ отъ лицъ разныхъ званій образуется болѣе правильное мнѣніе, при разностороннемъ взглядѣ на жизнь, пониманіи ея различныхъ условій.

Распредѣливъ присяжныхъ засѣдателей по четвертямъ года, коммиссія *въ первыхъ числахъ декабря* обязана

распорядиться о напечатаніи очередного и запаснаго списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Цѣль оглашенія въ газетахъ всѣхъ именъ присяжныхъ засѣдателей, съ означеніемъ, въ какой списокъ и въ какой четверти они внесены, — заключается въ томъ, чтобы всѣ мѣстные жители и судебная власть впередъ знали, кто обязанъ въ извѣстную четверть года выполнять обязанности присяжнаго засѣдателя; вообще законъ заботится, чтобы дѣятельность присяжныхъ засѣдателей важная для суда, общества и частныхъ лицъ была вполнѣ оглашена, всѣмъ заявлена. Законъ предписываетъ, чтобы очередной и запасный списки присяжныхъ объявлялись не позже первыхъ чиселъ декабря, такъ какъ въ январѣ будущаго года уже могутъ быть назначены судебныя засѣданія, для которыхъ избираются присяжные изъ

тѣхъ списковъ, которые публикуются; объявленіе въ газетахъ имѣетъ смыслъ и пользу лишь тогда, когда оно дѣлается заблаговременно, прежде чѣмъ будутъ призываться въ судъ публикуемые присяжные засѣдатели. Коммисія должна настаивать, чрезъ кого слѣдуетъ, чтобы списки печатались въ газетахъ безотложно, немедленно, иначе нѣтъ надобности въ печатаніи.

Но кромѣ оглашенія списковъ въ вѣдомостяхъ, коммисія должна объявить повѣсткою, чрезъ полицію, каждому избранному присяжному засѣдателю очередному или запасному, на мѣстѣ его жительства, въ какіе мѣсяцы (то есть въ какую четверть года) онъ долженъ быть готовъ явиться, по призыву суда, для участія въ засѣданіи. Это извѣщеніе даетъ присяжному засѣдателю возможность распорядиться своими домашними дѣлами

такъ, чтобы онъ могъ безъ затрудненія отлучиться въ судъ и въ случаѣ надобности прожить нѣкоторое время внѣ дома. Повѣстка должна быть вручена заблаговременно, до начала его четверти, самому присяжному засѣдателю или кому-либо изъ его домашнихъ, съ росписью въ полученіи повѣстки; такъ какъ эта росписка представляетъ доказательство, что повѣстка дѣйствительно передана полиціею, кому слѣдовало, и тогда присяжный засѣдатель не можетъ уже отговориться тѣмъ, что ему не было извѣстно о времени исполненія имъ повинности.

Во тоже время, то есть въ первыхъ числахъ декабря списки очередной и запасный передаются коммисіею предсѣдателю мѣстнаго окружнаго суда. Срокъ этой передачи не можетъ быть позже первыхъ чиселъ декабря, потому что въ началѣ января слѣдующаго года,

на который составлены списки, могутъ быть назначены уголовныя засѣданія съ участіемъ присяжныхъ и судъ въ этомъ случаѣ встрѣтитъ надобность въ спискахъ присяжныхъ въ первыхъ числахъ декабря, такъ какъ выборъ присяжныхъ судомъ, по закону, долженъ быть сдѣланъ за *три недѣли* впередъ до открытія засѣданій. Къ предсѣдателю должны быть доставляемы коммисіею свѣдѣнія объ умершихъ и потерявшихъ въ теченіи года право быть присяжнымъ засѣдателемъ.

Какъ въ очередномъ такъ и въ запасномъ спискахъ должно быть означаемо, кто изъ внесенныхъ въ оные исповѣдуетъ православную вѣру (учр. суд. уст. ст. 103)

Это требованіе закона соотвѣтствуетъ правилу устава уголовнаго судопроизводства, по которому въ разрѣшеніи дѣлъ о преступленіяхъ про-

тивъ православной вѣры могутъ участвовать присяжные засѣдатели только этой вѣры (ст. 1009); посему суду нужно знать, кто именно изъ присяжныхъ принадлежитъ къ вѣроисповѣданію православному.

Но для суда кромѣ этого свѣдѣнія необходимы и другія, безъ которыхъ онъ поставленъ былъ бы въ затрудненіе въ вызовѣ присяжныхъ засѣдателей и въ исполненіи порядка производства при разсмотрѣніи дѣлъ, съ участіемъ присяжныхъ. Опредѣленіе самой вѣры присяжнаго засѣдателя, какъ православной, такъ и другой, имѣетъ значеніе при разрѣшеніи вопроса о приводѣ присяжныхъ къ присягѣ. Суду необходимо знать лѣта присяжнаго засѣдателя, чтобы опредѣлить его большую или меньшую способность къ участію въ засѣданіи или неспособность, наступающую съ исте-

ченіемъ семидесяти лѣтъ; это свѣдѣніе важно для отводовъ присяжныхъ и справокъ суда и сторонъ; для той же цѣли должны быть указаны въ спискахъ очередномъ и запасномъ законныя основанія, по которымъ каждый засѣдатель внесенъ въ общій списокъ. Грамотность или неграмотность присяжныхъ должны быть означены въ спискахъ, для удостовѣренія, есть ли между присяжными достаточное число грамотныхъ, чтобы не встрѣтилось затрудненія въ выборѣ старшины. Мѣстопребываніе присяжныхъ должно быть въ точности извѣстно суду для вызова присяжныхъ. Такимъ образомъ всѣ свѣдѣнія, которыя заключаются въ общемъ спискѣ, должны быть помѣщены въ очередномъ и запасномъ, съ означеніемъ дѣленія присяжныхъ засѣдателей въ обоихъ спискахъ по четвертямъ года; форма этихъ

списковъ соотвѣтствуетъ вышеуказанной формѣ общаго списка (страница 51). Очередной и запасный списки посылаются предсѣдателю суда *подлинными* то есть за подписью предсѣдателя и членовъ составлявшей ихъ комиссіи.

§ 9. *Никто не можетъ быть призываемъ для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя болѣе одного раза въ годъ. Сверхъ того лица, исполнявшія обязанности присяжнаго засѣдателя въ одномъ году, имѣютъ право отказаться отъ этой обязанности въ слѣдующемъ за тѣмъ году. Изъятіе изъ этихъ правилъ допускается, единственно, въ случаѣ недостатка въ уѣздѣ или городѣ лицъ, способныхъ быть присяжными засѣдателями. Жалобы на внесеніе въ списокъ присяжныхъ засѣдателей, съ нарушеніемъ изложенныхъ правилъ, прино-*

сятся первому департаменту правительствующаго сената. (учр. . суд. устан. ст. 104—106.

Изложенныя предписанія закона разъясняютъ права присяжныхъ по исполненію повинности ихъ. Чтобы не обремѣнить ихъ частыми призывами въ судъ, не стѣснять жителей слишкомъ тягостно повинностью присяжнаго засѣдательства и тѣмъ не возбуждать въ нихъ недовольства противъ учрежденія суда присяжныхъ, законъ требуетъ 1., чтобы каждый присяжный засѣдатель былъ вызываемъ въ судъ только *одинъ разъ въ годъ.* Такимъ образомъ коммиссія не имѣетъ права помѣщать одно и тоже лицо въ двухъ четвертяхъ года, а судъ не имѣетъ права разъ вызваннаго и являвшагося въ засѣданія присяжнаго засѣдателя, призывать вторично въ томъ же году для другой сессіи. 2) Кто исполнилъ

обязанность засѣдателя въ одномъ году, тотъ имѣетъ право отказаться отъ исполненія этой обязанности въ слѣдующемъ году. Подъ исполненіемъ обязанности здѣсь разумѣется не одно участіе въ составѣ присутствія присяжныхъ засѣдателей; прокуроръ или защитникъ подсудимаго могутъ отвести присяжнаго засѣдателя, на него можетъ не пасть жребій, и такимъ образомъ онъ можетъ не быть въ составѣ присутствія ни въ одномъ изъ засѣданій, на которыя былъ вызванъ; но тѣмъ не менѣе присяжный засѣдатель исполнилъ свою обязанность, если онъ являлся въ засѣданія суда. Исполнившій обязанность присяжнаго засѣдателя *имѣетъ право* отказаться отъ нея въ слѣдующемъ году; законъ не обязываетъ его отказываться отъ исполненія долга присяжнаго засѣдателя, но даетъ лишь право, поэтому

если онъ не заявитъ коммисіи, составляющей списки присяжныхъ, о своемъ желаніи отказаться отъ исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя, то коммисія не имѣетъ права своею власти не вносить его въ очередной или запасный списокъ; молчаніе здѣсь значитъ желаніе быть присяжнымъ засѣдателемъ и въ слѣдующемъ году. Если присяжный засѣдатель желаетъ воспользоваться означеннымъ правомъ, то онъ долженъ, до составленія очереднаго и запаснаго списковъ, объявить коммисіи, что желаетъ отказаться отъ обязанности присяжнаго засѣдателя въ томъ году, на который составляются списки; при этомъ для подтвержденія дѣйствительности исполненія своей обязанности присяжный засѣдатель можетъ представить удостовѣреніе о томъ суда.

Но въ случаѣ недостатка лицъ спо-

собныхъ быть присяжными засѣдателями, въ уѣздѣ или въ городѣ комиссія имѣетъ право назначать одно и тоже лицо присяжнымъ засѣдателемъ нѣсколько разъ въ годъ и внести въ списки очередной или запасный такихъ лицъ, которыя исполняли обязанности присяжныхъ засѣдателей въ прошломъ году. Подъ недостаткомъ здѣсь разумѣется, по отношенію къ первому случаю, число лицъ, способныхъ быть присяжными меньше, чѣмъ установленное закономъ, по количеству народонаселенія уѣздовъ и городовъ, число очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей; недостаткомъ по отношенію ко второму случаю признается число лицъ, способныхъ быть присяжными не болѣе числа ихъ, опредѣленнаго закономъ.

Если присяжный засѣдатель находитъ, что упомянутыя правила, осво-

бождающія его отъ слишкомъ обременительной повинности, нарушены коммисіею безъ законнаго основанія, то онъ можетъ принести жалобу первому департаменту правительствующаго сената. Эта жалоба должна быть принесена своевременно то есть гораздо прежде, чѣмъ можетъ пасть на жалующагося жребій участвововать въ судебныхъ засѣданіяхъ, чтобъ сенатъ могъ разрѣшить жалобу до вызова въ судъ. Въ ней должны быть указаны основанія, по которымъ проситель считаетъ права его нарушенными, съ приложеніемъ доказательствъ неправильности помѣщенія просителя въ списокъ присяжныхъ, а именно удостовѣреній по надлежащей статьѣ закона о назначеніи въ присяжные нѣсколько разъ въ году, о выполненіи этой обязанности въ прошломъ году, о достаточномъ числѣ лицъ способ-

ныхъ къ присяжному засѣдательству. Жалоба должна быть подана въ коммиссію, для представленія ея въ сенатъ съ объясненіемъ.

§ 10. *Каждый изъ внесенныхъ въ очередной или запасный списокъ присяжныхъ засѣдателей можетъ просить председателя окружнаго суда о перенесеніи очереди его изъ одной четверти въ другую съ объясненіемъ причинъ. Эти просьбы могутъ быть удовлетворяемы собственною властію председателя, если не встрѣтится къ тому препятствій* (учр. суд. уст. ст. 108).

Этотъ законъ не освобождаетъ присяжнаго засѣдателя отъ повинности, но указываетъ способъ къ облегченію выполненія ея. Можетъ случиться и дѣйствительно бываетъ, что присяжный засѣдатель, по какимъ-либо домашнимъ обстоятельствамъ или заня-

тіямъ будетъ въ крайнемъ затрудненіи оставить семью, выѣхать изъ мѣста своего жительства, для исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя, въ ту четверть, которая назначена для него коммисіею; тогда какъ въ другую четверть онъ могъ бы безпрепятственно исполнить повинность. Въ этомъ случаѣ законъ предоставляетъ просить предсѣдателя окружнаго суда о перенесеніи присяжнаго засѣдателя изъ одной четверти въ другую. Въ просьбѣ должны быть объяснены причины, по которымъ проситель находитъ необходимымъ перепесеніе его въ другую четверть то есть должны быть указаны препятствія къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя въ назначенную по списку очередь; въ просьбѣ можетъ быть указана и четверть года, которую проситель признаетъ болѣе удобною для

него. Отъ усмотрѣнія предсѣдателя окружнаго суда зависитъ исполнить ли просьбу присяжнаго засѣдателя или нѣтъ; онъ разрѣшаетъ просьбу, сообразясь со спискомъ коммисіи и принимая во вниманіе, не встрѣчаются ли препятствія къ перенесенію просителя изъ одной четверти въ другую, по числу присяжныхъ въ той и другой четверти; для устраненія такого затрудненія присяжный засѣдатель, желающій перенесенія очереди, мѣняется очередью съ другимъ присяжнымъ засѣдателемъ изъ той четверти, въ которую первый находитъ удобнымъ занять мѣсто. Жалоба на отказъ въ просьбѣ о перенесеніи очереди не допускается. Само собою разумѣется, что просьба о перенесеніи очереди должна быть подана прежде избранія просителя по жребію въ число присяжныхъ засѣдателей для участія въ судѣ.

Порядокъ избранія и призыва въ судъ присяжныхъ для разсмотрѣнія и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ права и обязанности ихъ въ судѣ опредѣляются уставомъ уголовнаго судопроизводства и будутъ изложены въ слѣдующей главѣ.

Кромѣ правилъ о составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, въ учрежденіи судебныхъ установленій предполагалось установить правила о вознагражденіи присяжныхъ засѣдателей за понесенныя ими издержки, если они будутъ требовать. Это вознагражденіе назначалось производить изъ земскихъ сборовъ, такъ какъ повинность присяжныхъ есть общая обязанность, падающая на мѣстныхъ жителей и слѣдовательно въ вознагражденіи за исполненіе ея должны участвовать всѣ сословія, привлекаемыя къ уплатѣ земскихъ сборовъ. Количество

вознагражденія предоставлялось опредѣлять губернскому собранію на каждое трехлѣтіе. Но эти правила исключены изъ судебныхъ уставовъ, потому что относятся къ отвѣтственности земства по исполненію повинностей, не къ судебному устройству и вознагражденіе зависитъ отъ средствъ и усмотрѣнія земскихъ собраній. Такимъ образомъ присяжные засѣдатели, по закону, исполняютъ свою повинность безъ всякаго вознагражденія на собственныя средства каждаго изъ нихъ. Но опытъ уже убѣдилъ, какъ тяжела эта служба для нѣкоторыхъ жителей, въ особенности крестьянъ, обремененныхъ повинностями болѣе другихъ сословій и нерѣдко нуждающихся въ кускѣ хлѣба. Во вниманіи къ тягостному положенію бѣднѣйшихъ крестьянъ, нѣкоторыя земскія собранія назначаютъ имъ пособіе въ безплат-

помъ пользованіи земскими лошадьми при проѣздѣ къ мѣсту засѣданій суда и возвращеніе оттуда, въ займѣ денегъ изъ земскихъ сборовъ на пропитаніе и въ выдачѣ денежнаго пособія безвозвратно изъ земскихъ суммъ, —для полученія котораго достаточно заявленіе самаго присяжнаго засѣдателя о его бѣдности.

ГЛАВА VI.

Дѣла подлежащія суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; устройство этого суда.

§ 11. Судъ присяжныхъ, въ которомъ дѣйствуютъ не только судьи отъ правительства, но и судьи отъ общества, обставленъ обрядами и порядками, которые съ одной стороны направляютъ присяжныхъ засѣдателей къ

вѣрному исполненію ими своего долга, даютъ имъ возможность уразумѣть, обсуждаемое ими дѣло и безошибочно разрѣшить его, а съ другой представляютъ наиболѣе средствъ къ достиженію возможной въ судѣ человѣческомъ правды, къ огражденію невинности. Такой судъ требуетъ болѣе сложнаго производства, чѣмъ всякій другой судъ. Поэтому онъ вѣдаетъ дѣла важнѣйшія, въ которыхъ преступность и отвѣтственность подсудимаго за вину тяжки.

Законъ говоритъ, что судомъ съ присяжными засѣдателями вѣдаются дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, за которые положены наказанія болѣе строгія, а именно: *соединенныя* съ *лишеніемъ* или *ограниченіемъ правъ состоянія* (уст. угол. суд. ст. 201) то есть такія указанныя въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправи-

тельныхъ преступныя дѣйствія, за которыя полагается не только одно наказаніе напримѣръ заключеніе въ смирительномъ домѣ, въ рабочемъ домѣ, отдача въ арестантскія роты, въ каторжныя работы, ссылка въ сибирь на поселеніе, но и другое съ нимъ соединенное, а именно: лишеніе или ограниченіе правъ состоянія. Лишеніе правъ состоянія заключается или въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія или же въ лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія влечетъ за собою лишеніе правъ семейственныхъ, правъ собственности и состоянія; потеря правъ состоянія заключается въ лишеніи тѣхъ правъ, которыя присвоены каждому по его состоянію, такъ дворяне теряютъ права дворянства, духовные теряютъ санъ и званіе, почетные граж-

дане и купцы—доброе имя и всѣ преимущества городскихъ обывателей, почетныхъ гражданъ и купцовъ, лица прочихъ состояній—добраго имени и правъ каждому изъ этихъ состояній присвоенныхъ. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія присоединяется къ смертной казни, къ ссылкѣ въ каторжныя работы и къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь и за Кавказъ. (улож. о нак. ст. 17, 22, 25, 26). Эти наказанія принадлежатъ къ самымъ тяжкимъ, называемымъ уголовными и назначаются за тяжкія преступленія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ болѣе извѣстныя, сюда принадлежатъ: преступленія государственныя—злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни Государя Императора и членовъ Императорскаго дома, бунтъ, измѣна, богохульсніе и порицаніе вѣры отвлеченіе отъ христіанской вѣры въ нехристіан-

скую, скопческая ересь, оскорбленіе святыни, разные виды святотатства, умышленная лживая присяга, вооруженное или съ насиліемъ противодѣйствіе властямъ составленіе и употребленіе подложныхъ указовъ, манифестовъ, грамотъ, похищеніе, истребленіе и поврежденіе бумагъ, находящихся въ присутственномъ мѣстѣ, взломъ тюрьмы и насильственное освобожденіе и уводъ заключенныхъ въ ней, составленіе тайныхъ, вредныхъ для государства и правительства обществъ, недозволенное оставленіе отечества и неявка въ Россію обратно по вызову правительства, подлоги по службѣ, умышленная, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, несправедливость въ рѣшеніи дѣла, вымогательство взятки съ истязаніемъ или насиліемъ, поддѣлка монеты и государственныхъ кредитныхъ бумагъ, со-

противленіе распоряженіямъ для предупрежденія распространенія чумы, насиліе противъ карантинной стражи и нѣкоторыя нарушенія уставовъ карантинныхъ, составленіе шаекъ для разбоевъ, зажигательствъ и дѣланія фальшивой монеты, убійство, тяжкое увѣчіе и тяжкія раны нанесенныя съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ растлѣніе и изнасилованіе, угрозы лишить жизни или сдѣлать поджогъ или причинить насиліе, съ требованіемъ денегъ, кровосмѣшеніе въ первой и второй степени родства, поджогъ разбой, грабежъ съ угрозами или насиліемъ, кража шайкою, кража со взломомъ въ третій разъ, кража слугою съ наведенными на домъ или строеніе людьми и со взломомъ, продажа завѣдомо имѣнія, проданнаго уже другому лицу.

Лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ

и преимуществъ, лично и по состоянію обвиненнаго, ему присвоенныхъ, заключается въ потерѣ дворянства, чиновъ, знаковъ отличія и почетныхъ титуловъ и правъ вступать въ государственную или общественную службу, записываться въ гильдіи или получать свидѣтельства на торговлю, быть свидѣтелемъ при какихъ-либо договорахъ и другихъ актахъ и давать свидѣтельскія показанія по дѣламъ гражданскимъ, быть избираемымъ въ третейскіе судьи, быть опекуномъ или попечителемъ, быть повѣреннымъ по чьимъ-либо дѣламъ. Это наказаніе соединяется для обвиненныхъ, свободныхъ отъ тѣлеснаго наказанія, съ ссылкою на житье въ Сибирь или въ другія, кромѣ Сибирскихъ, отдаленныя губерніи съ временнымъ на мѣстѣ ссылки заключеніемъ или безъ заключенія, а для лицъ, исизъятыхъ отъ тѣлс-

сныхъ наказаній, лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ соединяется съ отдачею въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства или въ рабочій домъ или въ тюрьму (улож. о нак. ст. 30, 43). Такимъ наказаніямъ подвергаются осужденныя за преступленія меньшей важности, чѣмъ выше указанныя. Такъ напримѣръ сюда относятся кражи съ усиливающими вину обстоятельствами, напримѣръ: со взломомъ, кража запертыхъ сундуковъ и другихъ хранилищъ, простая кража въ третій разъ, простая кража, сдѣланная дворянами, священно-служителями, монашествующими и почетными гражданами; многія изъ вышеозначенныхъ тяжкихъ преступленій — по отношенію къ участникамъ, сообщникамъ, пособникамъ, попустителямъ, укрывателямъ наказываются также ли-

шеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ состоянія.

Ограниченіе правъ или потеря нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію осужденнаго присвоенныхъ, состоитъ въ запрещеніи дворянамъ вступать въ государственную или общественную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ какія-либо должности, въ потерѣ священно-служителями духовнаго сана навсегда, въ исключеніи церковно-служителей изъ духовнаго званія, въ запрещеніи купцамъ и почетнымъ гражданамъ участвовать въ городскихъ выборахъ и быть избираемыми въ городскія должности, для людей всѣхъ прочихъ состояній—въ потерѣ права участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ должности. Ограниченіе правъ соединяется съ заключеніемъ въ крѣпости отъ одного

года и 4-хъ мѣсяцевъ до 4-хъ лѣтъ или съ заключеніемъ въ смирительномъ домѣ на время отъ 8-ми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. (улож. ст. 50). Такія наказанія назначены уложеніемъ за преступленія менѣе важныя, чѣмъ тѣ, о которыхъ было сказано выше, такъ напримѣръ за оскорбленіе чиновника, нанесеніемъ побоевъ или другихъ насильственныхъ дѣйствій, при исполненіи имъ обязанностей службы или вслѣдствіе исполненія его обязанностей, поруганіе или искаженіе, съ намѣреніемъ оказать неуваженіе властямъ, публичныхъ памятниковъ, за умышленное нанесеніе, но безъ намѣренія на убійство, насильственныхъ дѣйствій, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, за драку, имѣвшую своимъ послѣдствіемъ смерть, когда извѣстно кѣмъ именно нанесены смертельные удары убитому.

Дѣла о преступныхъ дѣйствіяхъ, за которыя полагаются уложеніемъ или уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, наказанія менѣе строгія, несоединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ, не подлежатъ суду присяжныхъ, а разсматриваются судебными мѣстами безъ участія присяжныхъ засѣдателей или мировыми судьями. Но и эти незначительныя преступныя дѣянія могутъ подлежать суду присяжныхъ; это бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда по судебному слѣдствію измѣняются признаки преступленія, за которое подсудимый былъ преданъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ что вина его относится къ такому проступку, который не влечетъ за собою ни лишенія, ни даже ограниченія правъ; 2) когда кто-либо обвиняется въ нѣсколькихъ преступле-

ніяхъ, изъ которыхъ одни подлежатъ суду, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а другія—суду безъ участія ихъ или мировому судьѣ, тогда онъ за всѣ преступленія вмѣстѣ судится однимъ судомъ присяжныхъ; 3) когда съ главнымъ виновнымъ, подлежащимъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей обвиняются соучастники и прикосновенные къ дѣлу, подлежащіе наказанію безъ лишенія и ограниченія правъ, тогда всѣ они судятся однимъ судомъ присяжныхъ (уст. угол. суд. ст. 203, 205—207).

Дѣла о преступленіяхъ государственныхъ, не смотря на ихъ тяжесть, не подлежатъ суду присяжныхъ: онѣ вѣдаются судебными палатами и верховнымъ уголовнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей (ст. 204). Дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ воинскими чинами сухопутнаго

и морскаго вѣдомства, во время состоянія на дѣйствительной службѣ, подлежатъ военному суду, въ которомъ не участвуютъ присяжные засѣдатели (ст. 219). Дѣла о преступленіяхъ лицъ принадлежащихъ духовенству, заключающихъ нарушеніе обязанностей ихъ званія или подлежащихъ отвѣтственности, по усмотрѣнію духовнаго начальства, подлежатъ суду духовному (ст. 1017)

Въ дѣлахъ, которыя по общему закону судятся съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи, по особенному закону, не участвуютъ присяжные засѣдатели, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г. не учрежденъ судъ присяжныхъ, такъ въ закавказскомъ краѣ и Ставропольской губерніи (положен. 22 ноября 1867 г.)

§ 12. Присяжные засѣдатели не рѣшаютъ дѣлъ отдѣльно отъ состава судовъ, а только присоединяются къ составу судебныхъ мѣстъ, какъ временные судьи, соединяемые съ постоянными, для одной цѣли—опредѣленія вины или невинности подсудимыхъ (учр. суд. уст. ст. 7). Поэтому, говоря о составѣ суда присяжныхъ, скажемъ нѣсколько словъ о составѣ судебныхъ мѣстъ, къ которому они присоединяются.

Эти судебныя мѣста называются: окружный судъ, судебная палата и уголовный кассаціонный департаментъ правительствующаго сената. Окружный судъ, для составленія присутствія, долженъ состоять не менѣе какъ изъ трехъ членовъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться одинъ предсѣдатель или предсѣдательствующій, кромѣ двухъ членовъ и предсѣ-

дателя, въ засѣданіи долженъ быть секретарь или его помощникъ (учр. суд. уст. ст. 140)

Предсѣдаетъ въ судѣ или самъ предсѣдатель окружнаго суда или товарищъ предсѣдателя того отдѣленія суда, въ которомъ разсматривается дѣло когда судъ состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій или старшій изъ членовъ окружнаго суда, со всѣми правами предсѣдателя (ст. 78, 144).

Въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ, для составленія засѣданія приглашается членъ другаго отдѣленія, а при невозможности пополнить присутствіе этимъ порядкомъ привлекается мѣстный судебный слѣдователь или, если онъ занятъ производствомъ слѣдствія, одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей (ст. 145—146).

Въ засѣданіи суда присутствуетъ одинъ изъ состоящихъ при судѣ чи-

новъ прокурорскаго надзора, то есть, прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ (ст. 141).

Для защиты подсудимаго избирается имъ самимъ или назначается предсѣдателемъ суда защитникъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, а за недостаткомъ ихъ изъ кандидатовъ на судебныя должности (ст. 353, 416). Если же подсудимый не желаетъ имѣть защитника или нѣкого назначить ему въ защитники, то онъ самъ себя защищаетъ.

Для исполненія распоряженій предсѣдателя, по охраненію порядка въ засѣданіи суда находится судебный приставъ (ст. 143)

Тотъ же составъ присутствія долженъ быть въ судебной палатѣ и въ кассаціонномъ департаментѣ сената, съ тою только разницею, что въ палатѣ предсѣдаетъ старшій предсѣда-

тель или предсѣдатель департамента палаты, а въ кассаціонномъ департаментѣ предсѣдаетъ первоприсутствующій и находятся въ составѣ присутствія оберъ-секретарь или его помощникъ и оберъ-прокуроръ или его товарищъ.

Присяжные засѣдатели, участвующіе въ составѣ суда и рѣшающіе вину или невинность подсудимаго, должны быть въ числѣ 12 человѣкъ, которые составляютъ *присутствіе присяжныхъ засѣдателей* и называются *комплектными* къ нимъ присоединяются еще двое *запасныхъ*, для пополненія присутствія, комплекта, въ случаѣ надобности. Такимъ образомъ въ каждомъ засѣданіи суда, съ участіемъ присяжныхъ, должно находиться ихъ 14 человѣкъ (уст. угол. суд. ст. 658, 661).

Судебныя засѣданія окружныхъ судовъ, съ участіемъ присяжныхъ, от-

крываются не только въ городахъ, въ которыхъ находятся эти суды, но и въ другихъ мѣстахъ, къ ихъ округамъ принадлежащихъ. Это правило установлено для удобства призыва въ судъ присяжныхъ засѣдателей и свидѣтелей по близости разстояній ихъ мѣстъ жительства отъ мѣста засѣданій. Такъ какъ въ судебномъ округѣ бываетъ нѣсколько уѣздовъ, то обыкновенно судъ выѣзжаетъ въ уѣздные города и тамъ разбираетъ уголовныя дѣла. Засѣданія открываются въ назначенные судомъ постоянные или непостоянные сроки, продолжающіеся двѣ, три недѣли и составляющіе сессію или періодъ засѣданій. Засѣданія могутъ быть открываемы и на мѣстѣ совершенія преступленія (учр. суд. уст. ст. 138). Избраніе мѣста зависитъ отъ большаго или меньшаго числа дѣлъ въ извѣстномъ уѣздѣ

и отъ удобства помѣщенія въ уѣздномъ городѣ, необходимаго для засѣданій съ участіемъ присяжныхъ. Поэтому въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ или вовсе не бываетъ засѣданій или бываютъ опѣ очень рѣдко; часто дѣла одного уѣзда соединяются съ дѣлами другаго уѣзда и производятся въ одномъ мѣстѣ. Но для того чтобы судъ присяжныхъ достигалъ своей цѣли необходимо, чтобы, по возможности, судебныя засѣданія происходили въ томъ уѣздѣ, гдѣ жилъ подсудимый до совершенія преступленій, гдѣ его знаютъ. Поэтому земство каждаго суда обязано содѣйствовать удобному помѣщенію суда присяжныхъ въ его уѣздномъ городѣ, чтобы не отягощать сосѣдпихъ уѣздовъ частымъ призывомъ присяжныхъ этихъ уѣздовъ.

ГЛАВА 5.

Подготовка дѣла къ засѣданію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; приготовительныя къ суду распоряженія; выборъ судомъ и вызовъ присяжныхъ въ судъ; распоряженія предсѣдателя.

§ 13. По дѣламъ рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, судебному производству предшествуютъ во всякомъ случаѣ *предварительное слѣдствіе* и *преданіе обвиняемаго суду*. (уст. угол. суд. ст. 543).

Необходимость производства предварительнаго слѣдствія соотвѣтствуетъ важности тѣхъ преступленій, которыя подлежатъ суду съ присяжными и требуетъ полнѣйшаго раскрытія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Предварительное слѣдствіе производится, по установленнымъ въ за-

конѣ правиламъ, судебнымъ слѣдователемъ и состоитъ изъ такихъ предпринимаемыхъ имъ дѣйствій и распоряженій, посредствомъ которыхъ приводятся въ ясность всѣ обстоятельства, опредѣляющія преступленіе и виновность обвиняемаго въ немъ или его невинность, для преданія его суду и правильнаго производства судебнаго слѣдствія или для прекращенія дѣла. Сюда относятся слѣдующія дѣйствія и распоряженія: осмотръ и освидѣтельствованіе предметовъ преступленія, вещественныхъ доказательствъ и лицъ самимъ судебнымъ слѣдователемъ или посредствомъ свѣдующихъ людей, обыскъ и выемка, собраніе и и сохраненіе вещественныхъ доказательствъ, допросъ обвиняемаго и свидѣтелей, дознаніе чрезъ окольныхъ людей и пресѣченіе обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда,

отобраніемъ отъ него вида на жительство, отдачею подъ особый надзоръ полиціи или на поруки, взятіемъ залога, домашнимъ арестомъ и заключеніемъ подъ стражу. Такимъ образомъ предварительнымъ слѣдствіемъ изыскиваются доказательства преступленія и виновности или невинности извѣстнаго лица, способы его обвиненія и защиты на судѣ и принимаются мѣры, чтобы охранить для суда доказательства вины или невинности и обезпечить явку обвиняемаго въ судъ. Въ самомъ судѣ предъ присяжными засѣдателями для раскрытія истины, производится публично *судебное слѣдствіе*, которымъ повѣряется предварительное, разбираются доказательства вины или невинности, для осужденія, постановленія приговора о наказаніи и вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія, или для оправданія

по суду. Но и въ судебномъ предварительное слѣдствіе нерѣдко имѣетъ важное участіе: такъ иногда въ судебномъ засѣданіи читаются составленные судебнымъ слѣдователемъ протоколы объ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ и свидѣтельскихъ показаніяхъ (уст. угол. суд. ст. 626, 627, 687).

§ 14. По окончаніи предварительнаго слѣдствія, производимаго не изустно, словесно, а письменно, и при томъ закрыто, дѣло, составленное изъ протоколовъ и постановленій судебнаго слѣдователя и другихъ бумагъ, отсылается прокурору или его товарищу, который, разсмотрѣвъ дѣло, составляетъ заключеніе о преданіи обвиняемаго суду или о прекращеніи дѣла, если нѣтъ достаточныхъ уликъ для обвиненія.

Заключеніе прокурора о преданіи

обвиняемаго суду излагается въ формѣ *обвинительнаго акта*, въ которомъ должно быть означено: 1) событіе, заключающее въ себѣ признаки преступнаго дѣянія; 2) время и мѣсто совершенія этого преступнаго дѣянія, на сколько то можетъ быть извѣстно изъ предварительнаго слѣдствія; 3) званіе, имя отчество и фамилія или прозвище обвиняемаго; 4) сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго; 5) опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія. Къ обвинительному акту прокуроръ прилагаетъ списокъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, должны быть вызваны къ судебному слѣдствію. Обвинительный актъ вмѣстѣ съ подлиннымъ слѣдствіемъ представляется прокурорамъ на разсмотрѣніе судебной палаты чрезъ про-

курора палаты. Признавъ слѣдствіе достаточно полнымъ и произведеннымъ безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, палата постановляетъ окончательное опредѣленіе о предаціи обвиняемаго суду или о прекращеніи дѣла. Палата повѣряетъ, какъ слѣдствіе, такъ и обвинительный актъ, составленный прокуроромъ или его товарищемъ и заключеніе о прекращеніи дѣла, утверждаетъ или измѣняетъ его то есть можетъ прекратить дѣло, по которому прокурорскій надзоръ полагалъ предать обвиняемаго суду. или предать его суду, когда прокурорскій надзоръ признавалъ нужнымъ прекратить дѣло; но въ случаѣ измѣненія акта или заключенія, она обязана составить опредѣленіе, которое замѣняло бы собою обвинительный актъ. Опредѣленія судебной палаты обращаются,

чрезъ ея прокурора, къ прокурору окружнаго суда, а отъ него поступаютъ въ окружный судъ вмѣстѣ съ подлиннымъ слѣдствіемъ, обвинительнымъ актомъ и списком лицъ, вызываемыхъ къ судебному засѣданію. (уст. угол. суд. ст. 519—521, 523—525, 534, 537, 541).

Таковъ порядокъ производства дѣла, разрѣшаемаго съ участіемъ присяжныхъ, отъ начатія его у судебнаго слѣдователя до поступленія его въ судъ, разсматривающій дѣло, приготовляющій его къ судебному засѣданію и призывающій для разрѣшенія этого дѣла присяжныхъ засѣдателей. Выше изложенный порядокъ преданія суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей судебною палатою установленъ для того, чтобы обезпечить правильность и основательность обвиненія, обращенія обвиняемаго въ

подсудимаго, чтобы никто не попадалъ подъ судъ, не былъ посаженъ на скамью подсудимыхъ безъ достаточныхъ уликъ и чтобы бездоказательныя обвиненія, основанныя на однихъ предположеніяхъ, не приводили къ слишкомъ частымъ оправданіямъ, которыя колеблютъ довѣріе къ власти преслѣдующей, къ власти обвинительной. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что обвинительный актъ прокурора и преданіе суду палатою стѣсняютъ присяжныхъ засѣдателей въ ихъ приговорѣ обвинительномъ или оправдательномъ; преданіе суду не связываетъ присяжныхъ никакимъ мнѣніемъ, оно только допускаетъ дѣло до суда присяжныхъ: нѣтъ обвинительнаго акта, нѣтъ преданія суду и дѣло не попадетъ въ судъ присяжныхъ.

Изъ этого общаго порядка преданія суду, законъ допустилъ слѣдую-

щія изъятія: 1) если дѣло производится въ порядкѣ *частнаго обвиненія*, то обвинительный актъ замѣняется жалобою частнаго обвинителя, которая разсматривается палатою вмѣстѣ съ предварительнымъ слѣдствіемъ; въ дѣлахъ этого рода прокурорскій надзоръ никакого участія, не принимаетъ (уст. угол. суд. ст. 526, 540). Въ порядкѣ частнаго обвиненія производятся тѣ уголовныя дѣла, которыя начинаются неиначе, какъ вслѣдствіе жалобы потерпѣвшаго отъ преступнаго дѣянія лица и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ; по этимъ дѣламъ обличеніе обвиняемаго предъ судомъ законъ предоставилъ исключительно *частнымъ обвинителямъ*, а не прокурорскому надзору (ст. 5) Такъ напримѣръ сюда принадлежатъ дѣла о нанесеніи личныхъ обидъ какимъ либо оскорбительнымъ дѣйствіемъ отцу

или матери или иному родственнику по прямой восходящей линіи; причиненіе отцу или матери ранъ, увѣчья или инаго насильственнаго дѣйствія дѣла объ угрозахъ лишить кого-либо жизни или произвести поджогъ съ корыстною цѣлью, о кражахъ и мошенничествахъ между родителями и дѣтьми и между мужемъ и женою, о жестокомъ обращеніи мужа съ женою или жены съ мужемъ; объ обольщеніи незамужней женщины обѣщаніемъ жениться на ней. 2) *По преступленіямъ должностей*, лицъ служащихъ по административнымъ вѣдомствамъ, преданіе обвиняемыхъ суду предоставлено не судебной палатѣ, а начальству обвиняемаго; обвинительный актъ составляется прокуроромъ, на основаніи постановленія начальства того лица, которое обвиняется въ преступленіи должности. Преданіе суду боль-

шей части должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, а также присяжныхъ засѣдателей за нарушеніе обязанностей по этому званію зависитъ не отъ палаты, а отъ кассаціоннаго департамента сената (уст. угол. суд. 1080, 1082, 1096). Поступившее такимъ образомъ въ окружный судъ дѣло предварительно разсматривается въ немъ, приготовляется къ засѣданію и когда поступитъ къ судъ достаточное для цѣлаго періода засѣданій въ извѣстномъ мѣстѣ число дѣлъ, дѣлаются надлежащія приготовленія къ открытію засѣданій съ участіемъ присяжныхъ. Въ періодъ засѣданій назначается нѣсколько дѣлъ, чтобы не обременять присяжныхъ частымъ призывомъ въ судъ и чтобы число лицъ, назначенныхъ въ очередномъ и запасномъ спискахъ было достаточно

для разрѣшенія дѣлъ, поступающихъ въ судъ въ теченіе года.

§ 15. *За три недѣли* до открытія судебныхъ засѣданій съ присяжными засѣдателями, говоритъ законъ, *изъ очереднаго списка ихъ назначаются по жребію, при открытыхъ дверяхъ присутствія тридцать засѣдателей, для присутствованія въ теченіе всего періода засѣданій. Сверхъ того назначаются, тѣмъ же порядкомъ, шесть запасныхъ засѣдателей изъ особаго о нихъ списка* (уст. угол. суд. ст. 550). Законъ требуетъ, чтобы судебный списокъ присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ на періодъ засѣданій, былъ составленъ заблаговременно, по крайней мѣрѣ, за три недѣли, чтобы присяжные засѣдатели, выбранные и получившіе повѣстки о вызовѣ, могли приготовиться къ выѣзду въ мѣсто засѣданія суда, распорядиться своими

домашними занятіями и своевременно прибыть въ мѣсто, указанное въ повѣсткѣ. Означенный трехнедѣльный срокъ исчисляется со дня избранія по жребію 36 присяжныхъ до дня будущаго открытія засѣданія то есть до дня, на который назначено первое засѣданіе въ той сессіи, для которой составляется списокъ присяжныхъ засѣдателей; этотъ срокъ можетъ быть увеличенъ и обыкновенно увеличивается въ томъ соображеніи, что полиція медленно доставляетъ повѣстки присяжнымъ засѣдателямъ; такое замедленіе можетъ легко случиться при отдаленности отъ суда уѣзда, гдѣ открываются засѣданія, и дальности разстояній мѣстъ, откуда вызываются присяжные. Выборъ присяжныхъ дѣлается изъ обоихъ списковъ того уѣзда, гдѣ будутъ происходить засѣданія, очереднаго и запаснаго той четверти года,

въ которой будутъ происходить засѣданія, такъ какъ только назначенные на эту четверть присяжные засѣдатели обязаны выжидать вызова въ судъ. Выборъ производится изъ двухъ списковъ, составленныхъ особою комиссіею и доставленныхъ въ судъ—очереднаго и запаснаго: изъ очереднаго списка выбирается 30 человѣкъ, изъ которыхъ потомъ въ засѣданіи суда избирается составъ присутствія присяжныхъ засѣдателей, и изъ запаснаго списка 6 человѣкъ, для пополненія перваго списка, если кто-либо изъ 30 очередныхъ не явится въ засѣданіе суда или явившись будетъ отъ него уволенъ судомъ (ст. 647, 648). Выборъ присяжныхъ производится судомъ, въ составѣ котораго должны находиться предсѣдатель и два члена суда, секретарь или его помощникъ и прокуроръ или его товарищъ;

выборъ производится при открытыхъ дверяхъ присутствія, то есть публично, чтобы постороннія лица могли видѣть, что выборъ присяжныхъ засѣдателей производится правильно, безъ нарушенія закона. Выборъ предоставленъ жребію, чтобы ничей произволъ не руководилъ имъ, чтобы подсудимые, участь которыхъ будетъ рѣшена въ предстоящихъ засѣданіяхъ присяжными засѣдателями, имѣли въ нихъ судей, данныхъ имъ самою судьбою, случайностью павшаго на нихъ жребія, безъ всякаго посторонняго вліянія.

Вынутіе жребія присяжнымъ засѣдателямъ производится слѣдующимъ порядкомъ: *предсѣдатель суда положивъ билеты съ именами засѣдателей очередныхъ въ одинъ ящикъ, а съ именами запасныхъ въ другой, вынимаетъ изъ перваго тридцать, а изъ втораго шесть билетовъ; имена зна-*

чащіяся въ вынутыхъ билетахъ, вносятся въ два особые списка, которые скрѣпляются секретаремъ и подписываются судьями. О вынутіи жребія присяжнымъ засѣдателямъ составляется особый протоколъ (уст. угол. суд. ст. 551—552). Для вынутія жребія присяжнымъ засѣдателямъ должны быть въ судѣ два ящика: одинъ для билетовъ очередныхъ, другой для билетовъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей; оба ящика должны быть устроены такимъ способомъ, чтобы при выниманіи изъ нихъ билетовъ никакъ нельзя было видѣть, какой билетъ вынимается, иначе можетъ руководить выборомъ не жребій, а усмотрѣніе предсѣдателя. Обыкновенно каждый ящикъ дѣлается вращающимся посредствомъ ручки, чтобы внутри его находящіеся билеты могли разбрасываться въ разныя стороны, съ не-

большимъ отверстіемъ, для просовыванія руки, при вынимапіи билетовъ, отверстіе закрывается дверькою. Такой способъ устройства ящика наиболѣе соотвѣтствуетъ требованію закона объ избраніи присяжныхъ засѣдателей, которымъ должепъ управлять только слѣпой жребій; открытыя урны несогласны съ главнымъ условіемъ выбора и буквою закона, требующаго для жребія именно ящика.

До вынутія жребія приготовляются билеты съ написанными на нихъ именами присяжныхъ засѣдателей, означеными въ спискахъ очередномъ и запасномъ. Эти билеты могутъ быть сдѣланы изъ толстой наклеенной бумаги, въ видѣ картъ, чтобы удобнѣе могли разбрасываться въ разныя стороны внутри ящика; бумага можетъ быть двухъ цвѣтовъ, чтобы билеты очередныхъ присяжныхъ не смѣшива-

лись съ билетами запасныхъ. На билетахъ пишутся имена всѣхъ значащихся въ спискахъ присяжныхъ засѣдателей, за исключеніемъ умершихъ (учр. суд. уст. ст. 90) и съ прибавленіемъ тѣхъ, которые въ той же очереди не явились по вызову суда, безъ законныхъ причинъ или были уволены судомъ отъ засѣданій и не отбыли своей повинности (уст. угол. суд. ст. 647, 651). Затѣмъ билеты пересчитываются и свѣряются со спискомъ, во избѣжаніе ошибки, кладутся въ ящики очередные особо отъ запасныхъ, перемѣшиваются въ ящикѣ, верченіемъ его, и вынимаются: по очередному списку предсѣдатель вынимаетъ изъ ящика 30 билетовъ по одному и провозглашаетъ написанное на каждомъ билетѣ имя, которое и вносится секретаремъ въ списокъ очередныхъ присяжныхъ засѣдателей. Точно такимъ же образомъ вынимается

6 билетовъ изъ другаго ящика, а написанныя на нихъ и провозглашенныя предсѣдателемъ имена вносятся, по порядку вынутія, секретаремъ въ списокъ запасныхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ случаѣ какого-либо отступленія отъ закона, при вынутіи жребія, или ошибки, предсѣдатель суда объявляетъ о томъ во всеуслышаніе и немедленно возстановляетъ нарушенный порядокъ, но лишь въ отношеніи замѣченной неправильности или ошибки, не прибѣгая, безъ крайней необходимости, къ вынутію новаго жребія (уст. угол. суд. ст. 663).

Такимъ способомъ составляется *судебный* списокъ присяжныхъ засѣдателей очередныхъ и запасныхъ, обязанныхъ явиться въ судъ и участвовать въ судебныхъ засѣданіяхъ. Оба списка скрѣпляются секретаремъ и подписываются судьями, участвовавшими въ

избранія присяжныхъ засѣдателей, для удостовѣренія дѣйствительности этого избранія. Сверхъ того о вынутіи жребія долженъ быть составленъ протоколъ, также подписываемый судьями и скрѣпляемый секретаремъ. Въ немъ означается, какъ производился выборъ присяжныхъ засѣдателей.

Присяжные заседатели, избранные по жребію, извѣщаются о томъ повѣстками (уст. угол. суд. ст. 553). Повѣстка должна заключать въ себѣ, за подписью предсѣдателя суда или члена, точное указаніе: 1, лица вызываемаго въ судъ присяжнымъ засѣдателемъ; 2., времени и мѣста явки, гдѣ имѣетъ быть засѣданіе суда, а также время которое онъ долженъ пробыть тамъ, то есть время, какое назначено для періода засѣданій и 3., послѣдствія неявки, то есть означеніе, какія по уставу уголовнаго судопро-

изводства, причины неявки присяжнаго засѣдателя считаются законными и какія взысканія назначены за неявку безъ законныхъ причинъ; все это указывается выпискою въ повѣсткѣ 150, 388, 651 и 652 ст. уст. угол. суд. Повѣстки посылаются въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ вручается призываемому, а на другомъ онъ росписывается въ полученіи повѣстки. Нѣкоторые суды прилагаютъ къ повѣсткѣ печатный листъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей по участію ихъ въ судѣ; эта мѣра весьма полезна, для нашихъ малосвѣдущихъ присяжныхъ, такъ какъ даетъ имъ наставленіе, для чего вызываются они въ судъ, какъ и что будутъ тамъ дѣлать. Повѣстки съ вызовомъ присяжныхъ должны быть отправлены къ мѣстному начальнику полиціи заблаговременно

то есть тотчасъ по избраніи присяжныхъ судомъ: присяжный засѣдатель, несвоевременно получившій повѣстку, позже чѣмъ за недѣлю до открытія засѣданія, можетъ не явиться въ судъ и освобождается отъ взысканія за неявку (уст. угол. суд. ст. 650 пун. 2). Начальникъ полиціи распоряжается передачею повѣстокъ каждому присяжному засѣдателю, чрезъ своихъ подчиненныхъ. Предъявитель повѣстки присяжному засѣдателю передаетъ ему одинъ экземпляръ, отмѣтивъ на немъ время о вручепія повѣстки и требуетъ, чтобы въ тоже время на другомъ экземплярѣ получатель означилъ время получепія повѣстки. Если вызываемый въ судъ присяжный засѣдатель откажется дать росписку, то предъявитель повѣстки призываетъ двухъ свидѣтелей, которымъ заявляетъ отказъ призываемаго и отмѣчаетъ на обоихъ

экземплярахъ повѣстки, кому и когда именно она вручена и почему нѣтъ росписки принявшаго. Неграмотнымъ содержаніе повѣстки объявляется во всякомъ случаѣ при двухъ свидѣтеляхъ. За отлучкою присяжнаго засѣдателя изъ мѣста его жительства, повѣстка о вызовѣ въ судъ вручается подъ роспиcку или одному изъ его домашнихъ, преимущественно старшему, или хозяину дома, или дворнику, или же мѣстному полицейскому служителю, или сельскому начальнику. Если повѣстка не вручена присяжному засѣдателю лично, то одинъ экземпляръ ея прибивается: въ городѣ—къ дому полицейскаго управленія, а въ деревнѣ—къ дому сельскаго старосты или десятскаго. Второй экземпляръ повѣстки отсылается начальникомъ полиціи въ судъ, а именно въ то мѣсто, гдѣ назначены засѣданія суда въ повѣсткѣ;

если мѣстопребываніе вызываемаго присяжнаго засѣдателя не будетъ открыто, то полиція извѣщаетъ о томъ судъ. (уст. угол суд. ст. 378—386).

§ 16. Когда по предварительномъ разсмотрѣніи судомъ вступившаго въ него дѣла, ему будетъ данъ дальнѣйшій ходъ, то предсѣдатель суда дѣлаетъ немедленно распоряженіе о передачѣ подсудимому: 1, копіи съ обвинительнаго акта или съ жалобы частнаго обвинителя и 2, списка лицъ, которыя предполагается вызвать въ судъ (ст. 556). При выдачѣ этихъ документовъ, подсудимому объявляется, что онъ въ семидневный срокъ обязанъ довести до свѣдѣнія суда: избралъ ли кого-либо себѣ защитникомъ и не желаетъ ли, чтобы какіе-либо другія лица, сверхъ указанныхъ въ предъявленномъ ему спискѣ, были допрошены въ качествѣ

свидѣтелей и по какимъ именно обстоятельствамъ (ст. 557).

Подсудимые имѣютъ право избирать защитниковъ, какъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, кому законъ не запрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ (ст. 565). По просьбѣ подсудимаго, предсѣдатель суда назначаетъ ему защитника изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ, а за недостаткомъ ихъ, изъ кандидатовъ на судебныя должности, извѣстныхъ предсѣдателю по своей благонадежности (ст. 566) Если при судѣ не окажется свободныхъ отъ занятій присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ, то предсѣдатель можетъ отказать въ назначеніи защитника, и тогда подсудимый долженъ самъ защищать себя (угол. кас. рѣш. 1868 года № 456). Для двухъ и болѣе подсудимыхъ по одному

и тому же дѣлу можетъ быть назначенъ одинъ общій защитникъ только тогда, когда существо защиты одного не противорѣчитъ защитѣ другаго; въ противномъ случаѣ для каждаго подсудимаго долженъ быть назначенъ особый защитникъ (ст. 567). Подсудимые не лишаются права перемѣнить, съ вѣдома предсѣдателя, избранныхъ ими защитниковъ или просить о перемѣнѣ защитниковъ, назначенныхъ отъ суда (ст. 568). Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей, предсѣдатель суда разрѣшаетъ имъ объяснится наединѣ съ глазу на глазъ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражею (ст. 569). Предсѣдатель суда не можетъ отказать участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ въ вызовѣ свидѣтелей, сдѣлавшихъ показанія при предварительномъ слѣдствіи (ст. 574). Домогательство,

участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, неспрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, предсѣдатель предлагаетъ на разрѣшеніе суда, который при этомъ принимаетъ въ соображеніе основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность обстолтельствъ, подлежащихъ разъясненію (ст. 575). Стороны могутъ просить о вызовѣ въ судъ не только свидѣтелей, но и свѣдущихъ людей, для объясненія какого-либо предмета или для повѣрки сдѣланнаго уже испытанія (ст. 578).

Вмѣстѣ съ распоряженіями о вызовѣ въ судъ подсудимыхъ, защитниковъ ихъ, частныхъ обвинителей гражданскихъ истцовъ, свидѣтелей свѣдущихъ людей и всѣхъ приглашаемыхъ къ судебному слѣдствію лицъ, предсѣдатель суда назначаетъ время и мѣсто судебнаго засѣданія по каждому дѣлу,

соображалась съ отдаленностію мѣстопребыванія вызываемыхъ лицъ, съ временемъ, необходимымъ для приготовленія къ защитѣ подсудимыхъ и установленными періодами засѣданій (ст. 581, 586). Избраніе того или другаго времени въ особенности для засѣданій съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, должно быть соображаемо не только съ выше упомянутыми обстоятельствами, но и съ очередью поступленія дѣлъ, со временемъ заключенія подсудимыхъ подъ стражу, чтобы арестанты не сидѣли долгое время въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда и со временемъ, наиболѣе удобнымъ для явки въ судъ присяжныхъ засѣдателей, занятыхъ сельскими работами, промыслами или торговлею. О дѣлахъ, назначенныхъ къ слушанію, составляется объявленіе, которое прибивается у дверей суда, какъ въ мѣстѣ постояннаго его пре-

бываніи, такъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ судебное засѣданіе временно открывается (ст. 587). Это объявленіе оказывается необходимымъ, какъ для публичности судебныхъ засѣданій, которыя могутъ быть посѣщаемы посторонними лицами лишь тогда, когда оглашено, какія именно дѣла, въ какое время и гдѣ будутъ слушаться судомъ; такъ и для лицъ, приглашаемыхъ въ судъ, въ томъ числѣ и присяжныхъ засѣдателей, которые могутъ справиться по этому объявленію въ какіе дни и часы они должны являться въ судъ. Чтобы сдѣлать справку съ этимъ спискомъ вполнѣ легкою для присяжныхъ засѣдателей, онъ прибивается и въ особой комнатѣ суда, назначенной для присяжныхъ засѣдателей. Чтобы дать еще болѣе огласки судебнымъ засѣданіямъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, законъ предписываетъ

публиковать списокъ дѣламъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ заблаговременно и если не встрѣтится къ тому препятствій, не позже какъ *за двѣ недѣли* до наступленія каждаго періода засѣданій съ присяжными засѣдателями (ст. 588) Когда по дѣлу, назначенному къ слушанію, встрѣтится препятствіе къ открытію судебнаго засѣданія въ опредѣленный срокъ, или за болѣзнію подсудимаго или кого-либо изъ свидѣтелей, показаніе коихъ имѣетъ существенное въ дѣлѣ значеніе или же по инымъ важнымъ причинамъ, то предсѣдатель суда, отложивъ засѣданіе по этому дѣлу, даетъ о томъ немедленно знать лицамъ, вызываемымъ въ судъ и возвѣщаетъ посредствомъ объявленія, прибиваемаго у дверей суда (ст. 590). Лица, вызываемыя въ судъ извѣщаются заблаговременно объ отсрочкѣ

засѣданія, чтобы не являлись въ судъ безъ надобности и съ напрасною тратою издержекъ на проѣздъ, какъ напримѣръ свидѣтели, живущіе не на мѣстѣ засѣданій суда; съ тою же цѣлью, а также и для публики дѣлается оглашеніе объ острочкѣ засѣданія объявленіемъ у дверей суда. Законъ въ точности опредѣляетъ, какія послѣдствія влекутъ за собою неявки въ судъ подсудимаго, находящагося на свободѣ, защитника, частнаго обвинителя или его повѣреннаго и гражданскаго истца или его повѣреннаго (ст. 591—594).

За *три дня* до открытія судебнаго засѣданія, каждому подсудимому сообщается именной списокъ, какъ судей и прокурора, такъ и присяжныхъ засѣдателей (ст. 589). Списокъ судей, прокурора и присяжныхъ засѣдателей, которые будутъ участвовать въ разсмо-

трѣнія дѣла, долженъ быть переданъ подсудимому заблаговременно, не позже трехъ дней до открытія засѣданія, чтобы онъ имѣлъ возможность внимательно разсмотрѣть его, знать, кто будетъ его судья и обвинитель, быть увѣреннымъ въ ихъ безпристрастіи, собрать, если окажется нужнымъ, свѣдѣнія о нихъ и имѣть возможность отвести судей по указаннымъ въ законѣ причинамъ, присяжныхъ засѣдателей безъ объявленія причинъ, а относительно прокурора указать на законныя причины къ его устраненію. Чтобы исполненіе этого закона достигало своего назначенія необходима вѣрность и опредѣлительность списка судей, прокурора и въ особенности присяжныхъ засѣдателей, которыхъ много, должны быть съ точностью означены ихъ имена, отчества, фамиліи и званія, чтобы не было допущено ошибки и подсудимый

имѣлъ возможность различать лицъ, не смѣшивая ихъ съ другими и не потерять права на основательный отводъ.

ГЛАВА 6.

Составъ присутствія для судебнаго засѣданія; внѣшнее устройство помѣщенія и засѣданія суда; права предсѣдателя суда по управленію и порядку засѣданія; главныя правила производства дѣла.

§ 17. Судебное засѣданіе требуетъ полнаго состава суда, образующаго присутствіе; о личномъ составѣ суда, необходимомъ для засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, было уже говорено въ своемъ мѣстѣ (см. § 12). Участіе трехъ однихъ и тѣхъ же судей въ засѣданіи, отъ начала судебнаго слѣдствія до конца засѣданія

такъ необходимо, что если одинъ изъ нихъ, по какимъ-либо причинамъ, оставитъ присутствіе, а на мѣсто его вступитъ другой судья, то судебное слѣдствіе и всѣ пренія на судѣ возобновляются съ самаго начала; но отлучка прокурора и секретаря не препятствуетъ продолженію засѣданія; они могутъ быть замѣнены другими лицами во всякое время (уст. угол. суд. ст. 596—598).

Изъ наличнаго состава присутствія судьи могутъ быть отводимы подсудимымъ и потерпѣвшимъ отъ преступленія лицомъ, а прокуроръ и секретарь обязаны сами себя устранить по слѣдующимъ причинамъ, мѣшающимъ справедливому, безпристрастному разбору дѣла: 1 *когда судья, жена его, родственники въ прямой линіи безъ ограниченія, а въ боковыхъ родственники первыхъ четырехъ и свойственники*

первыхъ трехъ степеней или усыновленный судьею имѣютъ участіе въ дѣлѣ, то есть, имѣютъ выгоду въ разрѣшеніи его въ пользу или противъ подсудимаго, такъ напримѣръ у нихъ была сдѣлана кража за которую судится подсудимый или когда они находятся въ родствѣ съ нимъ. 2., *когда судья былъ по дѣлу судебнымъ слѣдователемъ, прокуроромъ или повѣреннымъ одной изъ сторонъ или же значится въ дѣлѣ свидѣтелемъ*; 3., *когда судья состоитъ опекуномъ одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ или когда одинъ изъ нихъ управляетъ дѣлами другаго*, то есть судья управлять дѣлами подсудимаго или потерпѣвшаго отъ преступленія или наоборотъ подсудимый или потерпѣвшій управляетъ дѣлами судьи; 4., *когда судья или жена его состоятъ по закону ближайшими наслѣдниками одного*

изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ или же имѣютъ съ однимъ изъ нихъ тяжбу (ст. 600). Судья, которому извѣстны причины къ его отводу, обязанъ объявить о томъ суду, не ожидая предъявленія отвода участвующими въ дѣлѣ лицами; точно также должны поступить прокуроръ и секретарь, если знаютъ объ означенныхъ причинахъ къ отводу ихъ самихъ (ст. 606, 608, 609). Въ законѣ опредѣлены время и порядокъ предъявленія причинъ отвода порядокъ разсмотрѣнія судомъ причинъ къ отводу судей (ст. 601—605).

Засѣданіе суда происходятъ въ назначенныхъ для этого зданіяхъ (учр. суд. уст. ст. 137). На мѣстѣ постояннаго пребыванія суда устроено особое зданіе окружнаго суда. Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходятъ временныя засѣданія суда по дѣламъ уголовнымъ, помѣщеніемъ для нихъ обык-

повсѣмѣстно служитъ зданіе назначенное для мироваго съѣзда; въ нѣкоторыхъ уѣздахъ земство озаботилось такъ устроить это зданіе, чтобы оно могло съ удобствомъ служить для временныхъ засѣданій окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Чтобы эти засѣданія могли происходить безъ затрудненій и нарушеній порядка производства уголовныхъ дѣлъ, нужно помѣщеніе, состоящее изъ слѣдующихъ комнатъ: просторной залы для публичнаго засѣданія, въ которой необходимы мѣста для цѣлаго состава суда, для присяжныхъ засѣдателей, въ числѣ 36 человѣкъ, для нѣсколькихъ подсудимыхъ, сидящихъ на скамьяхъ, съ особымъ помѣщеніемъ для защитниковъ ихъ, для свидѣтелей и мѣста для публики, особой комнаты для совѣщанія судей, комнаты для совѣщанія и отдохновенія присяжныхъ за-

сѣдателей, которые иногда должны имѣть ночлегъ, особыхъ комнатъ для свидѣтелей и свѣдущихъ людей, которыхъ можетъ быть вызвано очень много, компаты для подсудимыхъ. Зала засѣданія раздѣляется на двѣ части: одна назначается для присутствія суда и лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ; другая—для постороннихъ лицъ, составляющихъ публику (времен. правила для внутр. распорядка въ суд. устан. ст. 3). Въ залѣ публичныхъ засѣданій должны находится: на столѣ зерцало и на случай привода къ присягѣ аналой съ крестомъ и святымъ евангеліемъ. Лица, входящія въ составъ присутствія помѣщаются на возвышеніи, гдѣ стоитъ судейскій столъ противъ мѣстъ назначенныхъ для публики. Члены суда занимаютъ мѣста по старшинству службы или по старшинству назначенія въ должность,

предсѣдатель имѣетъ первое мѣсто (времен. правила ст. 4); по-общепринятому порядку предсѣдатель занимаетъ мѣсто по срединѣ судейскаго стола, по правую сторону отъ него занимаетъ мѣсто старшій членъ, а по лѣвую младшій, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ суда за особыми столами занимаютъ мѣста по правую сторону отъ суда прокуроръ или его товарищъ, по лѣвую—секретарь или его помощникъ. Присяжные засѣдатели занимаютъ мѣста въ залѣ, особо для нихъ назначенныя, противъ скамей для подсудимыхъ; сверхъ того они имѣютъ особыя комнаты для совѣщаній и отдохновенія; въ одной изъ нихъ на видномъ мѣстѣ, въ нѣкоторыхъ судахъ, выставляется печатная крупными буквами выписка изъ статей устава уголовнаго судопроизводства, опредѣляющихъ права и обязан-

ности присяжныхъ засѣдателей, порядокъ совѣщаній и объявленія постановленнаго ими рѣшенія. Комнаты для присяжныхъ должны быть устроены и обставлены такъ, чтобы они могли безъ стѣсненія помѣщаться продолжительное время и даже ночевать, имъ нужны перья, чернила, бумага, карандаши, чистая вода въ графинахъ, возможность освѣжать воздухъ. Подсудимые помѣщаются на скамьяхъ такъ, чтобы ихъ могли видѣть судьи и присяжные засѣдатели; при содержащихся подъ стражею стоитъ стража изъ солдатъ; близъ подсудимыхъ занимаютъ мѣста ихъ защитники. Для порядка въ засѣданіяхъ и исполненія порученій предсѣдателя въ той же части залы находится на особомъ мѣстѣ судебный приставъ. Священникъ, свидѣтели и свѣдующіи люди также имѣютъ особыя мѣста въ залѣ. Часть

залы назначенная для публики, должна быть на столько просторна и удобна, чтобы засѣданія были на самомъ дѣлѣ, а не по одному закону, публичны, чтобы постороннія лица могли слышать и видѣть все, что происходить на судѣ. Для совѣщанія судей есть особая комната, входить въ которую во время совѣщаній не могутъ чины прокурорскаго надзора (учр. суд. уст. ст. 142), для устраненія вліянія ихъ на судей. Свидѣтели и свѣдущіе люди также имѣютъ особыя комнаты, чтобы никто не вліялъ на нихъ, не подстрекалъ къ тому или другому показанію, свѣдующіе люди (эксперты) для узнанія обстоятельствъ, по которымъ они должны дать свои мнѣнія, могутъ находиться въ залѣ суда и слушать дѣло, до объясненія имъ заключенія.

Въ судебныхъ засѣданіяхъ долж-

ностныя лица—судьи, прокуроръ, секретарь и судебный приставъ должны быть въ формепномъ платьи—мундирѣ, изъ нихъ судебный приставъ имѣетъ еще особый знакъ на цѣпочкѣ. Защитникъ подсудимыхъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ серебряный знакъ въ петлицѣ фрака (врем. прав. ст. 2. 8, 9). По принятымъ въ наказахъ судовъ правиламъ при входѣ суда въ залу засѣданія, всѣ находящіяся въ ней лица встаютъ съ своихъ мѣстъ. При провозглашеніи старшиною присяжныхъ ихъ рѣшенія, предсѣдателемъ суда резолюціи и при объявленіи приговора всѣ находящіяся въ залѣ засѣданія лица, кромѣ судей, встаютъ съ своихъ мѣстъ и выслушиваютъ рѣшеніе, резолюцію и приговоръ, стоя. Всѣ лица объясняющіяся предъ судомъ, не исключая и чиновъ прокурорскаго надзора, по кро-

мѣ входящихъ въ составъ присутствія судей, говорятъ, обращаясь къ лицу предсѣдателя, при чемъ свидѣтели и свѣдущіе люди становятся предъ присутственнымъ столомъ, а прочія лица объясняются съ занимаемыхъ ими въ залѣ засѣданія мѣстъ, стоя.

§ 18. Предсѣдатель управляетъ дѣйствіями присутствія, наблюдая за охраненіемъ благочинія въ засѣданіяхъ суда, а также порядка, установленнаго для слушанія и рѣшенія дѣлъ. Къ нему обращаются всѣ, имѣющіе право участвовать въ объясненіяхъ по докладываемому дѣлу въ томъ числѣ и присяжные засѣдатели (учр. суд. уст. 149).

Всѣ, находящіеся въ засѣданіи суда, обязаны строго соблюдать правила благопристойности, порядокъ и тишину, безпрекословно повинуясь въ въ этомъ отношеніи распоряженіямъ

предсѣдателя (ст. 154). Если въ нарушеніи этихъ правилъ окажется виновнымъ находящееся въ засѣданіи суда *постороннее лицо*, то предсѣдатель можетъ приказать нарушителю удалиться изъ присутствія, велѣть вывести неповинующагося или даже распорядиться о задержаніи его подъ стражею въ теченіи сутокъ (ст. 155). Судъ открытъ для всѣхъ и каждаго; но онъ не даетъ увеселительныхъ зрѣлищъ никому, присутствующіе въ немъ должны вести себя такъ спокойно, чтобы всѣ дѣйствія суда совершались безпрепятственно, чтобы всѣ объясненія были слышны; предсѣдатель суда не только имѣетъ право, но и обязанъ охранять тишину всѣми законными способами, чтобы присяжные засѣдатели и участвующія въ засѣданіи лица могли ясно слышать всѣхъ объясняющихъ дѣло. За нару-

шеніе правилъ порядка и благопристойности, во время разъясненія дѣла, кѣмъ-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ или ихъ повѣренныхъ, а также за употребленіе ими оскорбительныхъ выраженій противъ личности, частной или семейной жизни своего противника и за оглашеніе предосудительныхъ для него обстоятельствъ безъ всякой въ томъ надобности, предсѣдатель вправѣ сдѣлать виновному предостереженіе или выговоръ, предваривъ, что въ случаѣ повторенія этого, онъ будетъ уволенъ изъ присутствія и дѣло рѣшится безъ его словесныхъ объясненій. Затѣмъ, при повтореніи тѣхъ же нарушеній, виновный можетъ быть удаленъ изъ присутствія (ст. 157 и 158). Но удаленіе защитника подсудимаго, также какъ и болѣзнь его и иная причина отсутствія его, препятствуетъ продолженію засѣданія, если это ра-

споряженіе предсѣдателя сдѣлано въ то время, когда защитникъ могъ содѣйствовать подсудимому въ представленіи надлежащихъ объясненій суду (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 522)

Предсѣдатель суда управляетъ ходомъ судебнаго слѣдствія, наблюдаетъ за порядкомъ объясненій, возраженій и замѣчаній и, устраняя въ преніяхъ все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, не допускаетъ ни оскорбительныхъ для чьей-либо личности отзывовъ, ни нарушенія должнаго уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ (уст. угол. суд. ст. (611).

Предсѣдатель суда долженъ предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства къ оправданію (ст. 612). Это предписаніе закона съ одной стороны внушаетъ запрещеніе предсѣдателю оказывать пристрастіе

въ пользу обвиненія, давать какія-либо преимущества обвинителю предъ защитникомъ, стѣснять свободу защиты, предоставлять обвинителю незаконные способы обвиненія или недозволенныя закономъ доказательства, допущеніе которыхъ могло бы вредно подѣйствовать на присяжныхъ, а съ другой стороны заключаетъ прямое требованіе уравнивать защиту съ обвиненіемъ, если оружіе, которымъ обвинитель пользуется, его способности сильнѣе средствъ защиты. Это законное вниманіе къ участи подсудимаго имѣетъ особенную важность у насъ, при маломъ числѣ способныхъ защитниковъ и при совершенномъ незнаніи самими подсудимыми ихъ правъ въ защитѣ и неумѣньи пользоваться этими правами въ большей части случаевъ. Безъ строгаго исполненія предсѣдателемъ закона о доставленіи под-

судимому всѣхъ средствъ къ его оправданію, безъ объясненія присяжнымъ со стороны предсѣдателя всѣхъ обстоятельствъ, которыя служатъ въ пользу подсудимаго легко можетъ быть обвиненъ невинный или въ вину ему можетъ быть поставлено болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ то, которое дѣйствительно совершено имъ. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ подсудимый только на судебномъ слѣдствіи пользуется защитникомъ, а на предварительномъ, протоколы котораго читаются и на судѣ, онъ защитника имѣть не можетъ; преданіе суду производится также безъ участія подсудимаго и безъ права жалобы на обвинительный актъ. При такомъ неравномъ положеніи защиты предъ обвиненіемъ, на судебномъ слѣдствіи она должна быть не стѣсняема, а строго охраняема предсѣдателемъ суда. Пре-

доставленіе подсудимому всевозможныхъ средствъ къ оправданію считается столь важнымъ требованіемъ закона, что неисполненіе его влечетъ за собою уничтоженіе приговора присяжныхъ засѣдателей сенатомъ (угол., кас. рѣш. 1868 г. №№ 72 и 111). Словомъ уравненіе права защиты съ правами обвиненія составляетъ самую важную заботу предсѣдателя, такъ какъ безъ этого уравненія судъ не можетъ быть правдивымъ. Направляя ходъ дѣла къ тому порядку, который наиболѣе способствуетъ раскрытію истины, предсѣдатель суда можетъ распорядиться, чтобы судебное слѣдствіе производилось сначала въ отношеніи къ одному, а потомъ въ отношеніи къ другому обвиняемому въ совмѣстномъ совершеніи преступленія, но онъ не вправѣ устранить никого изъ нихъ отъ предъяв-

ленія замѣчаній какъ по существу всего дѣла вообще, такъ и относительно способа его производства въ судѣ (ст. 613). Законъ давая большую власть предсѣдателю суда, старается поставить ее въ правильныя границы, лишая предсѣдателя права отказать подсудимому и его защитнику въ заявленіи своихъ объясненій не только по обстоятельствамъ дѣла, но и по порядку, какимъ оно производится, такъ какъ этимъ порядкомъ ограждается защита, а съ нею и подсудимый.

По дѣламъ, въ рѣшеніи коихъ участвуютъ присяжные засѣдатели, предсѣдатель суда обращаетъ особенное вниманіе на то, чтобы они воспользовались всѣми средствами, для обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла и по требованію ихъ даетъ имъ надлежащія объясненія въ простыхъ и понятныхъ

для нихъ словахъ (ст. 614). Давая это правило законъ имѣлъ въ виду, что многіе наши присяжные засѣдатели, особенно на первыхъ порахъ, будутъ мало опытны и несвѣдущи въ законахъ и въ пониманіи своихъ правъ и обязанностей; хотя есть другое правило, по которому присяжные засѣдатели имѣютъ право сами спрашивать у предсѣдателя разъясненія всего непонятнаго для нихъ. Но этимъ правомъ на самомъ дѣлѣ присяжные весьма рѣдко пользуются, можетъ быть отчасти изъ боязни обличить предъ публикою свое незнаніе, свою неопытность. Поэтому законъ обязываетъ предсѣдателя заботиться, чтобы никакое обстоятельство не осталось неразъясненнымъ для присяжныхъ; такъ напримѣръ если свидѣтель или свѣдущее лицо выражается въ общихъ, неопредѣленныхъ, непонятныхъ словахъ, то отъ предсѣ-

дателя зависитъ разъяснить то, о чемъ говоритъ свидѣтель или свѣдущее лицо предложеніемъ ему вопросовъ и разъясненіемъ предъ присяжными того, что сказано, въ простыхъ и понятныхъ для нихъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ законъ прямо требуетъ отъ предсѣдателя помочь уясненію для присяжныхъ, сказаннаго или прочитаннаго на судѣ и кладетъ на него отвѣтственность за непониманіе присяжными засѣдателями того, что́ слѣдовало объяснить и что́ оставлено безъ объясненія.

Въ промежуткахъ судебнаго засѣданія предсѣдатель суда принимаетъ мѣры по наблюденію за присяжными засѣдателями и къ предупрежденію внѣшняго на нихъ вліянія, могущаго служить источникомъ предубѣжденія. Въ дѣлахъ особенной важности предсѣдатель суда можетъ преградить

всякія сношенія съ присяжными засѣдателями, предложивъ имъ для отдохновенія особыя комнаты въ помѣщеніи суда (ст. 615 — 616). Законъ строго запрещаетъ присяжнымъ засѣдателямъ, вступившимъ въ составъ присутствія ихъ и давшимъ клятву, отлучаться изъ залы и входить въ сношенія съ лицами, непринадлежащими къ составу суда, безъ разрѣшенія предсѣдателя (ст. 675). Это основано на томъ соображеніи, чтобы присяжный засѣдатель рѣшалъ дѣло только согласно съ тѣмъ, что онъ увидитъ и услышитъ на судѣ отъ лицъ, которымъ самъ законъ предоставилъ разъяснять обстоятельства дѣла, чтобы постороннія лица, переговоривъ съ присяжнымъ засѣдателемъ, не убѣдили его высказать мнѣніе противъ подсудимаго или въ пользу его и чтобы по такимъ постороннимъ просьбамъ

и убѣжденіямъ присяжные не составили несправедливаго рѣшенія. Въ ограждение этого правила, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, законъ велитъ предсѣдателю принимать мѣры къ наблюденію за присяжными засѣдателями и къ предупрежденію внѣшняго на нихъ вліянія, которое можетъ возбудить предубѣжденіе противъ нихъ и даже въ дѣлахъ особенной важности преградить всякія сношенія лицъ посторонних съ присяжными засѣдателями, предложивъ имъ для отдохновенія особыя комнаты въ помѣщеніи суда. Въ чемъ должны состоять эти мѣры законъ не указалъ, такъ какъ они могутъ быть весьма разнообразны по различію случаевъ, требующихъ распоряженій предсѣдателя и отъ тѣхъ средствъ, которыя имѣетъ предсѣдатель, чтобы устранить вліяніе на присяжныхъ; законъ предоставилъ эти

распоряженія благоразумію предсѣдателя. Но было бы неприлично съ высокимъ достоинствомъ званія и обязанностей присяжныхъ засѣдателей допускать со стороны предсѣдателя заявленіе обвинителя или защитника о необходимости этихъ мѣръ, высказываніе впередъ подозрѣнія противъ довѣрія къ присяжнымъ, или требовать отъ того или другаго заключенія по этому предмету. По дѣламъ *особенной важности*, какъ выражается законъ присяжные засѣдатели не должны быть отпускаемы изъ зданія суда въ промежуткахъ засѣданія, когда оно прерывается для отдыха или по другимъ причинамъ и должны находиться въ особой комнатѣ, отдѣленной отъ постороннихъ лицъ. Такими дѣлами считаются тѣ, въ которыхъ преступленіе подлежитъ особенно тяжкому наказанію, такъ напримѣръ умышлен-

ное убійство или покушеніе на это убійство (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 499). Въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные засѣдатели должны провести цѣлую ночь въ судѣ, имъ устроивается болѣе или менѣе удобный, по денежнымъ средствамъ суда, ночлегъ. Сами присяжные засѣдатели, понимая важность своего званія и трудность принятія всѣхъ мѣръ противъ вредныхъ для дѣла сношеній съ посторонними лицами, чтобы избѣжать нареканій, не должны домогаться отпуска ихъ во время пріостановки судебнаго засѣданія. Отпуская присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель долженъ внушить имъ, что во избѣжаніе отзывовъ о недозволенныхъ по дѣлу сношеніяхъ или о такихъ развлеченіяхъ, которыя мѣшаютъ обращенію мыслей на виденное и слышанное въ судѣ и несовмѣстны съ долгомъ, лежащимъ на

совѣсти каждаго изъ нихъ, они не должны ни отлучаться изъ своихъ квартиръ, ни принимать посторонних лицъ, безъ крайней въ томъ необходимости, пока не будетъ дано ими рѣшеніе по дѣлу прерванному (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 22).

Предсѣдатель суда останавливаетъ всякого, кто въ судебномъ засѣданіи осмѣлится выражать одобреніе или неодобреніе сдѣланныхъ показаній или объясненій, входить въ недозволенныя сношенія съ свидѣтелями или инымъ образомъ нарушать установленный порядокъ (уст. угол. суд. ст. 617). Законъ не различаетъ тѣхъ лицъ, которыя позволятъ себѣ нарушать изложенное правило, будутъ ли это лица посторонния или участвующія въ дѣлѣ, законъ дѣлаетъ различіе только въ распоряженіяхъ предсѣдателя по отношенію

къ тѣмъ и другимъ нарушителямъ порядка, какъ выше объяснено.

§ 19. Судебныя засѣданія по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ происходятъ *публично* (ст. 620). Публичность то-есть допущеніе всѣхъ безъ различія въ судъ для слушанія дѣла, составляетъ существенную, непремѣнную необходимость суда открытаго. Она побуждаетъ судъ, присяжныхъ засѣдателей и всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ дѣлать, говорить такъ, какъ требуетъ законъ; она охраняетъ правду на судѣ, обезпечиваетъ правильность производства. Безъ видящей и слышащей все публики въ судѣ могли бы водвориться и укорениться тѣ безпорядки, которые привились къ старому суду и сдѣлали его страшнымъ и тягостнымъ для народа. Съ другой стороны судъ и дѣйствующіе въ немъ въ публичности имѣютъ большую под-

держку, дающую общее довѣріе къ нимъ: когда двери суда всѣмъ открыты, когда находятся въ судѣ посторонніе люди, тогда трудно разглашать несправедливые отзывы о судѣ, о томъ, что было въ засѣданіи, найдутся люди, которые обличатъ въ глаза ложь, разскажутъ, что они видѣли и слышали и если сказанное объ участвовавшихъ въ судѣ несправедливо, то общество не станетъ вѣрить ложнымъ слухамъ. Чтобы поддержать еще болѣе публичность суда, эту оживляющую и поддерживающую его силу, въ судебныхъ засѣданіяхъ иногда находятся стенографы, записывающіе особымъ сокращеннымъ способомъ все, что говорилось и происходило на судѣ; потомъ стенографическій отчетъ печатается въ газетахъ и журналахъ. Само общество, если желаетъ имѣть правдивый судъ, должно поддерживать его публич-

ность, постороннія лица должны посѣщать засѣданія, чтобы провѣрять дѣйствія суда, осуждать то что въ нихъ было незаконно, несправедливо и его ошибки, разбирая промахи, недостатки, сторожить правду и законъ, которымъ только судъ и долженъ служить. Публичность суда приноситъ большую выгоду и для общества: присутствуя въ судѣ, постороннія лица получаютъ правильное понятіе о законѣ, изъ тѣхъ дѣлъ, которыя слушаются въ немъ, а особенно уголовныхъ, узнаютъ кто и какъ нарушаетъ общественное спокойствіе, недостатки и пороки людей, дурные и хорошіе нравы, изучаютъ общественную жизнь, ея порядки, положеніе, въ которое ставитъ она людей, нерѣдко безъ ихъ воли и желанія.

Придавая такое важное значеніе публичности суда, считая ее главною

опорою правильнаго производства дѣла и безпристрастнаго его рѣшенія, законъ только въ немногихъ случаяхъ допускаетъ закрытіе дверей, по такимъ дѣламъ, которыхъ открытое производство представляло бы соблазнъ и оскорбляло бы достоинство святыни и честь лицъ, потерпѣвшихъ отъ самого преступленія; сюда принадлежатъ дѣла: 1., о богохулѣніи, оскорбленіи святыни и порицаніи вѣры (улож. о наказ. ст. 176—183, 210), 2., о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ (ст. 1549—1597) 3., о преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ (ст. 1523—1532) 4., о развратномъ поведеніи, противоестественныхъ порокахъ и сводничествѣ (ст. 993—1000). Но и по этимъ дѣламъ закрытіе для публики судебнаго засѣданія, какъ мѣра чрезвычайная, должно быть допускаемо только при явной въ томъ

необходимости, съ точнымъ означеніемъ въ опредѣленіи суда: какія именно дѣйствія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ и по какимъ причинамъ (уст. угол. суд. ст. 621); во всякомъ случаѣ, при объявленіи предсѣдателемъ преній прекращенными, двери засѣданія раскрываются: всѣ дальнѣйшія судебныя дѣйствія, начиная съ объясненій предсѣдателя (заключительной рѣчи) всегда происходятъ публично (ст. 624). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ признаетъ неизбѣжною необходимостью закрыть двери засѣданія, публичность невполнѣ прекращается, а только ограничивается допущеніемъ немногихъ постороннихъ лицъ, а именно: по желанію подсудимаго и потерпѣвшаго, въ залѣ засѣданія могутъ быть оставлены родственники и знакомые, по три лица съ каждой стороны и

съ разрѣшенія предсѣдателя тѣ изъ очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, которые не входятъ въ составъ суда, лица, принадлежащія къ судебному вѣдомству и къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 622—623). Конечно въ тѣхъ случаяхъ когда встрѣчается такое дѣло, которое можетъ оскорбить нравственное приличіе непрестойными подробностями, предсѣдатель суда можетъ заявить объ этомъ публикѣ, чтобы нежелающія слышать оставили залъ засѣданія если хотятъ.

§ 20. Второе условіе судебныхъ засѣданій составляетъ *изустность*: въ нихъ все, что относится къ дѣлу, говорится, излагается живымъ словомъ, а не читается. Требуя, чтобы судебное слѣдствіе производилось непремѣнно изустно, законъ тѣмъ самымъ запрещаетъ вообще чтеніе чего-либо письменнаго, этимъ судебное слѣдствіе

отличается отъ предварительнаго, которое состоитъ въ записываніи всего видѣннаго и сказаннаго въ бумаги, называемыя протоколами (ст. 625). Обязывая производить судоговореніе изустно, законъ только въ нѣкоторыхъ, точно означенныхъ имъ случаяхъ, дозволяетъ чтеніе письменныхъ документовъ, а именно читаются: 1., протоколы объ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, когда стороны того потребуютъ, или когда судьи или присяжные признаютъ это нужнымъ (ст. 687). Протоколъ осмотра или освидѣтельствованія есть такой актъ предварительнаго слѣдствія, въ которомъ полицейскій чиновникъ или судебный слѣдователь излагаетъ все, что онъ самъ видѣлъ при своемъ осмотрѣ вмѣстѣ съ бывшими при томъ понятыми, такъ напримѣръ, протоколъ осмотра мертваго тѣла, извѣстнаго мѣста, или

что замѣтили и какое дали заключеніе приглашенные къ осмотру и освидѣтельствованію свѣдущіе люди, такъ, напримѣръ осмотръ и свидѣтельство врача о томъ, что онъ нашелъ при вскрытіи трупа. Протоколъ обыска и выемки указываютъ по то, что найдено полиціею или слѣдователемъ, когда обыскивали домъ или иное помѣщеніе и брали оттуда подозрительныя вещи. Въ судебныхъ засѣданіяхъ большею частью читаются протоколы осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и выемокъ, по требованію прокурора или защитника или по усмотрѣнію самого суда, такъ какъ этими протоколами точно объясняется преступленіе, его признаки, дѣйствительность его совершенія; при этомъ для наглядности предъявляется судьямъ и присяжнымъ разрисованный планъ мѣстности. Если со стороны суда не будетъ сдѣлано

распоряженія о прочтеніи протоколовъ осмотра, освидѣтельствованія и обыска, то присяжные засѣдатели, находя нужнымъ разъяснить ими для себя обстоятельства дѣла, могутъ сами просить о томъ предсѣдателя и въ просьбѣ ихъ не можетъ быть отказано. Примѣняясь къ изложенному закону, сенатъ допускаетъ и прочтеніе свѣдѣній, находился ли обвиняемый прежде подъ судомъ и если находился, то какой постановленъ былъ приговоръ, а также дознаніе чрезъ окольныхъ людей. Но при этомъ сенатъ ставитъ въ обязанность предсѣдателю предостеречь присяжныхъ засѣдателей отъ неосторожныхъ заключеній, чтобы не вовлечь ихъ въ заблужденіе на счетъ прочитаннаго (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 353). Прежняя судимость обвиняемаго не составляетъ доказательства его вины по производимому вновь

дѣлу, свѣдѣнія о ней относятся къ старому, а не къ новому дѣлу, судимость рождаетъ только предположенія, что подсудимый не исправился послѣ прежняго суда, но и это предположеніе, принимаемое во вниманіе при назначеніи наказанія, можетъ быть вѣрно только тогда, когда подсудимый обличается въ новой винѣ другими доказательствами, а безъ этихъ доказательствъ предположеніе, выводимое изъ прежней судимости, теряетъ всякую вѣроятность въ виновности подсудимаго по новому преступленію. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей составляетъ такой актъ предварительнаго слѣдствія, въ которомъ мѣстные жители, хорошо знающіе подсудимаго, даютъ отзывъ о его занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни. Но и эти свѣдѣнія, какъ и прежняя судимость, не составляютъ доказательства по дѣлу, которому

можно было бы вѣрить, безъ другихъ доказательствъ вины, не замѣняютъ этихъ доказательствъ, а только разъясняютъ ихъ. Свѣдѣнія, добытыя дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей о дурномъ образѣ жизни подсудимаго, о связяхъ съ дурными людьми, рождаютъ одно предположеніе о наклонности его къ совершенію преступленія, но не болѣе. Присяжные засѣдатели не должны забывать, что дознаніе чрезъ окольныхъ людей по закону исключено изъ числа доказательствъ вины, провѣряемыхъ на судѣ, а то, что не провѣрено изустнымъ показаніемъ предъ ними, они должны принимать съ большою осторожностью, чтобы не ошибиться.

2., На судебномъ слѣдствіи могутъ быть прочитаны данныя на предварительномъ слѣдствіи и записанныя въ протоколы показанія свидѣтелей исл-

вившихся въ судъ за смертью, болѣзнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою (ст. 626). Если вызванные въ судъ свидѣтели неявились къ судебному засѣданію, то судъ, выслушавъ объясненія прокурора и защитника о томъ, можно ли производить судебное слѣдствіе въ отсутствіи неявившихся свидѣтелей, постановляетъ опредѣленіе или объ отсрочкѣ судебнаго засѣданія по дѣлу, назначенному къ слушанію или о разсмотрѣніи дѣла, не смотря на неявку нѣкоторыхъ свидѣтелей (ст. 640). Въ послѣднемъ случаѣ, для разъясненія дѣла показаніями неявившихся свидѣтелей, судъ можетъ дозволить прочтеніе ихъ изъ слѣдственнаго дѣла, но лишь тогда, когда изъ прочитанныхъ на судѣ свѣдѣній о причинахъ неявки свидѣтелей положительно видно, что они не явились за смертью,

болѣзнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою, а не по другой какой-либо причинѣ, и притомъ, когда сторона, просящая о прочтеніи показанія, заявитъ, что оно существенно важно, то есть относится къ главнымъ обстоятельствамъ дѣла, не къ побочнымъ, неважнымъ, и когда судъ признаетъ чтеніе показанія дѣйствительно необходимымъ (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 944)

3., Не возбраняется прочитывать прежнія показанія явившагося свидѣтеля, по отобраніи отъ него новыхъ, если изустныя его показанія несогласны съ письменными, данными на предварительномъ слѣдствіи (ст. 627). Иногда случается, что свидѣтель на судѣ показываетъ не то, что говорилъ на предварительномъ слѣдствіи, случается и то, что свидѣтель вовсе отказывается дать показаніе на судѣ.

Въ такихъ случаяхъ законъ дозволяетъ прочтеніе ихъ письменныхъ показаній, данныхъ судебному слѣдователю. Но чтеніе и здѣсь дозволяется только въ крайности, когда судъ признаетъ, что дѣйствительно есть разнорѣчіе въ показаніяхъ и когда разнорѣчіе не разъяснилось ни словеснымъ показаніемъ, ни посредствомъ распросовъ свидѣтеля сторонами и судомъ (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 218, 1868 г. № 939).

4., Участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, свидѣтелямъ и свѣдущимъ людямъ, для болѣе точнаго изложенія ихъ изустныхъ показаній не воспрещается имѣть при себѣ памятныя записки въ тѣхъ случаяхъ, когда показанія ихъ относятся къ какимъ-либо исчисленіямъ, выводамъ или отчетамъ, которые трудно удержать въ памяти (ст. 628). Законъ дозволяетъ имѣть при себѣ записки только для напоминанія са-

мому говорящему въ судѣ о томъ, что нужно сказать, но не дозволяетъ чтенія памятныхъ записокъ, какъ чтенія слѣдственныхъ протоколовъ осмотровъ или показаній свидѣтелей.

5., Участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и свидѣтелямъ не возбраняется также прочтеніе полученныхъ ими писемъ или находящихся у нихъ документовъ, когда тѣ или другіе относятся къ предмету ихъ показаній (ст. 629).

Высказанныя правила относительно чтенія протоколовъ и разныхъ бумагъ должны руководить не одинъ судъ, но и присяжныхъ засѣдателей: онѣ касаются очень важнаго предмета—предъявленія доказательствъ вины. Присяжные должны принимать во вниманіе только тѣ доказательства, которыя допускаетъ законъ. Если же имъ даютъ на судебномъ слѣдствіи такія доказательства, которыя законъ не до-

пускаетъ, напримѣръ прочитывается показаніе свидѣтеля, не вызывавшагося въ судъ или неявившагося не по болѣзни, а по своимъ домашнимъ занятіямъ, то такія доказательства, какъ незаконныя, присяжные засѣдатели должны отвергнуть, какъ будто онѣ имъ неизвѣстны, не принимать въ соображеніе, не строить по нимъ своего убѣжденія, а тѣмъ болѣе, когда онѣ клопятся во вредъ подсудимому.

§ 21. Третье существенное правило для производства дѣла состоитъ въ *равноправности* сторонъ. Прокуроръ или частный обвинитель съ одной стороны, а подсудимый или его защитникъ съ другой пользуются въ судебномъ состязаніи *одинаковыми правами*. Какъ той, такъ и другой сторонѣ предоставляется: 1., представлять въ подтвержденіе своихъ показаній доказательства; 2., отводить по законнымъ

причинамъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя суда, вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и просить, чтобы свидѣтели были передопрошены въ присутствіи или въ отсутствіи другъ друга; 3., дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему въ судѣ, и 4., опровергать доводы и соображенія противной стороны (ст. 630). Тѣми же правами пользуется и гражданскій истецъ по всѣмъ предметамъ, касающимся его иска, (ст. 631). Подъ гражданскимъ истцомъ разумѣется лицо, которое при уголовномъ дѣлѣ ищетъ денежнаго вознагражденія за вредъ и убытки отъ преступленія. Отстаивая права подсудимаго, законъ говоритъ, что право послѣдняго слова, какъ по существу дѣла, такъ и по каждому спорному

предмету предоставляется всегда подсудимому или защитнику (ст. 632).

Равноправность въ отношеніи равенства правъ подсудимаго или его защитника съ правами обвинительной власти составляетъ такое существенное условіе въ уголовномъ судопроизводствѣ, оберегать которое нужно всѣми усиліями, потому что если подсудимый терпитъ въ своихъ правахъ, если онѣ нарушаются, если прокурорскому надзору дается какое-либо преимущество, то уже правда на судѣ рушится, вѣсы его клонятся въ одну сторону, тамъ нѣтъ справедливости, гдѣ борьба состязаніе сторонъ не имѣетъ одинаковаго оружія, тамъ торжество не правосудія, а силы; сильнѣйшій бьетъ слабѣйшаго, часто безвиннаго. Охраняя равноправность сторонъ, сенатъ нарушеніе ея видитъ даже въ томъ случаѣ, когда прокуроръ даетъ

свои заключенія, объясненія предъ судомъ сидя, а подсудимый или его защитникъ стоя (угол. кас. рѣш. 1870 г. № 282). Это наружное уравненіе обвиненія и защиты тѣмъ болѣе необходимо, что прокуроръ и безъ сидѣнья пользуется внѣшнимъ преимуществомъ предъ защитникомъ: на первомъ блестящій мундиръ, на второмъ обыкновенное платье частнаго лица, первый сидитъ при судейскомъ столѣ, второй близъ скамьи подсудимаго. Сверхъ того прокурорскій надзоръ всегда приглашается дать заключеніе по вопросамъ, относящимся къ судебному порядку и безъ этого заключенія судъ не можетъ постановить опредѣленія; защитникъ можетъ только дѣлать замѣчанія по каждому дѣйствію, происходящему въ судѣ, но судъ не обязанъ требовать этого замѣчанія. Равность правъ под-

судимаго на судѣ съ правами прокурора тѣмъ болѣе необходима, что во время предварительнаго слѣдствія, отъ котораго нерѣдко зависитъ вся участь подсудимаго, онъ не пользуется такими правами, какія даны въ этомъ слѣдствіи прокурору и его товарищамъ, и не имѣетъ права являться и дѣйствовать тамъ съ защитникомъ. Равенство правъ подсудимаго на судѣ можетъ отчасти смягчить тѣ стѣсненія въ правахъ, которыя онъ несетъ въ предварительномъ слѣдствіи, отъ премуществъ въ немъ обвинительной власти.

§ 22. Четвертое общее правило для уголовнаго производства состоитъ въ *непрерывности* судебнаго засѣданія: оно продолжается до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончены всѣ обряды и предсѣдатель не объявитъ засѣданія закрытымъ; оно прерывается только

на небольшой промежутокъ времени, необходимый для отдохновенія (ст. 633).

Но могутъ быть случаи, когда судъ вынужденъ пріостановить засѣданіе, чтобы потребовать собранія какихъ-нибудь дополнительныхъ свѣдѣній, напримѣръ при повѣркѣ осмотра на мѣстѣ самимъ судомъ съ присяжными засѣдателями или при вызовѣ появившагося свидѣтеля. На эти случаи законъ постановляетъ, что засѣданіе продолжается съ того дѣйствія, на которомъ оно остановилось. Но какъ судьи, такъ и присяжные засѣдатели могутъ потребовать возобновленія нѣкоторыхъ дѣйствій, напримѣръ выслушанія вновь свидѣтелей, или даже производства судебнаго слѣдствія съ самого начала (ст. 634). Если при продолженіи прерваннаго такимъ образомъ засѣданія невозможно будетъ

составить присутствіе присяжныхъ засѣдателей исключительно изъ тѣхъ лицъ, которыя находились при первоначальномъ слушаніи дѣла, то судебное слѣдствіе возобновляется съ самого начала (ст. 635). Это можетъ быть тогда, когда дѣло, по которому прервано засѣданіе, не будетъ назначено къ слушанію въ ту же очередь судебныхъ засѣданій.

ГЛАВА 7.

Открытіе судебнаго засѣданія и слѣдующія за нимъ дѣйствія.

§ 23. Въ назначенное для слушанія дѣла время предсѣдатель суда, удостовѣрясь, что всѣ должностныя лица, обязанныя присутствовать въ судебномъ засѣданіи, находятся на лицо,

открываетъ засѣданіе, объявляетъ, какое дѣло подлежитъ разсмотрѣнію и приказываетъ ввести подсудимаго въ залу засѣданія (уст. угол. суд. ст. 636). Въ наказахъ судебныхъ мѣстъ означается часъ дня, съ котораго начинаются судебныя засѣданія, обыкновенно это бываетъ нераньше 11 часовъ утра, а иногда и позже. Такъ какъ почти вездѣ, за исключеніемъ большихъ городовъ, большинство присяжныхъ засѣдателей состоитъ изъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, которыхъ образъ жизни отличается отъ образа жизни другихъ классовъ общества въ распредѣленіи времени, то было бы весьма полезно для удобнаго производства суда присяжныхъ согласовать часъ открытія засѣданія съ этимъ распредѣленіемъ времени, чтобы не отягощать присяжныхъ засѣдателей безполезною тратою времени,

выжиданіемъ начала засѣданія. Крестьяне, мѣщане и купцы привыкли вставать очень рано: 11 и 12 часовъ дня для большей части ихъ обѣденное время; для нихъ гораздо удобнѣе было бы, если бы засѣданіе открывалось въ 9 часовъ и ранѣе. Утомленные празднымъ препровожденіемъ времени до начала засѣданія, нерѣдко голодные, эти судьи, рѣшители участи подсудимаго приходятъ въ такое расположеніе духа, которое не соотвѣтствуетъ спокойному обсужденію важнаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, тяготятся продолжительностью засѣданія, утомляются, не имѣютъ возможности устремить вниманіе исключительно на производство дѣла. Эта сторона судебнаго порядка заслуживаетъ полнаго вниманія: не только для направленія присяжныхъ засѣдателей къ такому состоянію души,

которое позволяло бы имъ рѣшить дѣло по совѣсти, безъ вліянія на нее стѣсненіемъ въ его привычкахъ, природныхъ потребностяхъ, но и для успѣшнаго развитія суда присяжныхъ, которое невозможно безъ облегченія въ исполненіи повинности, необходимо суду снизойти въ положеніе присяжныхъ засѣдателей. Для достиженія этой цѣли необходимо раннее начатіе судебнаго засѣданія и строгое наблюденіе, чтобы всѣ нужныя для него лица являлись къ назначенному часу. Безъ сомнѣнія, присяжные засѣдатели имѣютъ право просить предсѣдателя суда, чтобы онъ сдѣлалъ надлежащія распоряженія, которыми облегчается исполненіе ихъ обязанностей. Предъ открытіемъ засѣданія присяжные засѣдатели приглашаются судебнымъ приставомъ изъ назначенной для нихъ комнаты въ залу засѣданія.

Подсудимый занимаетъ въ залѣ засѣданія назначенное ему мѣсто, а если состоитъ подъ стражею, то и въ присутствіи суда состоитъ подъ охраною во избѣжаніе побѣга (ст. 637). Предсѣдатель предлагаетъ подсудимому вопросы о его имени, отчествѣ, фамиліи или прозвищѣ, званіи, лѣтахъ, вѣроисповѣданіи, жительствѣ и занятіяхъ, а также о томъ, получилъ ли онъ копію обвинительнаго акта или жалобы частнаго обвинителя? (ст. 638). Этимъ обрядомъ судъ удостовѣряется, что на скамьѣ подсудимыхъ находится то самое лицо, о которомъ разбирается дѣло, и что онъ получилъ обвинительный актъ, извѣщающій за что будетъ судиться.

Затѣмъ прочитывается вслухъ списокъ свидѣтелей, предсѣдатель удостовѣряется; всѣ ли они явились и находятся на лицо и если не всѣ,

то кто именно не явился. Въ случаѣ неявки свидѣтелей, судъ, по выслушаніи объясненія сторонъ, постановляетъ опредѣленіе или о разсмотрѣніи дѣла, не смотря на неявку нѣкоторыхъ изъ нихъ, если показанія ихъ не имѣютъ важнаго значенія для дѣла, смотря по обстоятельствамъ, о которыхъ они показываютъ, или объ отсрочкѣ засѣданія, если показаніе неявившагося свидѣтеля важно и по закону не можетъ быть прочитано на судѣ; въ случаѣ отсрочки засѣданіе закрывается. Свидѣтели, неявившіеся въ судъ безъ законныхъ причинъ, подвергаются, по опредѣленію суда, денежному взысканію, а по законнымъ причинамъ — освобождаются отъ него. По повѣркѣ списка свидѣтелей, они удаляются въ особую комнату и не могутъ выходить оттуда прежде вызова ихъ къ допросу. При

этомъ принимаются мѣры, препятствующія имъ дѣлать стачку между собою (ст. 639—645).

ГЛАВА 8.

Составленіе присутствія присяжныхъ засѣдателей, присяга ихъ, выборъ старшины.

§ 24. До составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей порядкомъ ниже изложеннымъ, предсѣдатель суда приводитъ въ извѣстность: всѣ ли приглашенные въ судъ засѣдатели находятся на лицо (уст. угол. суд. ст. 646). Для этого секретарь суда читаетъ вслухъ списокъ вызванныхъ въ судъ присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ каждый окликается при произнесеніи его имени, отчества и фа-

миліи, а предсѣдатель отмѣчаетъ въ спискѣ, кто не явился. При этомъ должно быть обращено строгое вниманіе, чтобы не произошло ошибки: въ засѣданіе могутъ явиться не тѣ присяжные, на которыхъ палъ жребій, а другіе по ошибкѣ въ именахъ, отчествахъ. Такъ дѣлается первое засѣданіе, а въ слѣдующія засѣданія повѣрка списка присяжныхъ можетъ быть упрощена тѣмъ, что до открытія засѣданія судебный приставъ отмѣчаетъ, кто изъ нихъ не явился и докладываетъ о томъ суду, когда дѣло дойдетъ до составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей, а предсѣдатель наглядно удостовѣряется въ вѣрности отмѣтки судебнаго пристава. Законными причинами неприбытія въ судъ присяжныхъ засѣдателей признаются слѣдующія: 1) лишеніе свободы; 2) прекращеніе сообщеній во

время заразы, нашествія непріятеля, необыкновеннаго разлитія рѣкъ и тому подобныхъ непреодолимыхъ препятствій; 3) внезапное раззоренѣніе отъ несчастнаго случая; 4) болѣзнь, лишающая возможности отлучиться изъ дому; 5) смерть родителей, жены или дѣтей, или же тяжкая, грозящая смертью болѣзнь ихъ; 6) внезапные по хозяйству, торговлѣ или промышленности случаи, въ коихъ отсутствіе хозяина можетъ привести къ неизбѣжному разоренію; 7) командировка или особенное порученіе по службѣ; 8) необходимость присутствовать, въ качествѣ гласнаго, въ губернскихъ или уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, и 9) неполученіе или не своевременное полученіе повѣстки о вызовѣ въ судъ, позже чѣмъ за недѣлю до открытія судебнаго засѣданія (ст. 388, 650, Высочайше утверж. 11 Марта 1868 г. мнѣніе государ-

ственнаго совѣта). Всѣ неозначенныя выше и неудостовѣренныя надлежащимъ порядкомъ означенныя причины признаются незаконными и подвергаютъ явившагося присяжнаго засѣдателя взысканію.

Чтобы освободиться отъ этого взысканія, присяжный засѣдатель, имѣющій законную причину явиться въ судъ по повѣсткѣ, долженъ удостовѣрить дѣйствительность ея и заблаговременно до открытія засѣданія суда доставить это удостовѣреніе въ судъ; такъ, напримѣръ, о болѣзни прислать медицинское свидѣтельство. Законъ не означаетъ, какими способами и свѣдѣніями должны быть удостовѣрены законныя причины явки присяжныхъ засѣдателей въ судъ, вѣроятно, потому, что закону трудно было составить для этого какія-либо общія правила по разнообразію въ жизни

случаевъ, въ которыхъ могутъ быть поставлены присяжные засѣдатели относительно возможности удостовѣренія по своему положенію и разнымъ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ оцѣнка правильности и основательности удостовѣренія зависитъ исключительно отъ суда; судъ получивъ объявленіе присяжнаго засѣдателя и даже свидѣтельство той или другой власти, о законной причинѣ неявки, подтверждающее это объясненіе, можетъ не убѣдиться, что сказанное или описанное въ свидѣтельствѣ вѣрно и провѣрить собраніемъ новыхъ свѣдѣній или другими способами. Эта повѣрка бываетъ иногда необходима по неясности удостовѣренія или по сомнѣнію въ правильности его; иногда случается, что находящіеся на лицо присяжные засѣдатели заявляютъ о невѣрности свѣдѣній относительно причины неяв-

ки отсутствующаго присяжнаго. Судъ долженъ осторожно и внимательно разсматривать свѣдѣнія о причинахъ неявки присяжныхъ засѣдателей, чтобы съ одной стороны не затруднить ихъ неисполнимыми требованіями способовъ удостовѣренія, а съ другой, чтобы удостовѣреніе не обратилось въ одну пустую формальность, чтобы виновные въ неявкѣ не оставались безъ взысканія и чтобы повинность не отягощала однихъ, минуя, безъ законной причины, другихъ. Самою частою причиною неявки присяжныхъ засѣдателей бываетъ болѣзнь ихъ. Безъ сомнѣнія, врачъ всего вѣрнѣе можетъ опредѣлить, страдаетъ ли вызываемый въ судъ присяжный засѣдатель болѣзнью, лишающею его возможности отлучиться изъ дому. Медицинское свидѣтельство, чтобы удовлетворять вполнѣ своему назначенію, должно

быть формально, подтверждено присутствіемъ и подписью на свидѣтельствѣ полицейскаго чиновника, волостнаго начальника и написано на установленной пяти рублевой бумагѣ, а за неимѣніемъ ея должны быть взысканы пошлины. Ни одна причина неявки не требуетъ такой тщательной провѣрки правильности удостовѣренія, какъ эта, потому что свидѣтельства нерѣдко выдаются слишкомъ снисходительно и неосновательно. Но съ другой стороны всегда и въ отношеніи ко всѣмъ требовать медицинскаго свидѣтельства о болѣзни значило бы во многихъ случаяхъ не признавать законности этой причины неявки: въ селахъ и деревняхъ, при крайнемъ затрудненіи найти врача особенно для недостаточнаго крестьянина, полученіе медицинскаго свидѣтельства можетъ быть счастливою случайностью. Занедо-

статкомъ его, могутъ подтверждать болѣзненное состояніе удостовѣренія мироваго судьи, волостнаго старшины, священника. Разумѣется, такія удостовѣренія должны быть принимаемы съ большою осторожностью и ими должны быть положительно подтверждено, что болѣзнь лишаетъ возможности отлучиться изъ дому. Что касается другихъ законныхъ причинъ неявки, кромѣ болѣзни, то онѣ должны быть удостовѣрены должностнымъ лицомъ или мѣстомъ на столько, чтобы судъ могъ убѣдиться, что эта причина дѣйствительно была.

Присяжный засѣдатель за неявку въ судъ безъ законныхъ причинъ подвергается денежному взысканію: въ первый разъ отъ десяти до ста рублей, во второй разъ отъ двадцати до двухъ сотъ руб. Присяжный засѣдатель, оказавшійся неисправнымъ въ

третій разъ, предается суду и подвергается по судебному приговору, сверхъ денежнаго взысканія отъ тридцати до трехъ сотъ рублей, лишенію права участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности, требующія общественнаго довѣрія (ст. 651 — 652). Вотъ какими наказаніями грозитъ законъ неявившемуся и не представившему въ судъ оправданій своей неявки. Размѣръ денежнаго взысканія опредѣляется судомъ, сообразно съ общественнымъ положеніемъ присяжнаго засѣдателя, по которому можно заключать о большей или меньшей тягости для него этого взысканія. Слова закона „во второй разъ“ означаютъ повтореніе неявки послѣ новаго вызова, а не неявка во второй день засѣданія: такая неявка можетъ только увеличить сумму взысканія до ста рублей, но не болѣе. Далѣе этой

суммы взысканіе по сложности всѣхъ неявокъ безъ новаго вызова не можетъ идти. Чтобы подвергнуть присяжнаго засѣдателя за неявку во второй разъ взысканію до двухъ сотъ рублей, въ одной и той же сессіи нужно чтобы былъ сдѣланъ вторичный вызовъ его въ судъ и онъ снова не явился безъ законныхъ причинъ; точно также для признанія неисправности въ третій разъ нужна неявка по третьему вызову.

Порядокъ наложенія взысканій заключается въ томъ, что судъ разсматриваетъ доставленныя неявившимися присяжными засѣдателями свѣдѣнія о причинахъ неявки ихъ и выслушавъ заключеніе прокурора опредѣляетъ взысканіе въ опредѣленной денежной суммѣ или освобождаетъ отъ него, если причина неявки законна и удостовѣрена правильно и основательно (ст.

649). Судъ налагаетъ взысканіе на отсутствующаго присяжнаго засѣдателя даже и въ томъ случаѣ, когда вовсе нѣтъ въ виду его объясненія то есть хотя бы онъ не извѣстилъ судъ о законной причинѣ своей неявки; въ этомъ случаѣ молчаніе предполагаетъ незаконную причину неявки. Но если онъ въ теченіе двухъ недѣль, со дня объявленія ему рѣшенія суда, представитъ удостовѣреніе о законныхъ причинахъ неявки, то взысканіе ему назначенное отмѣняется, слагается (ст. 653). По истеченіи этихъ двухъ недѣль рѣшеніе вступаетъ въ законную силу, никакія объясненія не принимаются и денежный штрафъ взыскивается. На рѣшеніе суда о наложеніи взысканія, если присяжный засѣдатель считаетъ его неправильнымъ, можетъ быть принесена частная жалоба въ судебную палату

также въ двухъ-недѣльный срокъ со дня объявленія рѣшенія суда; эта жалоба подается въ окружный судъ, который представляетъ ее въ палату съ своимъ рѣшеніемъ (ст. 894—895).

§ 25. *Присяжный засѣдатель, явившійся ко времени открытія засѣданія, но имѣющій законныя причины къ отлучкѣ или къ устраненію себя отъ рѣшенія дѣла, по отношеніямъ его къ подсудимому или къ потерпѣвшему отъ преступленія, увольняется отъ засѣданія* (ст. 647). Эта статья закона разрѣшаетъ суду увольнять присяжныхъ засѣдателей: 1) по законнымъ причинамъ отлучки и 2) по устраненію ими себя отъ рѣшенія дѣла, вслѣдствіе отношеній ихъ къ подсудимому или потерпѣвшему отъ преступленія. Что касается перваго основанія увольненія присяжнаго засѣдателя, то оно можетъ имѣть мѣсто

только по просьбѣ его самаго о необходимости отлучиться изъ засѣданія, а не по усмотрѣнію суда, и допускается только по тѣмъ законнымъ причинамъ, которыя выше указаны для оправданія неявки въ судъ, если эти причины будутъ удостовѣрены. Вторая причина увольненія требуетъ со стороны присяжнаго засѣдателя заявленія суду о томъ, что онъ устраняетъ себя отъ рѣшенія дѣла, подобно тому, какъ обязанъ устранить себя судья, когда ему извѣстны законныя причины отвода; объ этихъ причинахъ было говорено выше (см. § 17). Эти причины такого рода, что онѣ препятствуютъ присяжному засѣдателю быть безпристрастнымъ судьею по родству, свойству съ подсудимымъ или потерпѣвшимъ, или по другимъ причинамъ. Такъ какъ присяжные засѣдатели не всѣ могутъ знать

объ устраненіи себя и о причинахъ устраненія, то было бы полезно предсѣдателю суда напоминать имъ объ этомъ. На томъ же основаніи, если въ числѣ присяжныхъ засѣдателей находится свидѣтель, то онъ исключается изъ списка ихъ (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 524) Равнымъ образомъ по дѣламъ *о преступленіяхъ противъ православной вѣры*, если въ числѣ призванныхъ къ судебнымъ засѣданіямъ 30 очередныхъ присяжныхъ засѣдателей окажутся *неправославнаго исповѣданія, то предъ составленіемъ присутствія присяжныхъ они замѣняются запасными засѣдателями православнаго исповѣданія*, а не православные освобождаются отъ засѣданія (ст. 1010).

Законъ ничего не говоритъ объ устраненіи присяжныхъ засѣдателей по такимъ причинамъ, по которымъ

извѣстныя лица оказываются неспособными къ исполненію высокихъ обязанностей этого званія, такъ напримѣръ глухіе, нѣмые, состоящіе подъ слѣдствіемъ и судомъ, неумѣющіе говорить по русски. Сенатъ разъяснилъ, что возраженія противъ неправильнаго внесенія присяжнаго засѣдателя въ списки должны быть предъявляемы своевременно то есть во время составленія списковъ и что законъ нашъ, предоставляя повѣрку списковъ самому обществу, открывая подсудимому за три дня до открытія судебнаго засѣданія возможность ознакомится со спискомъ присяжныхъ засѣдателей, вызываемыхъ въ судъ и установляя право отвода ихъ сторонами безъ объясненія причинъ, даетъ всѣ средства къ огражденію, какъ общества, такъ и подсудимыхъ отъ неправильнаго состава присутствія при-

сяжныхъ засѣдателей (угол. кас. рѣш. 1867 г. №№ 178, 192). Но на это нельзя не замѣтить, что составленіе списковъ земскими коммиссіями и повѣрка ихъ не составляютъ полнаго ручательства, что въ число присяжныхъ засѣдателей не попадутъ лица, неспособныя, какъ это доказываетъ частый опытъ въ судебныхъ засѣданіяхъ и что самъ подсудимый можетъ не знать этой неспособности, не будучи знакомъ съ присяжными, какъ въ этомъ тоже убѣдилъ опытъ. Впрочемъ сенатъ, какъ можно видѣть изъ его рѣшеній, отвергаетъ только безграничное допущеніе отвода присяжныхъ, по постановленіи приговора и притомъ по одному заявленію осужденнаго въ жалобѣ о законной неспособности присяжнаго. По этимъ соображеніямъ мы думаемъ, что признаваемые закономъ неспособными присяжные засѣдатели мо-

гутъ быть, согласно съ 647 ст. уст. угол, суд., устраняемы самимъ судомъ и увольняемы отъ засѣданій; напримѣръ если будетъ доказано, что присяжный засѣдатель не состоитъ въ русскомъ подданствѣ, не имѣетъ 25 лѣтъ отъ роду и тому под.

Если наличное число присяжныхъ засѣдателей окажется менѣе тридцати, то предсѣдатель суда дѣлаетъ распоряженіе о пополненіи ихъ списка по жребію изъ запасныхъ засѣдателей (ст. 648). Для составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей, рѣшающихъ дѣло, нужно чтобы въ судѣ находилось тридцать человѣкъ; изъ этого числа стороны имѣютъ право отвести безъ объясненія причинъ 12 человѣкъ, затѣмъ остается 18, изъ которыхъ и производится выборъ присутствія. Тридцать человѣкъ, упоминаемые въ изложенномъ зако-

нѣ, составляютъ очередные присяжные засѣдатели, вызванные, явившіеся въ судѣ и неосвобожденные отъ засѣданія. Если въ числѣ очередныхъ недостаетъ 30 человѣкъ, то уже тогда недостатокъ пополняется запасными, то есть по жребію изъ ящика вынимается столько билетовъ съ именами запасныхъ, сколько недостаетъ очередныхъ до 30 человѣкъ; разумѣется, если 6-ти человѣкъ недостаетъ, то билеты съ именами запасныхъ не вынимаются по жребію, а прямо присоединяются къ билетамъ очередныхъ. Секретарь суда вноситъ въ судебный списокъ очередныхъ имена запасныхъ, присоединяемыхъ къ очереднымъ для пополненія ихъ до 30 человѣкъ. Присяжные засѣдатели запасные, не попавшіе въ списокъ очередныхъ, а также освобожденные на одно засѣданіе, могутъ уйти изъ залы засѣданія на квар-

тиру, если не пожелаютъ оставаться въ засѣданіи, но обязаны явиться въ слѣдующее засѣданіе суда. Итакъ полное число присяжныхъ засѣдателей, необходимое для отвода ихъ сторонами и составленія изъ неотведенныхъ присутствія, составляетъ 30 человѣкъ. Но можетъ явиться въ судъ менѣе этого числа, такъ что и за пополненіемъ очередныхъ запасными недостаетъ 30. Въ этомъ случаѣ уже отъ сторонъ то есть отъ прокурора и подсудимаго или его защитника зависитъ допустить ли такое число присяжныхъ для составленія присутствія, если одна изъ сторонъ не согласится на это число, то дѣло производиться не можетъ и судебное засѣданіе закрывается (угол. кас. рѣш. 1868 г. №№ 403, 465). Такой порядокъ установился практикою. Но намъ кажется, что отъ недостатка присяжныхъ не

должны страдать подсудимые, а дѣла откладываться на продолжительное время. Чтобы цѣлая сессія не прошла даромъ, по нашему мнѣнію нужно дополнить списокъ присяжныхъ до 30 выпутіемъ дополнительныхъ билетовъ до 30 человѣкъ изъ запаснаго списка, и за тѣмъ запасныхъ присяжныхъ, на которыхъ палъ жребій пригласить въ засѣданія, а списокъ вышедшихъ по жребію присяжныхъ предъявить подсудимымъ (учр. суд. уст. ст. 101). Но если стороны согласны на допущеніе производства при неполномъ числѣ присяжныхъ, то они уже могутъ воспользоваться отводомъ но въ меньшемъ, чѣмъ установлено закономъ числѣ, а именно въ такомъ, чтобы оставалось не менѣе 18 человѣкъ неотведенныхъ.

Предъ разсмотрѣніемъ каждаго дѣла, предсѣдатель суда предъявляетъ

составленные для засѣданія списки засѣдателей сначала прокурору или частному обвинителю, а потомъ подсудимому (ст. 654). Законъ желаетъ, чтобы по каждому дѣлу составлялось особое присутствіе присяжныхъ засѣдателей, хотя бы въ одинъ день происходило нѣсколько судебныхъ засѣданій, разбиралось нѣсколько дѣлъ и потому въ изложенной статьѣ выражается «предъ разсмотрѣніемъ каждаго дѣла». Это нужно потому, что по каждому дѣлу судятся особые подсудимые, которые могутъ сдѣлать отводы разныхъ лицъ въ спискѣ присяжныхъ. Законъ говоритъ, что прокурору и подсудимому даются списки присяжныхъ засѣдателей, составленные для засѣданія то есть провѣренный и пополненный выше указаннымъ способомъ списокъ. Списокъ предъявляется чрезъ судебнаго пристава сначала

прокурору или частному обвинителю, а потомъ послѣ отвода или отказа съ его стороны отъ отвода, тотъ же списокъ передается подсудимому; само собою разумѣется, что если у подсудимаго есть защитникъ, то списокъ подается защитнику. Чтобы помочь подсудимому неграмотному, не имѣющему защитника, слѣдовало бы до открытія засѣданія чрезъ судебнаго пристава прочитать ему очередной и запасный списки, съ тѣмъ, чтобы при предъявленіи списка 30 присяжныхъ онъ имѣлъ возможность указать судебному приставу, кого онъ желаетъ отвести. Списки присяжныхъ, передаваемые подсудимому за три дня до открытія засѣданія и списокъ предъявляемый сторонамъ въ судѣ для отвода должны быть написаны весьма четко или же отпечатаны; ошибка въ имени, отчествѣ или фамиліи присяжнаго

засѣдателя можетъ повлечь за собою уничтоженіе производства, какъ неправильнаго.

§ 26. *Присяжные засѣдатели могутъ быть отводимы сторонами безъ объясненія причинъ отвода, который производится вычеркиваніемъ изъ списка именъ отводимыхъ засѣдателей. Прокуроръ или частный обвинитель имѣетъ право отвести не болѣе шести засѣдателей. Подсудимому, а если ихъ нѣсколько, то всѣмъ имъ вмѣстѣ предоставляется отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа тридцати осталось не менѣе восемнадцати неотведенныхъ лицъ. Если подсудимыхъ нѣсколько, то отводъ ими присяжныхъ производится по взаимному согласію, а въ случаѣ разногласія,—по раздѣленію между ними числа отводимыхъ по ровну, когда это возможно, или же по большинству голо-*

совѣ или по жребію (уст. угол. суд. ст. 655 — 657). Законъ не требуетъ непремѣнно отвода присяжныхъ такъ что и прокуроръ и подсудимый могутъ никого не отвести или отвести менѣе присяжныхъ чѣмъ имъ предоставлено. Отводъ дѣлается безъ объясненія причинъ то есть безъ объявленія, почему обвинитель или подсудимый не желаетъ имѣть своимъ судьею отводимое лицо: тотъ и другой могутъ отводить или по неспособности присяжнаго засѣдателя или по предполагаемому пристрастію или по особому взгляду на дѣло отводимаго, признаваемому вреднымъ для нея стороною отводящею, или по нежеланію отводимаго присяжнаго участвовать въ разрѣшеніи дѣла, сдѣлавшемуся извѣстнымъ отводящему. Присяжный засѣдатель поступитъ совершенно добросовѣстно, если объявитъ сторонѣ о рѣшительно сос-

тавленномъ мнѣніи по разсматриваемому дѣлу. Но нельзя одобрать соглашенія защитниковъ съ присяжными относительно вычеркиванія ихъ: отъ этого соглашенія вся трудность повинности и тяжесть взять на душу приговоръ можетъ лечь несправедливо на однихъ лицъ, въ послабленіе другимъ; сверхъ того тутъ уже ослабляется значеніе присяжныхъ, какъ судей назначенныхъ судьбою; ограничивать дѣйствіе случая тѣмъ болѣе неумѣстно, что въ согласіи защитника вычеркнуть того или другого присяжнаго почти никогда не участвуетъ подсудимый, для котораго и назначаются судьи. Еще менѣе прилично вычеркивать присяжныхъ, ради просьбы ихъ, чинамъ прокурорскаго надзора, охраняющимъ законность и судебный порядокъ. Такъ какъ причина не должна быть объявляема, то отводъ произво-

дится посредствомъ вычеркиванія изъ списка того лица, которое отводится. Разумѣется вычеркиваніе должно дѣлаться такъ отчетливо, чтобы не было ошибки, при которой въ составъ присутствія можетъ попасть отведенный присяжный засѣдатель. Отведенные присяжные засѣдатели не могутъ обижаться отводомъ, во 1-хъ потому что не знаютъ, отведены они или не попали въ составъ присутствія, потому что на нихъ не палъ жребій, 2., потому что вычеркнутыя имена не провозглашаются, остаются тайною для всѣхъ. Прокуроръ или частный обвинитель имѣютъ право отвести только шесть присяжныхъ, а подсудимые столько, сколько можно вычеркнуть, чтобы осталось не менѣе 18 именъ то есть если обвинитель вычеркнулъ три лица, подсудимый можетъ вычеркнуть девять лицъ. Законъ точно опредѣля-

етъ, какъ должны раздѣлить между собою число отводимыхъ присяжныхъ нѣсколько подсудимыхъ.

Когда отводы будутъ окончены, то списокъ передается предсѣдателю суда, который изъ тридцати билетовъ съ именами присяжныхъ засѣдателей вынимаетъ тѣ, на которыхъ значатся имена отведенныхъ; а остальные билеты, просчитавъ, во избѣжаніе ошибки, опускаетъ въ ящикъ, для избранія присяжныхъ въ составъ присутствія.

§ 27. *Изъ числа неотведенныхъ назначается по жребію для рѣшенія дѣла двѣнадцать коплектныхъ и двое запасныхъ присяжныхъ засѣдателей* (ст. 658). Такимъ образомъ присяжные-судьи даются подсудимому жребіемъ, судьбою, а не чьимъ-либо выборомъ; при назначеніи этихъ судей одинъ случай долженъ быть руководителемъ, чтобы подсудимый могъ ска-

зать: Богъ далъ мнѣ судей. Поэтому здѣсь въ особенности должно быть устранено все, что мѣшаетъ назначенію быть случаемъ: ящикъ долженъ быть совершенно закрытъ, чтобы никакъ нельзя было видѣть, какіе билеты вынимаются оттуда.

Порядокъ назначенія жребіемъ присутствія присяжныхъ засѣдателей законъ опредѣляетъ такъ: *председатель суда опускаетъ билеты съ именами неотведенныхъ въ ящикъ, перемѣшиваетъ ихъ и потомъ вынимаетъ по одному четырнацать билетовъ, провозглашая каждое вынутое имя* (ст. 659). Билеты перемѣшиваются въ ящикѣ и вынимаются по одному, чтобы не было сомнѣнія въ игрѣ случая; провозглашеніе имени написаннаго на вынутомъ есть публичное и торжественное оглашеніе лица, ко-

торое входитъ въ составъ присутствія присяжныхъ.

Вынутыя по жребію имена присяжныхъ, вносятся секретаремъ въ списокъ, который по повѣркѣ съ оставшимися въ ящикѣ билетами скрѣпляется имъ, подписывается судьями и провозглашается во всеуслышаніе (ст. 660). Такимъ образомъ составляется четвертый списокъ присяжныхъ засѣдателей—списокъ судебнаго присутствія ихъ. Этотъ списокъ составляется секретаремъ суда, который записываетъ въ него по порядку каждое провозглашенное предсѣдателемъ имя, по мѣрѣ вынутія билетовъ изъ ящика; разумѣется, провозглашается и вносится въ списокъ имя, отчество и фамилія присяжнаго, чтобы отличить его отъ другихъ съ тою же фамиліею и не сдѣлать ошибки. Когда всѣ 14 именъ будутъ записаны секре-

таремъ въ списокъ, то предсѣдатель дѣлаетъ повѣрку, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли ошибки. Эта повѣрка требуетъ, чтобы билеты съ именами присяжныхъ засѣдателей, оставшіеся въ ящикѣ, послѣ вынутія жребія, были сосчитаны съ вынутыми: если сумма не сходится со всѣми брошенными въ ящикъ билетами, предъ вынутіемъ жребія, то сдѣлана ошибка, которая и должна быть исправлена. Списокъ скрѣпляется секретаремъ и подписывается судьями, для его достовѣрности, затѣмъ прочитывается вслухъ. При этомъ чтеніи каждый внесенный въ списокъ присяжный засѣдатель встаетъ съ своего мѣста, чтобы повѣрить число вошедшихъ въ составъ присутствія присяжныхъ съ наличностью и приготовиться къ принятію присяги.

Первые двѣнадцать засѣдателей по списку составляютъ присутствіе

присяжныхъ, а послѣдніе двое, хотя и должны находится въ судебномъ засѣданіи, но въ составъ присутствія поступаютъ лишь въ случаѣ выбытія кого-либо изъ двѣнадцати до постановленія ими рѣшенія. Поступленіе запасныхъ въ комплектъ присутствія происходитъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ имена ихъ были вынуты по жребію (ст. 661—662). Порядокъ въ которомъ вносятся присяжные засѣдатели въ списокъ присутствія, соотвѣтствуетъ порядку вынутія билетовъ и имѣетъ то значеніе, что только первые 12 по этому порядку рѣшаютъ вину или невинность подсудимаго, а послѣдніе двое находятся въ залѣ засѣданія, на случай замѣны выбывшаго изъ комплекта то есть полнаго числа присутствія присяжныхъ.

Когда при составленіи присутствія присяжныхъ замѣчено будетъ

отступленіе отъ установленныхъ правилъ или окажется какая-либо ошибка, то предсѣдатель суда объявляетъ о томъ во всеуслышаніе и немедленно возстановляетъ нарушенный порядокъ, но лишь въ отношеніи замѣченной неправильности или ошибки не прибѣгая, безъ крайней въ томъ надобности, къ вынутію новаго жребія (ст. 663). Охраняя со всею строгостью порядокъ въ самомъ важнѣйшемъ дѣйствіи судебнаго засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей — въ составленіи ихъ присутствія, законъ запрещаетъ предсѣдателю скрывать сдѣланное имъ отступленіе отъ правилъ, установленныхъ для этого дѣйствія, а предписываетъ ему объявлять о томъ *во всеуслышаніе*, чтобы стороны были ограждены отъ незнанія нарушенія публичнымъ сообщеніемъ о немъ. Кромѣ того, предписывая предсѣда-

телю тотчасъ исправить безпорядокъ, въ чемъ онъ оказывается, внушаютъ избѣгать, по возможности, новаго вынутія жребія; такъ какъ перемѣна въ жребіѣ есть колебаніе его; жребій нѣсколько разъ повторенный есть уже не жребій, а нѣсколько расчитанный выборъ, измѣненіе его роняетъ довѣріе къ нему. Такъ напримѣръ, если вынуто, по ошибкѣ 13 или 15 билетовъ, вмѣсто 14, то нѣтъ надобности бросать новый жребій, такъ какъ при 13 нужно только вынуть изъ оставшихся билетовъ одинъ, а при 15 послѣдній вынутый билетъ отбросить, какъ лишній.

§ 28. *По составленіи присутствія присяжныхъ, предсѣдатель суда распоряжается о приводѣ ихъ къ присягѣ, каждаго по обряду его вѣроисповѣданія. Предъ присягою засѣдателей, всѣ, находящіяся въ залѣ засѣданія,*

должностныя и частныя лица встаютъ съ своихъ мѣстъ и выслушиваютъ присягу стоя (ст. 664—665). Только послѣ присяги вошедшіе въ составъ присутствія засѣдатели дѣлаются въ полномъ смыслѣ *присяжными*; этому значенію присяги соотвѣтствуетъ ея важность и торжественность, какъ обряда вѣры, требующія чтобы всѣ выслушивали ее стоя. Каждой присяжный засѣдатель даетъ клятву по тѣмъ правиламъ, которыя предписаны для этого обряда правилами его вѣры, иначе присяга пойдетъ не въ присягу. Такъ присяга евреевъ требуетъ, чтобы на мѣстѣ присяги не было образовъ христіанскихъ, они надѣваютъ облаченіе, покрываютъ голову, не могутъ присягать въ субботніе и праздничные дни; не имѣя права выполнять присягу въ эти дни, евреи не могутъ быть въ составѣ присутствія присяжныхъ.

Слова еврейской присяги означены въ сводѣ законовъ томъ XI части I ст. 1061 по продолженію 1864 года въ приложеніи. Запасные присяжные засѣдатели даютъ клятву вмѣстѣ съ комплектными, такъ какъ могутъ поступить въ составъ присутствія и находятся при всѣхъ дѣйствіяхъ суда.

Священникъ, по внушеніи присяжнымъ святости присяги, читаетъ передъ ними клятвенное обѣщаніе. Законъ требуетъ, чтобы священникъ предъ приводомъ къ присягѣ дѣлалъ внушеніе присяжнымъ засѣдателямъ о святости присяги, чтобы словами своими укрѣпить въ нихъ убѣжденіе въ высокомъ значеніи присяги, какъ обряда вѣры, подѣйствовать на ихъ душу и сердце, приготовить ихъ къ произнесенію торжественнаго обѣщанія предъ Богомъ добросовѣстно исполнить свой долгъ. Конечно, внушеніе

священника тогда только достигаетъ своей цѣли, когда будетъ выражено въ простыхъ и понятныхъ словахъ. Священникъ долженъ говорить о святости присяги, какъ она внушается правилами вѣры, но не имѣетъ права касаться дѣла, подлежащаго рѣшенію присяжныхъ и возбуждать въ нихъ мнѣніе противъ подсудимаго или въ пользу его. По рѣшенію сената, предсѣдатель долженъ остановить священника, если сказанныя имъ слова могутъ служить источникомъ предубѣжденія для присяжныхъ (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 383). Подпявъ правую руку вверхъ, въ знакъ обращенія словъ къ небу, призванія Бога во свидѣтели, каждый присяжный засѣдатель произноситъ слѣдующія слова клятвеннаго обѣщанія:

„*Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ его*

Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, въ томъ, что по дѣлу, по которому я избранъ присяжнымъ засѣдателемъ, приложу всю силу разумѣнія моего къ тщательному разсмотрѣнію, какъ обстоятельствъ уличающихъ подсудимаго, такъ и обстоятельствъ, его оправдывающихъ и подамъ рѣшительный голосъ согласно съ тѣмъ, что увижу и услышу на судѣ, по сущей правдѣ и убѣжденію моей совѣсти, не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго, памятуя, что я во всемъ этомъ должень дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь".

Каждый присягающій, прикладываясь къ Кресту и Евангелію, про-

износитъ вслухъ: «клянусь» (ст. 666). Слова присяги непремѣнно должны быть повторяемы за священникомъ; но особенно важно произнесеніе слова «клянусь» предъ цѣлованіемъ Креста и Евангелія, въ этомъ словѣ вся сила присяги, потвержденіе клятвеннаго обѣщанія предъ Богомъ. Поэтому предсѣдатель долженъ требовать, чтобы каждый присягающій сказалъ это слово вслухъ и тѣмъ предъ всѣми заявилъ, что онъ дѣйствительно присягалъ.

Засѣдатели неправославнаго исповѣданія приводятся къ присягѣ согласно съ догматами и обрядами ихъ вѣры, духовнымъ лицомъ ихъ вѣроисповѣданія. Когда въ мѣстѣ засѣданія суда не окажется духовнаго лица того иновѣрнаго исповѣданія, къ коему принадлежитъ кто-либо изъ засѣдателей, то онъ приводится къ присягѣ предсѣдателемъ суда (ст. 667—668).

Законъ прежде всего требуетъ, чтобы при приводѣ къ присягѣ иновѣрца, находилось духовное лицо его вѣроисповѣданія, такъ какъ это лицо лучше знаетъ, по какимъ правиламъ и обрядамъ слѣдуетъ привести къ присягѣ, оно вѣрнѣе и точнѣе выполнитъ эти обряды. Поэтому только въ крайнемъ случаѣ, когда въ томъ городѣ, гдѣ происходятъ судебныя засѣданія, нѣтъ духовнаго лица иновѣрнаго исповѣданія, предсѣдатель суда приводитъ къ присягѣ иновѣрца. При этомъ необходимо предварительно спросить, какіе обряды требуются для исполненія присяги по правиламъ его вѣры,—допускаютъ ли онѣ цѣлованіе Креста и Евангелія православнаго. Само собою разумѣется, что произнесеніе клятвеннаго обѣщанія на русскомъ, а не на другомъ языкѣ, не относится къ обрядамъ вѣры. Православные засѣ-

датели всегда приводятся къ присягѣ самимъ священникомъ.

Отъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣроученіямъ, непріемлющимъ присяги отбирается только торжественное обѣщаніе, соотвѣтствующее присягѣ (ст. 669). Законъ не желаетъ, чтобы присяжный засѣдатель принуждался къ произнесенію клятвеннаго обѣщанія, когда правила его вѣры не дозволяютъ присяги и потому дѣлаютъ ее безсильною: такая присяга была бы нарушеніемъ вѣры, принужденіемъ совѣсти къ тому, чего она не допускаетъ. Такъ анабаптисты, меннониты, изъ раскольниковъ духоборцы и нѣкоторые другіе никогда не клянутся. Для этихъ лицъ клятву замѣняетъ громко произнесенное обѣщаніе по существеннымъ словамъ присяги, произносимой присяжными.

Послѣ принятія присяги присяжные

засѣдатели (комплектные, входящіе въ составъ присутствія) *избираютъ изъ среды себя старшину, для управленія ихъ совѣщаніями, изъ числа грамотныхъ лицъ* (ст. 670). Для выбора старшины присяжные могутъ удалиться въ комнату своихъ совѣщаній, если пожелаютъ. Законъ не опредѣляетъ особыхъ качествъ старшины, не даетъ ему никакихъ особенныхъ правъ отличій предъ другими, присяжными засѣдателями: каждый изъ нихъ, какъ и старшина, имѣетъ равное право участвовать въ рѣшеніи дѣла, каждый высказываетъ свое особое мнѣніе, старшина не имѣетъ никакой власти надъ другими присяжными, обязанъ уважать мнѣніе каждаго изъ нихъ. Поэтому при выборѣ старшины не слѣдуетъ обращать никакого вниманія ни на различіе сословій, ни на чинъ, ни на должность. При этомъ

выборѣ дѣло не въ различіи сословій, дворянъ, крестьянъ, мѣщанъ, чиновниковъ, а въ томъ, чтобы лицо избранное умѣло руководить совѣщаніями присяжныхъ при разрѣшеніи ими вопросовъ, данныхъ судомъ о виновности или невинности подсудимаго, наблюдать за порядкомъ подачи голосовъ и записать отвѣты присяжныхъ, данные по большинству голосовъ или единогласно; вотъ почему законъ требуетъ, чтобы старшина присяжныхъ былъ непремѣнно грамотенъ. Если во всемъ составѣ присутствія присяжныхъ грамотнаго нѣтъ, то присяжные должны заявить объ этомъ суду; тогда долженъ быть брошенъ новый жребій изъ неотведенныхъ сторонами присяжныхъ, пока не будетъ въ числѣ 12-ти человѣкъ хоть одинъ грамотный. Если же въ числѣ всѣхъ неотведенныхъ присяжныхъ нѣтъ ни

одного грамотнаго, то судебное засѣданіе состояться не можетъ и прекращается. При выборѣ старшины соблюдается слѣдующій порядокъ: обыкновенно присяжные просятъ быть ихъ старшиною одного изъ числа ихъ, кому болѣе довѣряютъ и кого считаютъ болѣе способнымъ. Если такихъ лицъ нѣсколько, то бросаютъ жребій или предоставляютъ званіе старшины тому, на кого прежде палъ жребій, при вынутіи предсѣдателемъ билетовъ изъ ящика.

Послѣ избранія старшины, присяжные возвращаются въ залъ засѣданій и объявляютъ суду, кого они выбрали старшиною. Затѣмъ присяжные засѣдатели садятся на назначенныя для нихъ мѣста противъ подсудимаго, въ томъ порядкѣ, въ какомъ палъ на нихъ жребій, но старшина садится ближе къ суду, для

заявленій въ случаѣ надобности отъ себя или отъ имени всѣхъ присяжныхъ. Запасные садятся отдѣльно отъ комплектныхъ также въ порядкѣ павшаго на нихъ жребія.

Прочіе присяжные, невошедшіе въ составъ присутствія, могутъ оставить залъ засѣданія, если не желаютъ оставаться въ немъ; ранѣе избранія старшины присяжныхъ они не должны уходить: во 1-хъ, чтобы не дѣлать суматохи своимъ выходомъ и не ставить судъ въ затрудненіе, при удостовѣреніи, всѣ ли присяжные избранные по жребію находятся на лицо; во 2-хъ, можетъ встрѣтиться надобность въ новомъ выборѣ, когда между избранными не будетъ ни одного грамотнаго. Но было бы весьма полезно, если бы невошедшіе въ составъ присутствія присяжные оставались въ залѣ, особенно въ первомъ судебномъ

засѣданіи, чтобы ознакомиться съ порядкомъ производства дѣлъ и явиться уже въ слѣдующія засѣданія съ пріобрѣтенными свѣдѣніями. Само собою разумѣется, что для невошедшихъ въ составъ присутствія, но остающихся въ залѣ присяжныхъ должны быть оставлены или очищены мѣста, занимаемыя публикою: эти лица имѣютъ преимущество предъ всѣми посѣтителями судебныхъ засѣданій; имъ даже могутъ быть отведены мѣста, назначенныя для судебныхъ чиновъ.

ГЛАВА 9.

Объясненіе присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности.

§ 29. Когда присяжные засѣдатели займутъ свои мѣста, то законъ пред-

писываетъ предсѣдателю суда объяснять имъ ихъ права, обязанности и отвѣтственность (уст. угол. суд. ст. 671), чтобы приготовить ихъ къ слушанію судебнаго слѣдствія, чтобы дать имъ возможность понять ихъ положеніе въ судѣ, знать, что они могутъ дѣлать и чего не могутъ, чтобы они умѣли пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности, чтобы они не были въ недоразумѣніи и затрудненіи относительно своего назначенія. Разъясненіе это обязательно для всякого судебнаго засѣданія, хотя бы въ одинъ день было нѣсколько засѣданій, такъ какъ можетъ быть и часто бываетъ, что въ числѣ присяжныхъ засѣдателей найдутся такіе, которые не участвовали въ предшествовавшихъ засѣданіяхъ и вовсе незнакомы съ своими правами и обязанностями и волею-

невольно будутъ подчиняться тому, что имъ скажутъ другіе присяжные, болѣе ихъ знающіе. Наконецъ самое напоминаніе правилъ о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности присяжныхъ, укрѣпляетъ ихъ вниманіе къ тому назначенію, которое имъ дано по закону (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 234). Несомнѣнно, что разъясненіе предсѣдателя не должно заключаться въ одномъ чтеніи статей устава уголовнаго судопроизводства; такое чтеніе только утомляло бы вниманіе присяжныхъ, не достигало бы цѣли и не соотвѣтствовало бы волѣ закона: онъ требуетъ со стороны предсѣдателя *объясненія* присяжнымъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности, *поставленія на видъ правилъ*, содержащихся въ уставѣ, а не прочтенія ихъ. Чтобы объясненіе принесло дѣйствительную пользу, оно должно

содержать въ себѣ, по возможности, все, что слѣдуетъ знать присяжнымъ, чтобы они были сознательными судьями вины или невинности подсудимаго, воспользовались всѣми способами, какіе даетъ имъ законъ для участія въ судѣ и не были въ потемкахъ относительно ихъ обязанностей. Въ такомъ смыслѣ объясненіе предсѣдателя не должно держаться исключительно въ рамкахъ правилъ, заключающихся въ 672 — 677 ст. должно быть полнѣе, явственнѣе, дано въ такихъ словахъ, которыя удобопонятны для присяжныхъ, соображено съ наличнымъ составомъ ихъ, со степенью ихъ образованія, знаній. Особенно полно должно быть разъясненіе, обращаемое къ присяжнымъ въ первое засѣданіе, а тѣмъ болѣе, когда судъ присяжныхъ въ извѣстной мѣстности производится въ первый разъ, чтобы

это полное разъяснение было извѣстно всѣмъ присяжнымъ засѣдателямъ, невошедшіе въ составъ присутствія могутъ быть приглашены къ выслушанію его. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ объясненіе можетъ быть сокращаемо и дойти до краткаго напоминанія ихъ.

Присяжные засѣдатели приглашены въ судъ не по одной только повинности быть въ судѣ, участвовать въ судебномъ засѣданіи и не подвергнуться взысканію за неявку въ судъ; нѣтъ, на свой призывъ въ судъ, на свое дѣло въ немъ они должны смотрѣть прежде всего и болѣе всего, какъ на право каждаго изъ нихъ быть судьею въ разбираемомъ дѣлѣ, довѣряемое ему всѣмъ обществомъ, избравшимъ его въ свои судьи, какъ на великое добро́, данное народу въ рѣшеніи вины или невинности

своего одноземца, чтобы присяжный самъ стерегъ правду суда, выразилъ въ своемъ приговорѣ то, что сказала бы сама общественная совѣсть; присяжные засѣдатели, какъ выборные общества, должны дорожить этимъ правомъ, какъ охраною общества отъ неправды, пристрастія въ судѣ, отъ нарушенія общественнаго порядка и и закона. Довѣріе къ присяжнымъ засѣдателямъ и права ихъ такъ велики и сильны, какихъ не имѣютъ другіе судьи: ихъ приговоръ-послѣднее слово, рѣшающее участь подсудимаго, ихъ рѣшеніе окончательное нельзя жаловаться нигдѣ ни на то, что они обвинили, ни на то, что оправдали; можно жаловаться только на то, что при производствѣ ихъ суда не исполнено ими или судомъ, нарушены законы, указывающіе порядокъ производства,

но не на приговоръ о винѣ или невинности подсудимаго.

Чѣмъ больше кому дается довѣрія, чѣмъ больше права, тѣмъ важнѣе обязанности; кому дано много, съ того много и спросится; кто больше беретъ на свою совѣсть, тотъ больше будетъ и отвѣчать предъ нею за неисполненіе своего долга. Изъ своей клятвы присяжные засѣдатели знаютъ, какой великій долгъ лежитъ на нихъ: каждый изъ нихъ клялся, что по разсматриваемому дѣлу онъ подастъ рѣшительный голосъ, согласно съ тѣмъ, что услышитъ и увидитъ на судѣ, по сущей правдѣ и убѣжденію совѣсти, не оправдывая виновнаго и не осуждая невиннаго. По долгу этой клятвы, каждый присяжный засѣдатель, выслушавъ дѣло, долженъ будетъ дать рѣшительный голосъ, долженъ сказать виновенъ ли подсудимый или невиненъ. Присяж-

ные засѣдатели въ этомъ мнѣніи не могутъ полагаться другъ на друга, какъ въ частую бываетъ въ сходкахъ, собраніяхъ многихъ лицъ; никто изъ присяжныхъ не можетъ сказать себѣ: «за меня сдѣлаютъ, разсудятъ другіе». Нѣтъ, каждый изъ нихъ дастъ свой особый голосъ; отъ числа ихъ голосовъ въ пользу или противъ подсудимаго, будетъ зависѣть его участь; каждый изъ нихъ беретъ на свою душу осужденіе или оправданіе его; у каждаго изъ нихъ мнѣніе должно быть свое, а не взятое съ чужаго голоса. Отъ каждаго изъ нихъ требуется такого совѣстливаго приговора, отъ котораго не потерпѣлъ бы невинный и которымъ не оправдался бы виновный. Чтобы быть такимъ приговоромъ, онъ долженъ быть данъ по внутреннему убѣжденію, какое составится изъ того, что присяжные услышатъ и увидятъ на судѣ, по твердой, обдуманной увѣ-

ренности, что подсудимый дѣйствительно виновенъ или невиненъ, основанной на доказательствахъ, какія будутъ высказаны на судѣ. Отдавая свой разумъ, свою душу, свою совѣсть только тому, что дѣлается и говорится въ самомъ судѣ при разборѣ дѣла, присяжные засѣдатели должны устранять отъ себя всякое постороннее свѣдѣніе всякое постороннее вліяніе на ихъ убѣжденіе. Вотъ почему законъ налагаетъ на нихъ обязанность, чтобы они *не отлучались изъ залы засѣданія и не входили въ сношеніе съ лицами непринадлежащими къ составу суда и вообще не собирали никакихъ свѣдѣній по дѣлу внѣ судебнаго засѣданія. За нарушеніе этого предписанія закона, виновный присяжный засѣдатель устраняется отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла и подвергается денежному взысканію отъ*

10 до 100 рублей, а если устраненіе его имѣло послѣдствіемъ остановку засѣданія, то и платежу происшедшихъ отъ того, для вызванныхъ въ судъ лицъ, излишнихъ издержекъ (ст. 675—676). Въ силу этого правила, присяжные засѣдатели должны устранить отъ себя все, что сдѣлалось имъ извѣстнымъ за дверьми суда или хотя и въ самомъ судѣ, но отъ лицъ постороннихъ, непризванныхъ разъяснять въ судѣ обстоятельства дѣла, какъ будто они того не слышали и не знали. Точно также должны присяжные смотрѣть на слышанное ими о дѣлѣ до засѣданія въ судѣ. Посторонніе свѣдѣнія и слухи должны быть устраняемы отъ убѣжденія присяжныхъ, потому что они не провѣрялись въ судѣ, не имѣлись въ виду ни подсудимымъ, который могъ бы возразить противъ нихъ, если бы знала

ихъ, ни прокуроромъ, который могъ разобрать ихъ въ своихъ доводахъ. Если что-либо попадобится присяжному засѣдателю, хотя бы и во время промежутковъ засѣданія, онъ долженъ заявить объ этомъ предсѣдателю суда.

Какъ ни строго предписаніе закона, запрещающее въ судѣ, входить въ недозволенныя сношенія съ постороннимп лицами и получать постороннія свѣдѣнія, однакожъ строгость закона не должна быть преувеличиваема: нужно отличать букву закона отъ его смысла. Законъ не доводитъ присяжнаго до положенія человѣка несвободнаго, арестованнаго. По буквальному смыслу закона, присяжный засѣдатель не можетъ отлучаться изъ суда, входить въ сношенія съ посторонними лицами *безъ разрѣшенія предсѣдателя*, и собирать свѣдѣнія по дѣлу внѣ суда.

Смыслъ закона заключается въ томъ, чтобы присяжный засѣдатель не получалъ свѣдѣній по дѣлу посредствомъ сношеній съ посторонними людьми. Но не будетъ отступленія отъ закона, если присяжный засѣдатель, по неотложной надобности уйдетъ изъ суда, съ разрѣшенія предсѣдателя и не будетъ ни съ кѣмъ говорить по дѣлу; но это можетъ быть сдѣлано въ сопровожденіи наблюдающаго судебнаго пристава или стражи (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 534). Письма получаемыя присяжнымъ засѣдателемъ должны быть предъявляемы предсѣдателю суда. Разговоры втихомолку допускаются только между присяжными засѣдателями и они не возбуждаютъ подозрѣнія, но такіе же разговоры съ посторонними лицами подозрительны и не могутъ быть допускаемы. Вообще присяжные засѣдатели должны поста-

вить себѣ въ обязанность не вести неслышнаго разговора ни съ свидѣтелями, ни съ свѣдущими людьми, ни даже съ посторонними, предлагать вопросы по дѣлу громко и внятно, чтобы всѣ могли слышать и чтобы подсудимый могъ сдѣлать возраженіе на отвѣтъ. Самымъ существеннымъ нарушеніемъ предписанія закона будетъ разговоръ присяжнаго засѣдателя съ прокуроромъ особенно въ отсутствіи защитника; законъ не допускаетъ прокурора въ совѣщаніе судей, еще менѣе можетъ онъ вступать въ разговоръ съ присяжнымъ, не находящимся въ составѣ присутствія, о чемъ бы то ни было. Вообще присяжные засѣдатели даже до засѣданія, а особенно при отпускѣ для почлега, должны избѣгать сообщенія имъ свѣдѣній по дѣлу и если кто-нибудь посторонній начнетъ говорить о дѣлѣ

то прерывать его, не выходить изъ залы суда и не вступать въ разговоръ съ постороннимъ лицомъ безъ крайней въ томъ надобности; словомъ оберегать себя самихъ отъ всякаго вліянія посторонняго, чтобы не дать повода къ дурному мнѣнію о себѣ и не вызывать упрека. На выходъ изъ суда и свиданіе съ лицомъ, непринадлежащимъ къ составу суда присяжныхъ, непремѣнно должно быть испрошено разрѣшеніе предсѣдателя; въ противномъ случаѣ присяжный подвергается штрафу, такъ какъ предсѣдатель, наблюдая за порядкомъ въ судѣ, можетъ провѣрить слѣдуетъ ли дать разрѣшеніе безъ вреда для дѣла или нѣтъ. Взысканіе за нарушеніе указаннаго закона налагается судебнымъ опредѣленіемъ, по мѣрѣ важности нарушенія и вреда его для дѣла; присяжный засѣдатель устраняется

отъ дѣла и если онъ состоитъ въ комплектѣ, то замѣняется запаснымъ, по порядку жребія, а если запасные засѣдатели всѣ вошли въ составъ присутствія, то при устраненіи нарушителя порядка, составъ присутствія не можетъ быть пополненъ; тогда судебное засѣданіе закрывается, а на нарушившаго порядокъ присяжнаго засѣдателя возлагаются судебныя издержки по вызову свидѣтелей и другихъ лицъ къ другому судебному засѣданію.

§ 30. Чтобы присяжные засѣдатели могли составить себѣ правильное мнѣніе о винѣ или невинности подсудимаго, имъ даны всѣ законныя средства къ уясненію обстоятельствъ дѣла и предоставлены права пользоваться этими средствами, какъ потребуется для пониманія дѣла, такого пониманія, которое обратило бы мнѣ-

ніе въ *убѣжденіе*, въ несомнѣнную увѣренность въ томъ, виновенъ или невиновенъ подсудимый. Предъ присяжными производится судебное слѣдствіе, которымъ раскрывается все, что нужно знать для составленія приговора, предъ ними происходятъ пренія сторонъ, развивающихъ доводы обвиненія и защиты. Во время судебнаго слѣдствія каждый присяжный засѣдатель имѣетъ право *предлагать вопросы допрашиваемымъ лицамъ* то есть подсудимому, свидѣтелямъ и требовать разъясненій отъ свѣдущихъ людей; *осматривать слѣды преступленія, поличное и вообще вещественныя доказательства* (ст. 672) Вопросы присяжнаго должны быть передаваемы допрашиваемому чрезъ предсѣдателя суда, который провѣряетъ, слѣдуетъ ли допустить предлагаемый

присяжнымъ вопросъ и въ какихъ словахъ удобнѣе его выразить.

Нельзя не пожалѣть, что присяжные засѣдатели мало пользуются этими средствами къ раскрытію истины; тогда какъ они, по своей опытности и знанію жизни, какъ доказываетъ судебная практика, иногда предлагаютъ такіе важные для дѣла вопросы, которые легко ускользаютъ отъ вниманія судей и сторонъ. Конечно, великая обязанность присяжныхъ изучить дѣло во всѣхъ подробностяхъ должна взять верхъ надъ стѣсненіемъ, застѣнчивостью. Лучше предложить вопросъ не идущій къ дѣлу, чѣмъ оставаться въ невѣденіи и принять на совѣсть неясность, темноту, незнаніе. Послѣ вопросовъ, предложенныхъ сторонами и предсѣдателемъ, можетъ предлагать ихъ каждый присяжный, если находитъ неразъяснен-

нымъ какое-либо обстоятельство. Вещественныя доказательства должны быть предъявляемы всѣмъ присяжнымъ, а не одному старшинѣ, — каждый долженъ видѣть ихъ. Присяжные, если признаютъ протоколъ осмотра имъ прочитанный, недостаточнымъ для объясненія всѣхъ обстоятельствъ, имѣютъ полное право требовать производства новаго осмотра мѣстности или вещей чрезъ судебнаго слѣдователя или члена суда, или даже своего выѣзда на мѣсто съ судомъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ (ст. 688—689). Вообще присяжные засѣдатели заявляютъ свое вниманіе къ дѣлу, свою самостоятельность, коль-скоро домогаются удовлетворенія правъ своихъ на знаніе дѣла, на дѣйствительное участіе въ дѣятельности суда; права тогда только и цѣнны, когда не остаются въ книгѣ законовъ, а проя-

вляются на дѣлѣ; кто дорожитъ правами, умѣетъ и обращать ихъ въ пользу.

Кромѣ означенныхъ средствъ къ раскрытію истины, законъ даетъ присяжнымъ еще очень важное право: *во всякомъ положеніи дѣла просить предсѣдателя суда разъяснить содержаніе прочитанныхъ на судѣ документовъ, признаки, коими опредѣляется въ законѣ преступленіе, приписываемое подсудимому и вообще все для нихъ непонятное* (ст. 673). И этимъ правомъ не могутъ не дорожить присяжные, такъ какъ, пользуясь ими они могутъ избѣжать судебной ошибки въ приговорѣ, устранить сомнѣнія и недоразумѣнія во время своихъ совѣщаній. Протоколы допросовъ и другія прочитанныя бумаги иногда бываютъ изложены или прочитаны такъ неясно, что могутъ ввести

въ заблужденіе присяжныхъ всѣхъ или кого-нибудь изъ нихъ; въ такомъ случаѣ ,прямая обязанность съ ихъ сотроны спросить у предсѣдателя разъясненія непонятаго или новаго прочтенія недослышаннаго. Присяжные засѣдатели взяты большею частью изъ такихъ лицъ, которыя мало знакомы съ законами; поэтому имѣютъ полное право и обязаны просить предсѣдателя выяснить законъ, особенно тотъ, который опредѣляетъ признаки преступленія, чтобы не принять одно преступное дѣяніе за другое. Нѣтъ ничего удивительнаго, если присяжный засѣдатель, недоумѣвая въ томъ, что кажется понятнымъ для многихъ, проситъ у предсѣдателя разъясненія; такіе вопросы доказываютъ только его добросовѣстность, его желаніе знать то, что ему непонятно. Безъ сомнѣнія развитая публика, сознающая

свое уваженіе къ присяжнымъ, какъ судьямъ рѣшающимъ участь подсудимаго, не станетъ выражать своего удивленія къ такимъ вопросамъ, къ такому пониманію присяжными своего высокаго долга; законъ предоставляетъ присяжнымъ спрашивать у предсѣдателя разъясненія непонятнаго во всякомъ положеніи дѣла то есть отъ начала до конца судебнаго засѣданія. Обращаясь съ вопросами къ предсѣдателю за разъясненіемъ и чрезъ него къ подсудимому, свидѣтелямъ и свѣдущимъ людямъ, присяжные засѣдатели должны имѣть одну осторожность: предлагать ихъ такими словами, чтобы не высказалось въ залѣ суда ихъ мнѣніе о винѣ или невинности подсудимаго; это мнѣніе они могутъ выражать только въ комнатѣ ихъ совѣщаній, наединѣ. Высказанное публично мнѣніе присяжнаго о дѣлѣ,

или даже о какомъ-нибудь обстоятельствѣ, нарушаетъ требуемую закономъ тайну совѣщаній присяжныхъ засѣдателей, предупреждаетъ обсужденіе дѣла, вліяетъ преждевременно на умы своихъ товарищей, поражаетъ обвиненіе или защиту. Въ этомъ отношеніи каждый присяжный засѣдатель долженъ быть такъ скроменъ и скрытенъ, что, охраняя свое безпристрастіе, онъ не можетъ выражать никакимъ знакомъ своего одобренія или неодобренія словамъ и рѣчамъ, предъ нимъ произносимымъ; тутъ предсѣдатель обязанъ принимать немедленно мѣры къ устраненію выраженія мнѣнія присяжнаго о дѣлѣ. Разумѣется, что присяжные никакъ не могутъ спрашивать у предсѣдателя мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго; это дѣло совѣсти самихъ присяжныхъ, тутъ онъ не судья.

Каждый присяжный засѣдатель клялся приложить всю силу своего разумѣнія къ тщательному разсмотрѣнію какъ обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго, такъ о обстоятельствъ, его оправдывающихъ. Поэтому каждый присяжный засѣдатель долженъ употребить всѣ усилія, чтобы его вниманіе ничѣмъ не развлекалось и было обращено только на то, что говорится въ судѣ о дѣлѣ,—долженъ терпѣливо вникать въ показанія подсудимаго, свидѣтелей, свѣдущихъ людей, въ рѣчи прокурора и защитника, въ объясненія предсѣдателя суда. Нерѣдко случается, что пренія сторонъ затягиваются, что онѣ касаются мелочей. Какъ безпристрастный, не предубѣждающійся судья, присяжный засѣдатель обязанъ быть внимательнымъ и къ мелочамъ, такъ какъ онѣ вмѣстѣ взятыя иногда приводятъ къ

такому заключенію, которое не дается главными обстоятельствами. Было бы несообразно ни съ присягою, ни съ достоинствомъ присяжнаго засѣдателя, какъ судьи, рѣшать дѣло только по одному судебному слѣдствію, составлять приговоръ о винѣ и невинности, до выслушанія рѣчей прокурора и защитника; въ этихъ рѣчахъ часто встрѣчаются такіе доводы, которые имѣютъ большое вліяніе на безошибочный приговоръ; безъ внимательнаго выслушанія сторонъ, въ особенности защиты ни одинъ просвѣщенный и разумный судья не станетъ рѣшать дѣла. Заботясь, чтобы уши и глаза были постоянно на сторожѣ и въ дѣйствіи, присяжные засѣдатели должны имѣть въ виду, что когда они приступятъ къ составленію приговора, то никто изъ нихъ не можетъ сказать себѣ: «я не разобралъ дѣла, оно

для меня неясно, я не вполнѣ убѣжденъ ни въ виновности, ни въ невинности подсудимаго, откладываю свой голосъ, не знаю, что объявить, какъ другіе, такъ и я». Нѣтъ каждый присяжный засѣдатель долженъ приготовить себя всѣмъ слышаннымъ и видѣннымъ къ прямому отвѣту: да или нѣтъ; кто опирается на мнѣніе другого, кто не составляетъ себѣ самъ своего голоса потому, что онъ видѣлъ и слышалъ, тотъ не судья, тотъ не присяжный, тотъ беретъ на свою душу чужое мнѣніе, безъ провѣрки, безъ убѣжденія, вѣрно оно или нѣтъ. Присяжные засѣдатели должны имѣть въ виду, что судъ никого не пошлетъ въ комнату ихъ совѣщаній и не дастъ ни одного клочка бумаги для разъясненія дѣла. Чтобы помочь памяти, *присяжнымъ засѣдателямъ во время судебнаго слѣд-*

ствія, не запрещается дѣлать письменныя замѣтки (ст. 674). Для этого присяжные засѣдатели должны имѣть съ собою карандашъ и бумагу, въ случаѣ надобности могутъ спросить ихъ у судебнаго пристава. Законъ не прямо заставляетъ, а не запрещаетъ дѣлать замѣтки то есть смотритъ на замѣтки, какъ на крайность, допускаемую тѣмъ, кто имѣетъ слабую память, такъ какъ самое записываніе того, что говорится, можетъ отвлекать вниманіе. Во всякомъ случаѣ лучше записать то, что легко забудется, конечно, такія замѣтки должны быть потомъ провѣряемы во время совѣщаній. Замѣтки могутъ быть дѣлаемы только во врем судебнаго слѣдствія, когда доставляются и провѣряются доказательства, а не во время преній сторонъ, когда высказываются выводы изъ нихъ.

Чтобы оградить свободу совѣсти каждаго присяжнаго засѣдателя въ приговорѣ и въ обсужденіи дѣла, чтобы каждый присяжный засѣдатель былъ увѣренъ, что онъ никогда не подвергнется мести, угрозѣ, какимъ-либо непріятностямъ за то, что онъ скажетъ въ пользу или противъ подсудимаго, и чтобы онъ могъ совершенно безопасно и спокойно сказать все, что думаетъ по дѣлу, законъ обязываетъ всѣхъ присяжныхъ *хранить тайну ихъ совѣщаній между собою и не объявлять никому, какіе голоса поданы были въ пользу или противъ подсудимаго.* За *нарушеніе этого правила*, то есть за высказываніе постороннему лицу того, что говорилось наединѣ, въ комнатѣ совѣщаній, *виновный подвергается денежному взысканію отъ 10 до 100 рублей.* Тайну своихъ совѣщаній присяжные должны хранить

не только во время разбора дѣла, но и послѣ него — по выходѣ изъ суда.

ГЛАВА 9.

Порядокъ производства судебнаго слѣдствія.

Чтеніе обвинительнаго акта; допросъ сознающагося подсудимаго; чтеніе протоколовъ осмотра, освидѣтельствованія, обыска и выемки; заключеніе свѣдущихъ людей; предъявленіе вещественныхъ доказательствъ; показанія свидѣтелей.

§ 31. По разъясненіи присяжнымъ засѣдателямъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности, по предложенію предсѣдателя, секретарь суда читаетъ обвинительный актъ или жалобу частнаго обвинителя, на основаніи которыхъ подсудимый преданъ суду. Обвинительный актъ или жалоба указыва-

ютъ присяжнымъ только тѣ обстоятельства и доказательства вины, которыя раскрыты предварительнымъ слѣдствіемъ и будутъ провѣряться судебнымъ слѣдствіемъ. Такъ какъ присяжнымъ не предъявляется предварительное слѣдствіе, то и довѣряться обвинительному акту или жалобѣ они не могутъ, содержащіяся въ нихъ обстоятельства и доказательства могутъ измѣниться при судебномъ слѣдствіи; только открытое на этомъ слѣдствіи они должны имѣть въ виду. Слѣдовательно, слушая обвинительный актъ присяжные засѣдатели не должны брать изъ него никакихъ основаній къ убѣжденію о винѣ или невиновности; обвинительный актъ и жалоба составляютъ еще задачу, вопросъ, который нужно рѣшить по судебному слѣдствію.

§ 32. По прочтеніи обвинительнаго

акта или частной жалобы, предсѣдатель суда, выразивъ въ краткихъ словахъ, въ чемъ обвиняется подсудимый, спрашиваетъ его: признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ? (ст. 679). *Если подсудимый признается, то ему предлагаются дальнѣйшіе вопросы, относящіеся къ обстоятельствамъ преступленія, въ которомъ онъ обвиняется* (ст. 680). Кромѣ предсѣдателя *съ его разрѣшенія члены суда сами непосредственно, а присяжные засѣдатели чрезъ предсѣдателя суда могутъ предлагать подсудимому вопросы по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, представляющимся неразъясненными* (ст. 684). Такимъ образомъ только судьи и присяжные могутъ участвовать въ допросѣ признающагося подсудимаго; стороны же не имѣютъ на это права, а могутъ только просить чрезъ предсѣдателя

разъясненія необходимыхъ для нихъ обстоятельствъ чрезъ спросъ подсудимаго (угол. кас. рѣш. 1868 г. №№ 498, 596). Присяжные засѣдатели особенно должны быть внимательны къ допросу подсудимаго и предлагать вопросы обо всемъ, что̀ найдутъ неяснымъ, такъ какъ допросомъ признающагося подсудимаго можетъ окончиться и все судебное слѣдствіе. Когда по дѣлу подсудимыхъ нѣсколько, то каждый изъ нихъ допрашивается порознь, или въ отсутствіи его соучастниковъ или въ ихъ присутствіи, по усмотрѣнію предсѣдателя. Но, когда подсудимый будетъ удаленъ, то все, что сказано было допрошеннымъ подсудимымъ противъ него, въ его отсутствіи, должно быть ему объявлено (уст. 686, 729). *Если признаніе подсудимаго не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, то судъ, не производя даль-*

нѣйшаго изслѣдованія можетъ перейти къ заключительнымъ преніямъ (ст. 680). Законъ дозволяетъ ограничить все судебное слѣдствіе допросомъ признающагося подсудимаго, и затѣмъ начать преніе сторонъ, но только въ томъ случаѣ, когда признаніе не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, то есть, когда имъ подробно выяснены всѣ обстоятельства, раскрывающія дѣйствительность совершенія преступленія, его свойства, вину подсудимаго со всѣми ея свойствами. Но если признаніе въ чемъ-либо сомнительно, если подсудимый признается только въ одной части того, въ чемъ онъ обвиняется, или если отказывается отъ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, напримѣръ, отъ совершенія взлома при кражѣ, то всякое сомнѣніе должно быть разъяснено судебнымъ слѣдствіемъ. Поэтому *судьи, присяж-*

жные, прокуроръ и участвующія въ дѣлѣ лица (частный обвинитель, гражданскій истецъ и защитникъ) *могутъ потребовать, несмотря на сдѣланное подсудимымъ признаніе, судебнаго изслѣдованія и въ такомъ случаѣ судъ приступаетъ, къ повѣркѣ доказательствъ* (ст. 682). Присяжные засѣдатели, которымъ придется разрѣшать вину подсудимаго, должны быть особенно осторожны въ своемъ согласіи окончить судебное слѣдствіе однимъ признаніемъ подсудимаго; если они встрѣчаютъ какое-нибудь недоразумѣніе и находятъ въ чемъ-нибудь недостаточнымъ это признаніе, то должны требовать повѣрки доказательствъ. Такъ, когда сознавшіеся въ преступленіи подсудимые оговариваютъ не сознавшихся, то оговоръ ихъ долженъ быть провѣренъ судебнымъ слѣдствіемъ (угол. кас. рѣш. 1868 г. №534).

Повѣрка доказательствъ можетъ относится или ко всѣмъ предметамъ или только къ нѣкоторымъ; поэтому, вслѣдствіе требованія сторонъ или присяжныхъ, могутъ быть спрошены не всѣ свидѣтели, а только нѣкоторые, посредствомъ которыхъ можно разъяснить повѣряемое обстоятельство; можетъ быть прочитанъ одинъ протоколъ, безъ чтенія другихъ. Присяжные могутъ заявить, что имъ неясно такое-то обстоятельство; по этому обстоятельству и будутъ допрошены свидѣтели, или потребуется заключеніе свѣдущихъ людей, или прочтутся протоколы.

Уже изъ этого видно, что признаніе подсудимаго не считается единственнымъ доказательствомъ по дѣлу и само оно можетъ быть подвергнуто судебному разслѣдованію. Но законъ пошелъ далѣе: онъ не домагается

признанія подсудимаго, такъ какъ оно можетъ быть только исключеніемъ, а не общимъ правиломъ: весьма естественно, по свойству человѣческой природы, избѣгать признанія, не ставить себя самого подъ вину, не класть на себя руки. Сверхъ того, публичное производство дѣла такъ тяготитъ подсудимаго, что ему нелегко сдаться на признаніе, выставить себя на показъ человѣкомъ, совершившимъ дурное дѣло. Отказавшись отъ признанія подсудимаго, не домогаясь его во что бы то ни стало, законъ долженъ былъ отказаться и отъ допроса не признающагося подсудимаго, такъ какъ такой допросъ былъ бы нравственною пыткою. Поэтому-то законъ говоритъ, что *подсудимаго, не признающагося въ преступленіи, предсѣдатель суда, при разсмотрѣніи каждаго доказательства спрашиваетъ: не желаетъ*

ли онъ, въ оправданіе свое представить какія-либо объясненія или опроверженія (ст. 683). Изъ этого предписанія видна человѣчная цѣль закона: онъ не нуждается въ признаніи, онъ требуетъ, чтобы прокурорскій надзоръ, заявляя обвиненіе противъ подсудимаго, доказалъ его законными средствами, онъ не дозволяетъ выбивать это доказательство изъ самого подсудимаго требованіемъ признанія. Напротивъ, когда подсудимый отвергаетъ обвиненіе, законъ предписываетъ предсѣдателю суда при всякомъ доказательствѣ противъ него спрашивать, не имѣетъ ли онъ какихъ-либо возраженій, которыя опровергали бы это доказательство, уничтожали бы его вовсе или ослабляли силу его. Таковъ смыслъ изложеннаго закона. Поэтому сенатъ находитъ, что подсудимому, непризнающему себя вино-

вным, предсѣдатель не долженъ дѣлать дальнѣйшихъ вопросовъ и что права подсудимаго нарушаются, если предсѣдатель вмѣсто того, чтобы предложить самому подсудимому представить опроверженіе на явившееся противъ него доказательство, предлагаетъ ему вопросы, клонящіеся къ его изобличенію (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 606, 1868 г № 534). Законъ идетъ далѣе этого. Не вымогая у подсудимаго признанія никакимъ способомъ, поясняетъ, что *молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины* (ст. 685). Этотъ законъ очень важенъ, потому что указываетъ, какъ присяжные засѣдатели должны смотрѣть на молчаніе подсудимаго. Оно вовсе не значитъ, что подсудимый соглашается съ обвиненіемъ, тутъ молчаніе не есть знакъ согласія: молчать подсудимый можетъ

по различнымъ побужденіямъ, которыя вовсе не указываютъ на вину; онъ можетъ молчать, напримѣръ, потому что находится подъ вліяніемъ страха, или не желаетъ раскрывать свои семейныя дѣла, которыя, какъ семейныя, составляютъ его тайну. Словомъ, молчаніе подсудимаго не составляетъ никакой улики противъ него; онъ не обязанъ давать показаніе.

§ 33. Къ числу доказательствъ, чаще всего употребляемыхъ для удостовѣренія дѣйствительности совершенія преступленія, для разъясненія признаковъ его, тѣхъ обстоятельствъ, которыя отличаютъ одно преступленіе отъ другого, принадлежитъ личный осмотръ самого судебнаго слѣдователя или полицейскаго чиновника и освидѣтельствованіе предметовъ найденныхъ при этомъ осмотрѣ. Поэтому законъ прежде всего требуетъ про-

чтенія протоколовъ осмотра или освидѣтельствованія, по требованію сторонъ, судей или присяжныхъ засѣдателей (ст. 687). Присяжные засѣдатели должны требовать прочтенія этихъ протоколовъ, если является сомнѣніе въ признакахъ преступленія или въ обстоятельствахъ его сопровождавшихъ; напримѣръ, когда подсудимый объявляетъ, что при кражѣ взлома не было, что кровавыхъ пятенъ на его платьѣ не найдено. Протоколы *обысковъ* и *выемокъ* описываютъ, что найдено, когда разыскивались у подсудимаго или другихъ лицъ вещи, указывающія на виновность подсудимаго или разъясняющія способъ совершенія преступленія. Протоколы осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и выемокъ тогда только правильны и заслуживаютъ вѣры, когда составлены въ присутствіи понятыхъ, и подписаны

ими, когда противъ нихъ обвиняемымъ или другими лицами не сдѣлано основательныхъ возраженій и когда въ нихъ внесено все то, что было усмотрѣно, безъ прибавки лишняго. Далѣе законъ опредѣляетъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда судъ по собственному усмотрѣнію, по замѣчанію сторонъ или присяжныхъ, признаетъ протоколъ осмотра неимѣющимъ законной достовѣрности или надлежащей полноты, а повѣрку осмотра возможною (ст. 689—690).

Нерѣдко для разъясненія свойства какой-нибудь вещи или какого-нибудь обстоятельства нужны особенныя знанія въ наукѣ, ремеслѣ или промыслѣ. Тогда призываются свѣдущіе люди, эксперты, напримѣръ: граверы, учителя чистописанія для сличенія почерка, изобличенія подлога, врачи для осмотра мертваго тѣла ранъ, знаковъ на тѣлѣ; они осматриваютъ вещь и потомъ

дают свои заключенія о томъ, что́ видѣли. Свѣдущихъ людей нужно отличать отъ свидѣтелей: свѣдущіе люди только высказываютъ свои мнѣнія о томъ, что имъ предъявлялось, какъ указываетъ ихъ наука, ремесло, промыселъ, знаніе, опытъ, а свидѣтели дают показанія о томъ, что видѣли и слышали, безъ своихъ мнѣній, заключеній. Въ судъ могутъ быть вызваны или тѣ самые свѣдущіе люди, которые производили осмотръ и освидѣтельствованіе при предварительномъ слѣдствіи или другіе, которые провѣряютъ заключеніе первыхъ и высказываютъ свои мнѣнія по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя указаны первыми и собраны судебнымъ слѣдствіемъ; или же назначается новое освидѣтельствованіе или испытаніе чрезъ избранныхъ судомъ или указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей, съ тѣмъ, чтобы

они производили свои дѣйствія въ засѣданіи суда, если это возможно, или по крайней мѣрѣ представили въ судебномъ слѣдствіи обстоятельный отчетъ объ оказавшемся при освидѣтельствованіи или испытаніи (ст. 690—692). Выборъ того или другого способа заключенія свѣдущихъ людей зависитъ отъ того, удовлетворительно или неудовлетворительно. достаточно, ясно, отчетливо, или недостаточно, неясно освидѣтельствованіе и заключеніе, сдѣланное при предварительномъ слѣдствіи; а также и оттого, можно ли повторить освидѣтельствованіе или испытаніе. Кромѣ сторонъ, присяжные засѣдатели могутъ потребовать новаго освидѣтельствованія, если признаютъ это нужнымъ для разъясненія дѣла. По подозрѣнію въ подлогѣ акта, непризнаннаго еще подложнымъ со стороны суда гражданскаго, судъ

уголовный производитъ изслѣдованіе по правиламъ, установленнымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Такимъ образомъ, по дѣламъ о подлогахъ судъ не имѣетъ права уклоняться отъ производства разслѣдованія подлога въ самомъ судебномъ засѣданіи (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 214).

Свѣдущіе люди присягаютъ подобно свидѣтелямъ. По изложеніи ихъ заключенія, имъ могутъ быть предложены вопросы, съ разрѣшенія предсѣдателя суда, какъ сторонами, такъ и присяжными засѣдателями (ст. 694—695). Присяжные засѣдатели должны особенно заботиться выяснить для себя вопросами свѣдущимъ людямъ, то, что кажется имъ непонятнымъ по незнанію науки, искусства, ремесла, промысла, чтобы потомъ не затрудниться въ объясненіи обстоятельствъ,

имѣющихъ вліяніе на рѣшеніе вины или невинности подсудимаго. Присяжные не должны стѣсняться вопросами свѣдущимъ людямъ, такъ какъ имъ никто не можетъ ставить въ упрекъ, что они незнакомы съ наукою, искусствомъ и промысломъ, почему и призваны свѣдущіе люди, а строить свои догадки о томъ, что говоритъ наука, искусство и ремесло, безъ выслушанія свѣдущихъ людей, было бы и смѣло и смѣшно.

§ 34. *Вещественныя доказательства*, могущія служить къ обнаруженію преступленія или къ обличенію или къ оправданію подсудимаго, должны быть внесены въ засѣданіе суда и положены предъ судьями, если не встрѣтиться къ тому препятствій въ объемѣ или качествѣ вещей. Вещественныя доказательства, по осмотрѣ ихъ судьями и присяжными засѣда-

телями, предъявляются подсудимому и потерпѣвшему отъ преступленія, если онъ находится на лицо (ст. 696—697). Вещественныя доказательства, какъ-то поличное, орудіе, которымъ совершено преступленіе, подложные документы, фальшивыя монеты, окровавленные или поврежденные предметы составляютъ такое важное доказательство, которое говоритъ само за себя, нерѣдко лучше свидѣтеля, и которое можетъ легко быть провѣрено самими присяжными засѣдателями, ихъ собственными глазами. Вотъ почему законъ трѣбуетъ непремѣннаго предъявленія ихъ присяжнымъ засѣдателямъ и притомъ не только одному старшинѣ, но каждому присяжному въ отдѣльности. Присяжные должны внимательно осматривать предъявляемую имъ вещь, чтобы каждый изъ нихъ могъ убѣдиться, служитъ ли она подтверж-

деніемъ того обстоятельства, въ удостовѣреніе котораго показывается имъ; напримѣръ, сломанъ ли замокъ, есть ли на платьи кровавыя пятна, заключается ли въ бумагѣ подлогъ. При этомъ кромѣ осмотра вещей, иногда нужно бываетъ выслушать заключеніе свѣдущихъ людей, такъ какъ нерѣдко сами присяжные не могутъ понимать, къ чему служитъ вещественное доказательство; такъ, напримѣръ отчего произошли пятна, есть ли въ бумагѣ подлогъ, имѣетъ ли почеркъ на бумагѣ подозрѣваемой сходство съ почеркомъ руки подсудимаго.

§ 35. Высланные при открытіи судебнаго засѣданія *свидѣтели* призываются въ присутствіе суда порознь (ст. 699). Свидѣтели даютъ показанія отдѣльно другъ отъ друга, чтобы каждый изъ нихъ говорилъ только то,

что онъ самъ знаетъ, а не повторялъ слышанное со словъ другого.

Каждому свидѣтелю, прежде допроса его по существу дѣла, предлагаются вопросы для опредѣленія его личности и отношеній къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ (ст. 702). Этимъ способомъ узнается, тотъ ли свидѣтель на лицо, который вызванъ по списку и не имѣетъ ли онъ родства, свойства, тяжбы съ подсудимымъ и потерпѣвшимъ и особыхъ качествъ, по которымъ они не допускаются къ присягѣ. Послѣ отвѣтовъ свидѣтелей на предварительные вопросы, предсѣдатель суда спрашиваетъ стороны: не имѣютъ ли онѣ какихъ-либо возраженій противъ допущенія свидѣтеля къ допросу (ст. 703), при этомъ прокуроръ и защитникъ указываютъ на причины отвода свидѣтелей отъ присяги.

Изъ свидѣтелей одни допрашиваются только тогда, когда они сами не отказываются отъ допроса,—согласны дать показаніе: такъ *мужъ* и жена подсудимаго лица, родственники его по прямой линіи восходящей и нисходящей (отецъ, мать, дѣдъ, бабка, сынъ, дочь, внукъ, внука), а также родные его братья и сестры могутъ устранить себя отъ свидѣтельства, а если не пожелаютъ воспользоватся этимъ правомъ, то допрашиваются безъ присяги (ст. 705). Эти лица по кровному родству такъ близки къ подсудимому, что законъ не хочетъ принуждать къ показанію, чтобы не вредить ихъ семейнымъ отношеніямъ; но если они сами согласны давать показанія, то, чтобы ради родства не вынудить говорить неправду подъ присягою и, такимъ образомъ, сдѣлаться лжесвидѣтелями, законъ не допускаетъ ихъ

къ присягѣ. Нѣкоторыхъ лицъ законъ вовсе освобождаетъ отъ свидѣтельства или не допускаетъ къ нему по особымъ отношеніямъ къ подсудимому или къ дѣлу о немъ, непозволяющимъ имъ показывать правду на судѣ, стѣсняющимъ ихъ совѣсть, а именно: священниковъ въ отношеніи къ признанію сдѣланному на исповѣди, защитниковъ подсудимыхъ въ отношеніи къ признанію, сдѣланному имъ довѣрителями во время производства о ихъ дѣла, прокурора, повѣреннаго частнаго обвинителя или гражданскаго истца. Другихъ лицъ законъ не допускаетъ быть свидѣтелями подъ присягою, значенія которой они не понимаютъ, дозволяя имъ свидѣтельствовать безъ присяги: таковы отлученные отъ церкви, малолѣтніе, не достигшіе 14-ти лѣтъ и слабоумные. Наконецъ, есть цѣлый разрядъ лицъ, которыхъ законъ,

по особымъ близкимъ отношеніямъ къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и къ самому дѣлу, а также вслѣдствіе лишенія по суду всѣхъ правъ или всѣхъ особенныхъ правъ, не допускаетъ къ свидѣтельству подъ присягою только по отводу отъ нея какою-либо изъ сторонъ то есть обвинителемъ или подсудимымъ или же однимъ подсудимымъ; если же стороны не отводятъ отъ присяги, то эти свидѣтели даютъ показанія подъ присягою. Священнослужители, монахи всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и лица принадлежащія къ исповѣданіямъ и вѣроученіямъ, непринимающимъ присяги, освобождаются отъ нея (ст. 704—709, 712).

По обясненіи причинъ къ отводу отъ присяги, судъ опредѣляетъ: кто изъ свидѣтелей освобождается отъ свидѣтельства, кто долженъ быть спро-

шепъ подъ присягою и кто безъ присяжатѣмъ свидѣтели, обязанные дать показаніе подъ присягою, приводятся къ ней установленнымъ порядкомъ: каждый присягаетъ по правиламъ и обрядамъ своей вѣры. По исполненіи обряда присяги, предсѣдатель суда напоминаетъ всѣмъ свидѣтелямъ вмѣстѣ или каждому порознь объ отвѣтственности за лживыя показанія то есть о наказаніи, которымъ угрожаетъ законъ за ложь въ показаніи, данномъ предъ судомъ, а допрашиваемымъ безъ присяги лицамъ свѣтскаго званія предсѣдатель дѣлаетъ увѣщаніе, чтобы они, отрѣшась отъ всякаго вліянія на нихъ вражды или страха, говорили сущую правду и только одну правду, не увеличивая и не уменьшая извѣстныхъ имъ обстоятельствъ, а показывая все такъ, какъ что̀ случилось (ст. 711, 713—717).

Прежде всего допрашиваются лица, потерпѣвшія отъ преступленія, надъ которыми оно совершено и которымъ, причинило вредъ, затѣмъ свидѣтели, указанные обвинителемъ и наконецъ тѣ, на которыхъ сослался подсудимый. Но этотъ порядокъ можетъ быть измѣненъ предсѣдателемъ суда, по встрѣтившимся въ исполненіи его препятствіямъ или по другимъ особымъ уваженіямъ (700—701). Для удобопонятнаго разъясненія дѣла, допросъ свидѣтелей слѣдуетъ производить по порядку обстоятельствъ дѣла и доказательствъ, такъ чтобы сначала спрашивались свидѣтели, показывающіе, какъ совершено было преступленіе, затѣмъ свидѣтели, подтверждающіе виновность и невиновность подсудимаго и притомъ если одно доказательство выставляется многими свидѣтелями, то чтобы всѣ они спрошены были другъ за другомъ,

чтобы свидѣтели, указывающіе на виновность или невинность одного подсудимаго спрашивались порознь отъ свидѣтелей, относящихся къ другому подсудимому.

Допросъ начинается предложеніемъ свидѣтелю разсказать все, что ему извѣстно по дѣлу, не примѣшивая обстоятельствъ посторонних и не повторяя слуховъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ (ст. 718); чтобы показаніе свидѣтеля было разсказомъ одной правды безъ утайки ему извѣстнаго, нужно дать ему такое положеніе, которое нисколько и ни въ чемъ его не стѣсняло бы; поэтому свидѣтелю не должно быть дѣлаемо никакого принужденія, никакого устрашенія крикомъ или угрозами, безъ упрековъ въ его недостаткахъ и насмѣшки надъ тѣмъ, какъ онъ говоритъ; робкіе, стѣсняющіеся присутствіемъ лицъ пос-

сторонних должны быть ободряемы, успокоиваемы. Прежде всего нужно предоставить свидѣтелю разсказать все, что ему извѣстно, не прерывая его разсказа и не останавливая на немъ безъ крайней необходимости. Наши свидѣтели имѣютъ обыкновеніе начинать свой разсказъ съ далека; хотя отдаленныя обстоятельства иногда вовсе не относятся къ дѣлу, но останавливать на нихъ неудобно, такъ какъ свидѣтель можетъ смутиться, запутаться, и разсказъ его не выйдетъ полною картиною всего виднаго имъ. Вотъ почему законъ предоставляетъ дѣлать свидѣтелю вопросы уже по изложеніи имъ своего показанія: вопросы эти предсѣдатель суда предоставляетъ дѣлать сторонамъ (ст. 719). Стороны всего скорѣе могутъ разъяснить дѣло своими вопросами и отвѣтами на нихъ свидѣтеля, такъ какъ

каждая сторона воспользуется всѣмъ, чтобы добыть отъ свидѣтеля тѣ свѣдѣнія, какія ей нужны. Поэтому законъ предоставляетъ предсѣдателю суда и присяжнымъ засѣдателямъ предлагать свидѣтелю вопросы, уже послѣ распроса его сторонами, когда отвѣтами на ихъ вопросы предметъ показанія невполнѣ объяснепъ (ст. 724).

Вопросы свидѣтелю предлагаются сначала тою стороною, по ссылкѣ которой онъ призванъ, а потомъ противною сторопою (ст. 720). Каждая сторона имѣетъ право предложить свидѣтелю вопросы не только о томъ, что́ онъ видѣлъ или слышалъ, но также и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя доказываютъ, что онъ не могъ показаннаго ни видѣть, ни слышать или по крайней мѣрѣ не могъ видѣть или слышать такъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ. Каждая сторона можетъ

предложить свидѣтелю вторичные вопросы, въ разъясненіе отвѣтовъ, данныхъ на вопросы противной стороны. Каждый свидѣтель можетъ быть передопрошенъ въ присутствіи другихъ свидѣтелей или поставленъ съ ними на очную ставку. Каждому свидѣтелю предъявляются вещественныя и письменныя доказательства, относящіяся къ предмету его показанія (ст. 721, 723 — 726). Вопросы свидѣтелю объ одномъ и томъ предметѣ не должны быть повторяемы, такъ какъ они только утомляютъ свидѣтеля и растягиваютъ допросъ. Нужно стараться, чтобы свидѣтель самъ выяснилъ дѣло, самъ своими словами отвѣчалъ на вопросъ, а не подтверждалъ только то, о чемъ его спрашиваютъ: свидѣтели нерѣдко подтверждаютъ спрашиваемое, одни по легкомыслію и желанію скорѣе отдѣлаться, другіе изъ опасенія и затруд-

нeнія, по предположенію, что вопрошающій хорошо знаетъ, что̀ и какъ было, иначе не могъ бы предложить столь точнаго вопроса; если свидѣтель совсѣмъ забылъ какое-либо мелочное обстоятельство, то во избѣжаніе труда рыться въ своей памяти, безсознательно утверждаетъ то, что говорятъ ему въ вопросѣ, хотя бы онъ этого и не зналъ. Вотъ почему слѣдуетъ избѣгать вопросовъ, подсказывающихъ отвѣтъ, поддакивающихъ ему. Лучше напомнить свидѣтелю какое-нибудь выпущенное въ его разсказѣ обстоятельство и потомъ уже спросить его: что онъ знаетъ по этому предмету? Свидѣтели не должны быть спрашиваемы о томъ, что они думаютъ; они показываютъ только то, что́ видѣли и слышали, а не то, что̀ имъ кажется.

Присяжные засѣдатели, имѣя пра-

во предлагать отъ себя, чрезъ предсѣдателя суда, вопросы свидѣтелямъ, могутъ и должны воспользоваться этимъ правомъ, когда предметъ показаній невполнѣ объяснепъ, въ особенности, когда у подсудимаго нѣтъ защитника, который могъ бы предложить вопросы, которыми поколебалась бы вѣроятность свидѣтельскаго показанія, обнаружилась бы его ложь или преувеличеніе, когда нужно допросить свидѣтеля о нѣкоторыхъ подробностяхъ, ради истины и указанія, въ чемъ можно вѣрить свидѣтелю, откуда онъ вывѣдалъ разсказываемое, когда мнѣніе свѣдущихъ людей, не имѣетъ надлежащей опредѣленности, такъ что это мнѣніе слѣдуетъ дополнить свидѣтельскими показаніями.

Вообще имѣя въ виду, что судебнымъ слѣдствіемъ раскрывается истина со всѣми ея подробностями, со всѣми

обстоятельствами говорящими противъ и въ пользу обвиняемаго, что на этомъ слѣдствіи присяжные должны основывать свой приговоръ, не увлекаясь никакими посторонними соображеніями, что это слѣдствіе производится для нихъ и что по прекращеніи его, за отпускомъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей изъ суда, повѣрка доказательствъ будетъ невозможною, присяжные засѣдатели должны не только внимательно слѣдить за тѣмъ, что происходитъ, говорится и читается на этомъ слѣдствіи, но и сами обязаны употребить въ дѣло указанныя въ немъ средства къ уясненію всего для нихъ непонятнаго, не полагаясь ни на прокурора, ни на подсудимаго и его защитника: ни тотъ, ни другой, ни судъ, а сами присяжные должны будутъ рѣшить вину или невинность подсудимаго и за невѣрность своего приговора отвѣ-

тятъ предъ своею совѣстью. Имъ нужно помнить, что прокуроръ или частный обвинитель будетъ приводить въ своей обвинительной рѣчи доказательства виновности, провѣрить которыя въ своей совѣсти долгъ присяжныхъ, непозволяющій имъ вѣрить однимъ словамъ, какъ бы онѣ не были краснорѣчивы. Поэтому имъ не слѣдуетъ торопиться окончаніемъ слѣдствія имѣютъ право и обязаны дополнить его новымъ осмотромъ вещественныхъ доказательствъ, распросомъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, даже вторичнымъ чтеніемъ прочитанныхъ уже документовъ, если кто-нибудь изъ присяжныхъ встрѣчаетъ въ чемъ-либо сомнѣніе или недоразумѣніе. Всякое сомнѣніе присяжный засѣдатель постарается устранить посредствомъ судебнаго слѣдствія, повѣрки доказательствъ, не составляя себѣ убѣжденія съ чужаго голоса;

оно должно быть подсказано совѣстью самого присяжнаго, а не кѣмъ-либо другимъ. Но пользуясь способами судебнаго слѣдствія, присяжные были-бы пристрастны, если бы стали клонить допросъ свидѣтелей въ одну сторону: пусть обвинитель и защитникъ сами хлопочутъ добыть отъ свидѣтеля то, что имъ нужно доказать; присяжные дополняютъ только допросъ свидѣтеля, повѣряютъ доказательство для себя. Поэтому было бы совершенно неумѣстно, если бы присяжный засѣдатель исключительно самъ занялся допросомъ по всѣмъ обстоятельствамъ или вступилъ съ нимъ въ споръ. И здѣсь нужно соблюдать спокойствіе, одно стремленіе выяснить только то, чего самъ присяжный засѣдатель не понимаетъ, не заботясь раскрывать дѣло для сторонъ и суда.

§ 36. *По разсмотрѣніи и повѣркѣ*

въ судебномъ засѣданіи всѣхъ собранныхъ по дѣлу доказательствъ, ни одна изъ сторонъ не имѣетъ права приводить новыхъ доказательствъ, но если признаетъ необходимымъ представить къ дѣлу доказательство вновь открывшееся, то объявляетъ о томъ предварительно суду. По новому доказательству, представленному которою либо стороною, судъ обязанъ дать противной сторонѣ возможность приготовиться къ состязанію. Въ этомъ случаѣ отъ суда зависитъ отложить окончаніе судебнаго слѣдствія (ст. 733—734). Эти предписанія закона имѣютъ весьма важное значеніе. Изъ нихъ нельзя не видѣть, что каждая сторона, а особенно обвинитель должепъ явиться въ судъ съ готовыми доказательствами, которыми она старается убѣдить присяжныхъ засѣдателей: эти доказательства собираются предварительнымъ

слѣдствіемъ, изъ нихъ доказательства обвиненія выставляются въ обвинительномъ актѣ, который служитъ только указателемъ, какія доказательства обвинитель намѣренъ провѣрять на судебномъ слѣдствіи, чтобы разсмотрѣніемъ ихъ убѣдить присяжныхъ въ дѣйствительности этихъ доказательствъ и основательности своихъ доводовъ въ обвинительной рѣчи. Подсудимый и защитникъ собираютъ на судебномъ слѣдствіи данныя, опровергающія доказательства обвиненія и если имѣютъ, выставляютъ на судъ, до начала судебнаго засѣданія, свидѣтелей и другія доказательства, подрывающія силу доказательствъ обвиненія или прямо защищающія подсудимаго отъ обвиненія. Словомъ, каждая изъ сторонъ дѣйствуетъ на убѣжденіе присяжныхъ засѣдателей доказательствами, заранѣе приготовленными и объявленными

противной сторонѣ заблаговременно, чтобы она могла отразить ихъ тѣми способами, какія имѣетъ и заготовила, чтобы права и споръ сторонъ о доказательствахъ были равны, чтобы нападеніе явилось не изъ-за угла и не сдѣлало противную сторону беззащитною. Таковы свойства состязательнаго порядка, составляющаго корень, основу новаго суда: онъ не вѣритъ тому, что состряпано одною стороною въ тайнѣ, безъ вѣдома другой. Вотъ почему законъ не позволяетъ ни прокурору, ни защитнику предъявлять прямо присяжнымъ новыя доказательства, а долженъ предварительно объявить о нихъ суду. Новыми доказательствами считаются такія, которыя не были извѣстны противной сторонѣ до судебнаго засѣданія, которыя застигаютъ въ расплохъ Сюда принадлежатъ не только новые свидѣтели или письменныя доказатель-

ства, но и новыя обстоятельства дѣла, заявляемыя экспертами или свѣдущими людьми. Особенно опасно для правосудія предъявленіе новыхъ доказательствъ со стороны обвинителя, такъ какъ права его при предварительномъ слѣдствіи, когда собираются доказательства, гораздо больше, чѣмъ подсудимаго, такъ какъ подсудимый можетъ погибнуть отъ новаго доказательства, ловко отъ него скрытаго, погибнуть только потому, что онъ не зналъ о новомъ доказательствѣ и поставленъ въ невозможность защищаться противъ нихъ, а не потому, что не имѣетъ, доказательствъ опровергающихъ новое обвиненіе. Поэтому-то новое доказательство должно быть не только провѣрено, но противной сторонѣ судъ обязанъ дать время приготовиться къ состязанію, обдумать его и даже отложить засѣданіе, когда окажется

нужнымъ, для суда или противной стороны, собраніе свѣдѣній по новому доказательству.

ГЛАВА 11.

Заключительныя пренія по судебному слѣдствію.

Обвинительная рѣчь, объясненія гражданскаго истца, защитительная рѣчь, послѣднее слово подсудимаго.

§ 37. По объявленіи судебнаго слѣдствія прекращеннымъ, наступаютъ заключительныя пренія *по существу разсмотрѣнныхъ и повѣренныхъ доказательствъ* (уст. угол. суд. ст. 735). Изъ самаго оглавленія той части судопроизводства, которая называется заключительными преніями, видно, что основаніемъ ихъ должно служить одно судебное слѣдствіе или какъ выражается законъ точнѣе, эти пренія

должны развиваться по существу разсмотрѣнныхъ и повѣренныхъ доказательствъ. Такимъ образомъ, заключительныя пренія должны брать свое содержаніе изъ слѣдствія и касаться только тѣхъ доказательствъ, которыя разсмотрѣны и повѣрены предъ присяжными засѣдателями. Если бы прокуроръ, гражданскій истецъ, защитникъ, подсудимый стали говорить о томъ, что было на предварительномъ слѣдствіи, а не на судѣ или стали ссылаться на свѣдѣнія, о которыхъ не было рѣчи на судебномъ слѣдствіи, то присяжные могли бы сказать: этого мы не слышали, не повѣряли намъ, и мы не можемъ знать, правду ли вы говорите или нѣтъ.

Заключительныя пренія состоятъ: 1, изъ обвинительной рѣчи прокурора или частнаго обвинителя; 2, изъ объясненій гражданскаго истца и 3, изъ

защитительной рѣчи защитника или изъ объясненій самаго подсудимаго. Разсмотримъ каждую изъ этихъ рѣчей въ отдѣльности.

§ 38. Прокуроръ (или его товарищъ) въ обвинительной рѣчи излагаетъ: существенныя обстоятельства обвиненія въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются по судебному слѣдствію и заключеніе о свойствѣ и степени вины подсудимаго. Прокуроръ не долженъ ни представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значенія имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ, или важности разсматриваемаго преступленія. Если прокуроръ находитъ оправданія подсудимаго уважительными, то обязанъ, не поддерживая обвинительнаго акта, опровергнутаго судебнымъ слѣдствіемъ,

заявить о томъ суду по совѣсти (ст. 737, 739, 740). Вотъ какими правилами законъ очертилъ обвинительную рѣчь: онъ не вынуждаетъ ею обвинять подсудимаго во что бы то ни стало; напротивъ, законъ обязываетъ отказаться отъ обвиненія, если обвинительный актъ опровергается судебнымъ слѣдствіемъ то есть если доказательства обвиненія не подтвердились въ судѣ. Законъ требуетъ отъ прокурора добросовѣстнаго обвиненія, не прибѣгая къ односторонпему изложенію только обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго и не преувеличивая значенія преступленія, доказательствъ и уликъ. Законъ не совѣтуетъ ему бить на красное слово; напротивъ, указываетъ для его рѣчи скромное содержаніе: изложеніе только существенныхъ обстоятельствъ дѣла и въ томъ видѣ, какъ изложены опѣ въ судеб-

номъ слѣдствіи и заключеніе о свойствѣ и степени вины подсудимаго. Тѣмъ не менѣе прокуроръ сторона въ дѣлѣ, обвинитель, излагающій только доказательства обвиненія, не говорящій доказательствъ опроверженія и защиты и притомъ сторона сильнѣйшая; такъ какъ онъ не ограниченъ надзоромъ предсѣдателя суда по существу дѣла, предсѣдатель не можетъ запретить ему преувеличеніе обвиненія (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 254); такъ какъ прокуроръ наблюдаетъ надъ предварительнымъ слѣдствіемъ, составляетъ обвинительный актъ, который и поддерживаетъ въ обвинительной рѣчи, заранѣе составлять уже извѣстное мнѣніе по дѣлу, отъ котораго трудно отказаться; при такомъ положеніи ему свойственно увлекаться, придавать преступленію, доказательствамъ и уликамъ болѣе силы и важности, чѣмъ

опѣ имѣютъ на самомъ дѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ и сенатъ призналъ, что прокуроръ нарушаетъ свой долгъ, если онъ приводитъ въ своей рѣчи обстоятельства предварительнаго слѣдствія и доказательства, непровѣренныя судебнымъ слѣдствіемъ, такъ какъ о нихъ не могутъ судить присяжные засѣдатели (угол. кас. рѣш. 1868 г. №№ 254 и 520).

Но весьма желательно, чтобы прекрасныя слова закона о границахъ прокурорскаго обвиненія не оставались одними словами, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ подсудимый—сторона слабѣйшая—еще болѣе ослабляется или неимѣніемъ вовсе защитника или слабою защитою. Эти слова отчасти взяты изъ законовъ и обычаевъ отечества суда присяжныхъ—Англіи: тамъ обвинитель ведетъ себя въ высшей степени сдержанно, говоритъ кратко, просто,

не старается расположить присяжныхъ въ пользу обвиненія, не вводитъ ихъ въ заблужденіе, не обращается къ нимъ съ какими-либо увѣщаніями, не указываетъ на слѣдствія, которыя можетъ повлечь за собою оправданіе подсудимаго, но долженъ ограничиться спокойнымъ изложеніемъ доказательствъ и объяснить присяжнымъ, почему доказательства, представляемыя имъ, должны считаться удовлетворительными; онъ знаетъ, что присяжные повѣрятъ только тому, что́ доказано, что страстное увлеченіе обвинителя они сочтутъ за желаніе пополнить недостатокъ доказательствъ разными преувеличеніями (Уголовн. суд. въ Англіи Шотландіи и Америкѣ Мittермайера, издан. Унковскаго стр. 257, 324—325).

По дѣламъ, которыя могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ,

частный обвинитель представляетъ, если признаетъ нужнымъ, такія объясненія, какія возлагаются закономъ на прокурора (ст. 741). Но въ этихъ дѣлахъ прокуроръ не имѣетъ права давать никакихъ своихъ заключеній (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 88).

Гражданскій истецъ въ своей рѣчи можетъ объяснять и доказывать всѣ тѣ дѣйствія и обстоятельства, отъ признанія и опредѣленія которыхъ зависятъ его требованія (ст. 742) то есть представляетъ присяжнымъ только тѣ объясненія, которыя имѣютъ предметомъ представленіе доказательствъ, что событіе преступленія, причинившее вредъ и убытки лицу потерпѣвшему, дѣйствительно совершилось и что оно было дѣяніемъ подсудимаго (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 64).

§ 39. Защитникъ подсудимаго объ-

ясняетъ въ своей защитительной рѣчи всѣ тѣ обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется выведенное противъ подсудимаго обвиненіе. Защитникъ не долженъ ни распространяться о предметахъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, ни позволять себѣ нарушать должное уваженіе къ религіи, закону и установленнымъ властямъ, ни употреблять выраженія, оскорбительныя для чьей бы то ни было личности. Защитникъ подсудимаго долженъ ограничиться примѣненіемъ къ дѣлу только тѣхъ законовъ, коимъ опредѣляется свойство разсматриваемаго преступленія или по которымъ подсудимый, въ случаѣ осужденія, можетъ быть признанъ заслуживающимъ снисхожденія. Сами подсудимые обязаны соблюдать въ своей защитѣ правила, какія по-

становлены для ихъ защитниковъ (ст. 744—747).

Подсудимый безъ защитника то же, что слѣпой безъ проводника, что дворъ безъ ограды. Подсудимые, за весьма немногими исключеніями, особенно у насъ, не имѣютъ свѣдѣній ни о законахъ, которыми опредѣляются признаки постановленныхъ имъ въ обвиненіе преступленій и степень участія вины въ нихъ, ни о законахъ, которыми уставъ уголовнаго судопроизводства ограждаетъ ихъ права на судѣ, чтобы не подпалъ подъ обвиненіе невинный и чтобы виновный не былъ обвиненъ свыше вины его; для нихъ нуженъ человѣкъ свѣдущій въ законахъ, который за нихъ выяснилъ бы права ихъ, охранилъ и отстоялъ бы ихъ. Подсудимый далеко не находится въ томъ положеніи, чтобы защищать самаго себя: удрученный го-

ремъ, угнетаемый тягостью обвиненія, испуганный ожиданіемъ рѣшенія его участи, онъ поддается исключительно одной мысли о томъ, что станется съ нимъ и близкими ему, постоянно находится въ такомъ тревожномъ состояніи, что, хотя бы былъ вполнѣ невиненъ, не можетъ владѣть собою, быть въ спокойномъ настроеніи духа, обдумать, взвѣсить свое положеніе и говорить такъ, какъ могъ бы сказать, безъ гнета той ноши, которая у него за плечами, въ обыкновенномъ положеніи; онъ теряетъ голову, путается. Еще болѣе жалко положеніе того подсудимаго, который содержится въ тюрьмѣ: заключеніе и неестественное положеніе тюремнаго узника всегда лишаютъ его въ большей или меньшей долѣ самообладанія, свободы мысли, спокойствія души. Недаромъ русскій народъ считаетъ всѣхъ заклю-

чиныхъ подъ стражею несчастными. При такомъ положеніи защита самого подсудимаго, безъ помощи защитника, невозможна, почти всегда это не защита, а наборъ словъ, безъ соображенія произносимыхъ, безсвязная путаница, обрывки оправданія. Очевидно, что тутъ уже нѣтъ равенства сторонъ обвиненія и защиты, требуемаго закономъ, что послѣдняя не можетъ справляться съ тѣми орудіями нападенія, которыми вооруженъ обвинитель. Вотъ почему законъ предписываетъ предсѣдателю суда дать подсудимому защитника, если есть возможность. Иногда защитникъ бываетъ поставленъ въ затруднительное положеніе, какъ врачъ у постели умирающаго. Но это нисколько не говоритъ о безполезности защиты даже въ этомъ случаѣ: если врачъ не оставляетъ до послѣднихъ минутъ умирающаго, въ

надеждѣ облегчить его страданія, такъ и защитникъ можетъ оказать свою помощь безнадежному подсудимому, охраненіемъ его правъ, разъясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя облегчаютъ его вину. Вотъ почему защитникъ подсудимаго во всѣхъ образованныхъ странахъ пользуется сочувствіемъ, уваженіемъ и вниманіемъ, равнымъ съ обвинителемъ и никакъ не смѣшивается съ подсудимымъ; тамъ защитою дорожатъ, какъ оградою законныхъ правъ подсудимаго, какъ охраною правды на судѣ. Въ Англіи предсѣдатель суда считаетъ своею обязанностью наблюдать, чтобы защитѣ была предоставлена наибольшая свобода, поэтому весьма рѣдко случается, чтобы судья прервалъ или ограничилъ рѣчь защитника; когда у подсудимаго нѣтъ защитника, то судья заботится, чтобы самъ подсудимый воспользовался всѣми

способами защиты и не упустилъ бы ихъ по незнанію принадлежащихъ ему преимуществъ, чтобы обвинителемъ не представлялись недозволенныя закономъ доказательства, допущеніе которыхъ могло бы вредно подѣйствовать на присяжныхъ, чтобы присяжнымъ со стороны судьи было дано надлежащее наставленіе относительно опредѣленія силы доказательствъ въ интересахъ обвиняемаго (угол. судоп. Миттермайера ст. 254). Правда, что защитникъ представляетъ лицо подсудимаго, занимаетъ мѣсто въ залѣ суда возлѣ него, говоритъ за него какъ бы его устами; но чрезъ это онъ не ставится на одну доску съ подсудимымъ и защита сама по себѣ не можетъ класть на защитника никакой темной тѣни, какъ бы ни была велика вина подсудимаго: защитникъ выполняетъ самый священный долгъ

правдиваго суда, оказывал защитою участіе къ безпомощному и безсильному. Упасъ тѣмъ болѣе необходимо вниманіе къ защитѣ, что обвиняемый не пользуется ею при предварительномъ слѣдствіи, что искусный допросъ свидѣтелей на судѣ защитникомъ можетъ измѣнить въ корнѣ обвиненіе, обнаружить невинность подсудимаго или по крайней ослабить его вину.

Законъ намѣтилъ тѣ предѣлы, въ которыхъ должна держаться защита. Въ силу закона и по самому положенію обвиненія защитникъ не обязанъ добывать доказательства невинности подсудимаго: онъ объясняетъ, по словамъ закона, обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется обвиненіе; эти обстоятельства и доводы могутъ относиться къ опроверженію или ослабленію доказательствъ, какъ относительно самаго пре-

ступнаго дѣянія, такъ и относительно вины. Болѣе этого требовать отъ защиты нельзя, такъ какъ обвинитель обязанъ доставить доказательства обвиненія, а не подсудимый доказательства своей правоты. Но бываютъ случаи, когда защита приводитъ прямыя доказательства невинности, напримѣръ: непреступность дѣйствія, въ которомъ обвиняется подсудимый, невозможность съ его стороны совершить означенное въ обвинительномъ актѣ преступленіе, отсутствіе его въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе. Въ какихъ объемахъ должна быть защитительная рѣчь законъ не опредѣлилъ, да и опредѣлить не могъ, такъ какъ она зависитъ отъ содержанія дѣла, отъ доказательствъ, приводимыхъ прокуроромъ и еще болѣе отъ содержанія обвинительной рѣчи, такъ какъ защитникъ возражаетъ на нее. Законъ

не запрещаетъ защитнику оцѣнивать свойства обвинительной рѣчи, указывать на неправильность дѣйствій и объясненій прокурорскаго надзора и вообще должностныхъ лицъ, участвовавшихъ въ производствѣ дѣла (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 577): щекотливое самолюбіе и придирчивость къ словамъ во взаимныхъ преніяхъ были бы совершенно неумѣстны. Но весьма желательно чтобы споръ какъ со стороны обвинителя, такъ и со стороны защитника, былъ обращенъ на обстоятельства дѣла и доводы, а не на лица: въ дѣлѣ личныя отношенія должны быть забыты, взаимное уваженіе другъ къ другу и къ суду обязательно для обѣихъ сторонъ. Судебнымъ преніямъ свойственна серьезность, а не игра въ слова, такъ какъ судебное засѣданіе— не есть театральное представленіе: въ немъ рѣшается судьба подсудимаго.

Защитникъ возражаетъ не только прокурору, но и гражданскому истцу.

При недостаткѣ защитника, предсѣдатель суда, въ силу 612 ст. устава угол. суд., долженъ предоставить подсудимому всевозможныя средства, какъ къ оправданію, такъ и огражденію его правъ на судѣ.

По изложеніи защиты подсудимымъ или его защитникомъ, какъ прокуроръ или частный обвинитель, такъ и гражданскій истецъ могутъ представить свои возраженія, но во всякомъ случаѣ право послѣдняго слова принадлежитъ подсудимому или его защитнику. Послѣ окончательныхъ объясненій защитника, предсѣдатель суда спрашиваетъ самаго подсудимаго, не можетъ ли онъ представить еще что-либо въ своеоправданіе и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, объявляетъ пренія сторонъ прекращенными (ст. 748—749). Изъ этихъ

предписаній закона видно, какъ онъ старается облегчить защиту подсудимаго и обезпечить права его: онъ даетъ подсудимому послѣднее слово во всякомъ случаѣ и даже послѣ объясненій защитника, требуетъ, чтобы предсѣдатель суда обратился къ самому подсудимому съ вопросомъ, не можетъ ли онъ отъ себя еще что-нибудь сказать въ свое оправданіе. Конечно, эта забота закона объ участи подсудимаго тогда только принесетъ пользу, если она будетъ приводиться въ исполненіе на самомъ дѣлѣ.

ГЛАВА 12.

Постановленіе вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ засѣдателей.

Общія понятія о постановкѣ вопросовъ; основанія постановки ихъ; правила о содержаніи, составленіи, чтеніи и утвержденіи вопросовъ.

§ 40. Присяжные засѣдатели свое рѣшеніе составляютъ посредствомъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, какія будутъ даны имъ судомъ. Въ постановленіи вопросовъ присяжные не принимаютъ никакого участія, это дѣло самаго суда, который не участвуетъ въ отвѣтахъ на вопросы. Но это раздѣленіе суда и присяжныхъ только внѣшнее, по формѣ; въ сущности судъ и присяжные тѣсно связаны между собою въ рѣшеніи дѣла. Очевидно отвѣты присяжныхъ зависятъ отъ вопросовъ суда: о чемъ кого спрашиваютъ, на то онъ и отвѣчаетъ, по пословицѣ, какъ аукнется, такъ и откликнется. Напрасно стараются разъединить дѣло суда и присяжныхъ, удѣляя присяжнымъ фактъ, то есть событіе, обстоятельства преступленія и оцѣнку уликъ вины подсудимаго, а суду — юриди-

ческую сторону дѣла то есть постановленія закона о признакахъ преступленія, преступности дѣлнія и наказаніи за него. Раздѣлить эти двѣ части дѣла пельзя, какъ пельзя отдѣлить въ живомъ человѣкѣ туловище отъ головы. Нельзя сказать, что присяжные не должны входить въ постановленія закона, такъ какъ безъ этого они не могутъ правильно рѣшить, виновенъ ли подсудимый или нѣтъ, и если виновенъ, то въ чемъ именно и въ какой степени. Впослѣдствіи, при разъясненіи правъ и обязанностей присяжныхъ засѣдателей по постановленію приговора, выяснимъ невозможность отдѣленія обстоятельствъ дѣла отъ закона. Такимъ образомъ судъ при постановкѣ вопросовъ для присяжныхъ участвуетъ въ постановленіи приговора ихъ, связывается съ ихъ

дѣломъ и потому, обсуживая, какіе постановить вопросы, долженъ войти въ положеніе присяжныхъ, долженъ сообразить, какъ могутъ понять эти вопросы присяжные и отвѣтить на нихъ; долженъ разсмотрѣть, будутъ ли вопросы и отвѣты присяжныхъ соотвѣтствовать тѣмъ законнымъ постановленіямъ, которыя опредѣляютъ признаки преступленія, степени вины и наказаніе, имъ соотвѣтствующее и все это сообразить съ обстоятельствами дѣла, раскрытыми судебнымъ слѣдствіемъ и разъясненными преніями сторонъ. Потому именно, что при постановкѣ вопросовъ нужно сличать обстоятельства дѣла съ законами, она предоставлена суду.

Судъ приступаетъ къ постановленію вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ, не прежде какъ по окончаніи судебнаго слѣдствія и

заключительныхъ преній (уст. угол. суд. ст. 750), такъ какъ и слѣдствіе и пренія должны быть приняты судомъ во вниманіе.

§ 41. Вопросы, предлагаемые присяжнымъ на разрѣшеніе по существу дѣла должны быть основаны не только на выводахъ обвинительнаго акта, но также на судебномъ слѣдствіи и заключительныхъ преніяхъ, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы (уст. угол. суд. ст. 750). По изложенному закону, судъ, постановляя вопросы присяжнымъ, долженъ обратить вниманіе прежде всего на выводы обвинительнаго акта, въ которыхъ указывается въ какомъ именно преступленіи обвиняется и преданъ суду подсудимый то есть означаются обстоятельства, выведенныя изъ предварительнаго слѣдствія и опредѣляющія признаки того престу-

пленія, за которое, по мнѣнію обвинительной власти, подсудимый предать суду, причемъ выставляется и та статья закона, которой соотвѣтствуютъ признаки дѣянія вмѣняемаго въ вину подсудимому. Если обстоятельства содержащіяся въ выводахъ обвинительнаго акта, подтвердились судебнымъ слѣдствіемъ и если эти обстоятельства вѣрно подведены подъ законъ, то суду остается только поставить вопросъ согласный съ выводами обвинительнаго акта. Обстоятельства дѣла могутъ подтвердиться судебнымъ слѣдствіемъ, но при этомъ изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ можетъ оказаться, что указанныя въ обвинительномъ актѣ дѣянія не подходятъ подъ выставленный въ немъ законъ, или потому, что эти дѣянія вовсе не предусмотрѣны закономъ, не преступны или же предусмотрѣны закономъ

но не тою статьею его, на которую ссылается обвинительный актъ то есть составляютъ не то преступленіе, которое означено въ немъ, а другое. Толкуя по этому случаю изложенный законъ о постановкѣ вопросовъ, сенатъ признаетъ, что при постановкѣ вопросовъ указанія обвинительнаго акта не обязательны для суда, рѣшающаго дѣло по существу, который при семъ принимаетъ за основаніе не только выводы обвинительнаго акта, но и судебное слѣдствіе, а потому и не обязанъ безусловно придерживаться того опредѣленія свойства преступленія, которое сдѣлано судебною палатою то есть повторять ошибки въ выводахъ обвинительнаго акта, что въ вопросѣ о виновности подсудимаго въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, должны быть упомянуты всѣ тѣ дѣянія, которыя составляютъ приз-

паки преступленія, и изъ совокупности которыхъ слагается законное понятіе о преступленіи, по само собою разумѣется, что соблюденіе этого правила возможно только тогда, когда составъ преступленія установленъ обвинительнымъ актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ; но если по обвинительному акту для полнаго понятія о преступленіи не достаетъ извѣстныхъ признаковъ его и когда дѣянія, соотвѣтствующія этимъ недостающимъ признакамъ не обнаружены и на судебномъ слѣдствіи, то судъ не обязанъ дополнять вопросъ о виновности такими признаками, чтобы въ случаѣ утвердительнаго отвѣта присяжныхъ засѣдателей была возможность примѣнить указанныя въ обвинительномъ актѣ статьи уголовнаго закона (угол. кас. рѣш. 1869 г. № 321, 577, 826). Изъ этихъ и другихъ рѣшеній сената видно, что судъ обя-

запъ постановить вопросъ по выводамъ обвинительнаго акта, но не обязанъ напрамлять эти выводы къ признакамъ преступленія содержащагося въ статьѣ закона, выставленной въ обвинительномъ актѣ, если въ судебномъ слѣдствіи нѣтъ доказанныхъ обстоятельствъ, которыми выяснялись бы всѣ признаки, указанныя тою статьею. Судъ обязанъ поставить вопросъ по выводамъ обвинительнаго акта и въ томъ случаѣ, если обстоятельства, указывающія на виновность подсудимаго вовсе не подтвердились судебнымъ слѣдствіемъ и если даже прокоруръ отказался отъ обвиненія. Конечно, на такой вопросъ отъ присяжныхъ засѣдателей слѣдуетъ ожидать отрицательнаго отвѣта; тѣмъ не менѣе имъ долженъ быть предложенъ вопросъ, такъ какъ законъ ни въ какомъ случаѣ не освобождаетъ ихъ отъ разрѣшенія вопроса о винѣ

или невинности подсудимаго. Но какъ выше было сказано, судъ не обязанъ подчиняться исключительно выводамъ обвинительнаго акта: если судъ усмотритъ изъ судебнаго слѣдствія, что подсудимый обвиняется въ другомъ преступленіи, а не въ томъ, которое указано въ выводахъ обвинительнаго акта, то, поставивъ вопросъ по этимъ выводамъ, судъ можетъ поставить другой вопросъ, соотвѣтствующій обстоятельствамъ судебнаго слѣдствія. Изъ этого правила законъ сдѣлалъ слѣдующее исключеніе.

О преступномъ дѣяніи, непредусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи, вопросы не предлагаются, если оно по закону подвергаетъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ дѣяніе, въ томъ актѣ опредѣленное. Въ этомъ случаѣ дѣло обращается вновь къ пред-

варительному слѣдствію, если это окажется нужнымъ и къ составленію обвинительнаго акта по всѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ обвиняемаго (ст. 752—753). Этотъ законъ установленъ съ тою цѣлью, чтобы болѣе тяжкимъ обвиненіемъ не захватить подсудимаго въ расплохъ, а дать ему всѣ средства къ оправданію, которыхъ онъ можетъ лишиться, когда его судили бы за вину болѣе тяжкую, чѣмъ та, которая выставлена ему на видъ въ обвинительномъ актѣ, не предваривъ его новымъ обвинительнымъ актомъ, что его будутъ судить за эту вину.

§ 42. Обращаясь къ содержанію вопросовъ, законъ даетъ слѣдующія правила, что̀ въ нихъ можетъ и должно заключаться:

1. Вопросы о томъ совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли

опо быть сму вмѣнено въ вину, соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе преступленія дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его дѣяніемъ. Въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, по которому либо изъ этихъ вопросовъ они должны быть поставлены отдѣльно (ст. 754). Изъ этого правила видно, что если судъ ставитъ присяжнымъ засѣдателямъ одинъ вопросъ, начинающійся словами: «виновенъ ли подсудимый», то въ этомъ вопросѣ заключаются три составныя части вины: 1, совершеніе самого событія преступленія, противозаконнаго дѣянія, которое означено въ вопросѣ, 2, учиненіе этого дѣянія подсудимымъ, а не другимъ лицомъ

и 3, постановленіе того же дѣянія въ вину подсудимому. Если же самъ судъ или кто-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ возбуждаетъ сомнѣніе то есть не находитъ въ судебномъслѣдствіи несомнѣнныхъ доказательствъ, совершилось ли самое событіе преступленія, напримѣръ послѣдовала ли смерть, похищена ли извѣстная вещь, или можетъ ли быть вмѣнено преступное дѣяніе въ вину, то есть если обстоятельства дѣла указываютъ такія причины, по которымъ на основаніи самаго закона преступленіе не должно быть постановлено въ вину, напримѣръ безуміе, сумасшествіе, болѣзнь, приводящая къ разстройству ума или въ безпамятство; тогда судъ обязанъ постановить отдѣльные вопросы: совершилось ли преступленіе, не было ли законной причины невмѣненія въ вину преступленія. Но присяж-

ные засѣдатели не могутъ предлагать суду ставить отдѣльные вопросы, вмѣсто общаго, хотя бы и были убѣждены въ необходимости раздѣленія вопросовъ.

2. За главнымъ вопросомъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ преступленіи, которое составляетъ предметъ обвиненія, постановляются частные вопросы о такихъ обстоятельствахъ, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности. Объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на опредѣленіе лишь мѣры наказанія въ предѣлахъ одной и той же степени, вопросы не предлагаются (ст. 755). Въ законахъ уголовныхъ указываются при нѣкоторыхъ видахъ преступныхъ дѣяній такія обстоятельства, которыя увеличиваютъ или уменьшаютъ вину; такъ какъ отъ этихъ обстоятельствъ зависитъ увеличеніе или уменьшеніе наказанія подсудимому, если

онѣ будутъ признаны рѣшеніемъ, то законъ предписываетъ суду ставить о такихъ обстоятельствахъ вопросъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей; самъ судъ разрѣшить ихъ не имѣетъ права. О мѣрѣ наказанія не ставится вопросъ, потому что опредѣленіе ея зависитъ отъ самаго суда.

3. Если событіе преступленія не вполнѣ совершилось, то ставится вопросъ о степени приведенія злаго умысла въ дѣйствіе (ст. 757).

4. Если въ преступленіи участвовало нѣсколько лицъ, то о степени участія каждаго изъ нихъ ставится отдѣльный вопросъ (ст. 758).

5. О подсудимомъ, имѣвшемъ во время совершенія преступленія менѣе 17 лѣтъ, во всякомъ случаѣ ставится вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ (ст. 759). Возрастъ до 17 лѣтъ не предполагаетъ

такого развитія ума и воли, при которомъ безъ всякаго колебанія можно сказать, что подсудимый, находящійся въ такомъ возрастѣ, дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ. Вотъ почему законъ требуетъ, чтобы такой вопросъ былъ предлагаемъ, чтобы сами присяжные, а не судьи рѣшили, слѣдуетъ ли признать, что подсудимый, не имѣвшій во время совершенія преступленія 17 лѣтъ, дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ или безъ полнаго разумѣнія; отъ того или другаго разрѣшенія этого вопроса зависитъ опредѣленіе судомъ большаго или меньшаго наказанія.

6. Судъ не можетъ отказать подсудимому въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или наказаніе уменьшается, или вовсе отмѣняется, если причина эта при-

надлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ (ст. 763). Законъ ограничилъ судъ ставить вопросы по собственному усмотрѣнію въ отношеніи къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя облегчаютъ или вовсе уничтожаютъ вину, если только эти обстоятельства указаны самимъ закономъ и притомъ выставляются судебнымъ слѣдствіемъ и преніями сторонъ; если подсудимый или его защитникъ потребуетъ постановки такого вопроса, то судъ не имѣетъ права отказать въ этомъ.

Кромѣ изложенныхъ особыхъ правилъ относительно содержанія вопросовъ, законъ говоритъ вообще, что не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно, (ст. 756). Это правило чрезвычайно важно для присяжныхъ засѣдателей,

такъ какъ они при соединеніи подобныхъ вопросовъ, могутъ дать противорѣчивые отвѣты или затрудниться ими. Второе неменѣе важное для присяжныхъ засѣдателей правило состоитъ въ томъ, что предлагаемые имъ вопросы составляются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій (ст. 760). Давая это правило, законъ имѣлъ въ виду, чтобы присяжные засѣдатели ясно поняли предлагаемые имъ вопросы и не затруднились въ своихъ отвѣтахъ на вопросы. Такъ какъ присяжные засѣдатели могутъ быть несвѣдущи въ законахъ или мало знакомы съ ними, могутъ не понимать особенныхъ научныхъ словъ, которыя употребляетъ законъ для означенія юридическихъ

понятій, ясныхъ только для людей имѣющихъ дѣло съ законами; поэтому законъ требуетъ, чтобы признаки преступленія и виновности подсудимаго означались въ вопросахъ общепринятыми выраженіями, то есть понятными для всѣхъ.

§ 43. Вопросы, постановленные судомъ, излагаются письменно, прочитываются вслухъ и исправляются или дополняются по тѣмъ отъ сторонъ замѣчаніямъ, которыя судъ признаетъ уважительными (ст. 762). Послѣ совѣщанія судей о постановленіи вопросовъ въ особой комнатѣ, они пишутся тамъ на бумагѣ; впрочемъ, когда вопросы просты, не требуютъ особаго совѣщанія судей, они пишутся въ залѣ суда. По написаніи вопросовъ, они прочитываются предсѣдателемъ въ залѣ суда публично, такъ чтобы стороны то есть прокуроръ и подсу-

димый или его защитникъ могли внятно слышать и понять прочитанное. Затѣмъ каждая сторона имѣетъ право просить судъ измѣнить или дополнить вопросъ, какъ слѣдуетъ по ея мнѣнію. Отъ суда зависитъ принять замѣчанія сторонъ о вопросахъ, измѣнить, исправить или отказать въ просьбѣ сторонъ. Присяжные засѣдатели выслушиваютъ вопросы и замѣчанія на нихъ сторонъ, чтобы уяснить себѣ смыслъ вопросовъ, для нихъ составляемыхъ; они могутъ просить чрезъ предсѣдателя разъясненія вопросовъ, въ чемъ представляются они непонятными, но не могутъ ни дѣлать замѣчанія на вопросы, ни просить судъ объ измѣненіи вопросовъ, такъ какъ подобныя просьбы и замѣчанія выражали бы впередъ мнѣніе присяжныхъ по дѣлу, а это мнѣніе можетъ быть высказано

ими только при совѣщаніи въ особой комнатѣ о постановленіи ихъ приговора; словомъ дѣло присяжныхъ засѣдателей заключается только въ составленіи и написаніи отвѣтовъ на вопросы; въ постановкѣ же самыхъ вопросовъ они не принимаютъ никакого участія, это дѣло суда и сторонъ.

Когда будутъ выслушаны и разсмотрѣны судомъ всѣ замѣчанія на вопросы, то они составляются окончательно, вписываются въ вопросный листъ, разумѣется, если предстоитъ надобность переписывать то есть когда составленные прежде вопросы измѣнены или дополнены; вопросный листъ подписывается предсѣдателемъ и членами суда и въ этомъ окончательномъ видѣ поступаетъ къ присяжнымъ засѣдателямъ (ст. 764).

ГЛАВА 13.

Постановленіе приговора присяжными засѣдателями.

Значеніе приговора присяжныхъ; заключительное слово предсѣдателя суда; содержаніе этого слова; значеніе вины, ея составныя части; значеніе и сила доказательствъ, какъ опоры внутренняго убѣжденія присяжныхъ засѣдателей; неограниченное право ихъ на обвиненіе и оправданіе подсудимаго; порядокъ совѣщаній и постановленіе приговора; объявленіе приговора присяжныхъ засѣдателей.

§ 44. Все о чемъ до сихъ поръ излагалось составляетъ лишь подготовку къ дѣятельности самихъ присяжныхъ засѣдателей, дастъ лишь средства къ той цѣли, для которой они

призваны въ судъ; непосредственная, собственная дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, цѣль и назначеніе ихъ участія въ судѣ заключается въ составленіи приговора о винѣ или невинности подсудимаго, выражаемаго въ отвѣтахъ на вопросы суда, которымъ предшествуютъ совѣщанія самихъ присяжныхъ въ особой компатѣ отдѣльно отъ суда.

Не смотря на значительность изложенныхъ выше способовъ, уразумѣнію дѣла, содержащихся въ судебномъ слѣдствіи и въ рѣчахъ сторонъ, законъ не отпускаетъ присяжныхъ засѣдателей въ назначенную для нихъ компату безъ новыхъ объясненій, наставленій, исходящихъ отъ суда; эти объясненія состоятъ въ заключительномъ словѣ предсѣдателя суда. Установляя это слово, законъ имѣлъ въ виду, что присяжные засѣ-

датели, несвѣдущіе въ законахъ, нуждаются въ такихъ совѣтахъ, которыя устранили бы недоразумѣнія ихъ тамъ, гдѣ нельзя обойтись безъ толкованія закона; что предсѣдатель суда, будучи по призванію и долголѣтнему опыту знакомъ съ законами, вѣрно разъяснитъ присяжнымъ тѣ законныя основанія, которыя могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе вопроса о виновности. Кромѣ того нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства не даетъ никакихъ правилъ о силѣ доказательствъ, о томъ, какимъ изъ нихъ можно вѣрить безошибочно, какія убѣдительны и на сколько убѣдительны, а предоставляетъ предсѣдателю суда указать присяжнымъ засѣдателямъ общія правила о доказательствахъ, какія нужно примѣнить къ данному случаю, чтобы они могли обсудить, что въ разсматриваемомъ дѣлѣ досто-

вѣрно, что̀ вѣроятно и что̀ сомнительно; безпри страстную оцѣнку доказательствамъ можетъ сдѣлать только судья, не имѣющій никакого участія въ обвинительномъ и оправдательномъ приговорѣ. Сверхъ того нерѣдко подсудимые не имѣютъ защитника, который могъ бы уравнять силу обвиненія съ силой оправданія; въ такомъ жалкомъ положеніи подсудимаго, дѣло предсѣдателя суда поставить на видъ присяжнымъ засѣдателямъ обстоятельства и доказательства, которыя служатъ къ оправданію или облегченію вины подсудимаго. Словомъ, долгъ предсѣдателя дать присяжнымъ такія объясненія и наставленія, которыя, будучи проникнуты полнымъ безпристрастіемъ, облегчили бы присяжнымъ ихъ обязанность, направили къ надлежащему соображенію дѣла и предо-

стерегли ихъ отъ несправедливаго приговора.

Законъ довольно точно опредѣляетъ, о чемъ долженъ говорить предсѣдатель суда присяжнымъ засѣдателямъ въ своемъ заключительномъ словѣ; а именно онъ разъясняетъ имъ: 1, *существенныя обстоятельства дѣла и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія или проступка* и 2, *общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго* (уст. угол. суд. ст. 801). Такимъ образомъ въ своемъ заключительномъ словѣ предсѣдатель долженъ: 1., изложить краткое содержаніе дѣла, не останавливаясь на мелочахъ и подробностяхъ, 2, объяснить законныя постановленія, которыми опредѣляется то преступленіе или тотъ проступокъ,

въ которомъ обвиняется подсудимый, чтобы присяжные засѣдатели могли обсудить, что судебнымъ слѣдствіемъ, обстоятельствами дѣла подтверждено это преступленіе или этотъ проступокъ то есть что въ дѣйствіяхъ, приписываемыхъ подсудимому заключаются всѣ тѣ признаки, свойства, которыми законъ опредѣляетъ извѣстное преступленіе именно то, о которомъ идетъ рѣчь, или не заключаются въ немъ всѣ эти признаки; если обстоятельствами дѣла не подтверждаются законные признаки преступнаго дѣянія, за которые преданъ суду подсудимый, то указываютъ ли эти обстоятельства на какое-либо другое преступленіе или проступокъ, или же въ нихъ нѣтъ никакого преступленія ни проступка. Наконецъ, З., предсѣдатель долженъ объяснить общія основанія, по которымъ присяжные засѣ-

дателн могли бы опредѣлить силу доказательствъ, приведенныхъ какъ въ пользу, такъ и противъ подсудимаго. Обвинитель приводитъ въ подтвержденіе своего обвиненія извѣстныя доказательства, какъ въ отношеніи къ событію преступленія, такъ и въ отношеніи виновности въ немъ подсудимаго; защитникъ подсудимаго и самъ подсудимый опровергаетъ эти доказательства, старается убѣдить присяжныхъ засѣдателей, что приведеннымъ доказательствамъ нельзя вѣрить или же представляетъ свои доказательства невинности или ослабленія вины. Дѣло предсѣдателя безпристрастно разъяснить присяжнымъ, какую силу слѣдуетъ придавать доказательствамъ, высказаннымъ противъ и въ пользу подсудимаго по тѣмъ правиламъ, которыя даны опытомъ жизни и науки. Конечно эти правила должны

быть высказаны предсѣдателемъ въ приложеніи къ данным доказательствамъ, провѣрявшимся въ судебномъ слѣдствіи, чтобы у присяжныхъ образовалось правильное, безошибочное убѣжденіе о винѣ или невинности подсудимаго, чтобы это убѣжденіе ихъ укрѣплялось разумными положеніями о доказательствахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ заботится дать заключительному слову возможное безпристрастіе, требуя, чтобы предсѣдатель суда, въ случаѣ надобности возстановить обстоятельства, неправильно изложенныя сторонами или истинный разумъ закона, неточно ими истолкованнаго, *въ объясненіяхъ своихъ не обнаруживалъ своего мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго, и не приводилъ обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго состязанія* (ст. 802). Устано-

вляя это правило, законъ имѣлъ въ виду, что предсѣдатель суда, по своему положенію, можетъ имѣть большое вліяніе на присяжныхъ засѣдателей и потому легко можетъ увлечь ихъ къ слѣпому усвоенію его мнѣнія; такой исходъ дѣла извратилъ бы приговоръ присяжныхъ, потому что этотъ приговоръ долженъ быть основанъ на убѣжденіи самихъ присяжныхъ, а не на чужомъ мнѣніи хотя бы предсѣдателя суда; тогда рѣшалъ бы дѣло самъ предсѣдатель вмѣсто присяжныхъ. Стараясь избѣгнуть такой опасности заключительнаго слова, законъ указываетъ на случаи, въ которыхъ особенно вредно высказываніе предсѣдателемъ своего собственнаго и рѣшительнаго мнѣнія, а именно въ опроверженіи объясненія обвинителя или защитника и въ изложеніи такихъ предметовъ, о которыхъ стороны не говорили,

потому что этихъ предметовъ не касалось судебное слѣдствіе. Вообще чтобы избѣгнуть опасности, предсѣдатель долженъ крайне осторожно излагать обстоятельства дѣла, а также показанія свидѣтелей и свѣдущихъ людей по своимъ замѣткамъ, такъ какъ во 1-хъ онъ легко можетъ ошибиться въ дѣйствительности этихъ показаній, во 2,-хъ повтореніе обстоятельствъ растягиваетъ заключительное слово безъ надобности, и можетъ пріучить присяжныхъ полагаться болѣе на слово предсѣдателя, чѣмъ на свою собственную память и слушать пренія сторонъ безъ должнаго вниманія, быть небрежными въ исполненіи своего долга; словомъ, главная обязаность предсѣдателя состоитъ въ заявленіи присяжнымъ воли закона, выраженномъ въ простыхъ, понятныхъ словахъ.

Другое предостереженіе, которымъ

законъ ограничиваетъ заключительное слово, состоитъ въ томъ, что общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ объясняются предсѣдателемъ суда *не въ видѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслъ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или къ оправданію подсудимаго*, и что предсѣдатель обязанъ напомнить присяжнымъ, что *они должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла и въ случаѣ осужденія подсудимаго, они могутъ, если найдутъ достаточныя къ тому основанія, признать его заслуживающимъ снисхожденія* (ст. 803—804). Изъ этихъ словъ закона видно, что предсѣдатель суда не долженъ выдавать присяжнымъ засѣдателямъ излагаемыя

имъ правила о доказательствахъ за такія неопровержимыя истины, которыя они обязаны принять на вѣру; что на объясненія предсѣдателя о силѣ доказательствъ они должны смотрѣть лишь какъ на совѣты, которыми они предостерегаются отъ безосновательнаго, необдуманнаго приговора обвинительнаго или оправдательнаго,—и что самъ предсѣдатель долженъ высказать присяжнымъ, чтобы они не увлекались ни его заключительнымъ словомъ, ни рѣчами обвинителя и защитника, а рѣшили бы дѣло, какъ сами думаютъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, вдумавшись въ то, что слышали и видѣли. Кромѣ того предсѣдатель напоминаетъ присяжнымъ засѣдателямъ, что если они признаютъ подсудимаго виновнымъ, то могутъ, если усмотрятъ въ дѣлѣ какія-либо облегчающія вину обсто-

ятельства, признать, что осужденный ими заслуживаетъ снисхожденія; присяжные засѣдатели должны имѣть это въ виду, потому что вопросъ о снисхожданіи судомъ не ставится, а отдается на рѣшеніе самихъ присяжныхъ засѣдателей.

§ 45. Послѣ заключительнаго слова, предсѣдатель вручаетъ старшинѣ присяжныхъ засѣдателей вопросный листъ и приглашаетъ ихъ къ совѣщанію и разрѣшенію вопросовъ. Кромѣ вопроснаго листа, они не получаютъ отъ суда никакой бумаги къ дѣлу относящейся, но если забудутъ что-либо и пожелаютъ разъясненія какого-либо обстоятельства, то могутъ возвратиться въ залу засѣданія, въ которой предсѣдатель суда даетъ имъ объясненія не иначе, какъ въ присутствіи подсудимаго, что бы онъ самъ могъ слышать, что говоритъ предсѣ-

датель и если сказанное невѣрно, то просить записать въ протоколъ, на случай жалобы (ст. 805, 808).

Съ вопроснымъ листомъ присяжные засѣдатели уходятъ въ назначенную для нихъ комнату, для совѣщаній. Законъ такъ заботливо охраняетъ ихъ отъ всякаго сношенія съ посторонними лицами, что велитъ ставить стражу у дверей этой комнаты и запрещаетъ присяжнымъ засѣдателямъ выходить изъ нея безъ особаго разрѣшенія предсѣдателя (ст. 806). Такъ какъ постановленіе приговора составляетъ сущность дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, то въ это время они должны устранить всѣ поводы къ выходу изъ своей комнаты до написанія отвѣтовъ на вопросы суда и никого изъ постороннихъ лицъ не впускать въ эту комнату; только въ неизбѣжной крайности могутъ

просить дозволенія выйти. Если представится такая надобность для кого-либо изъ присяжныхъ засѣдателей, или если всѣ они пожелаютъ войти въ залу суда, для выслушанія необходимаго имъ объясненія, то старшина даетъ знать о томъ изъ своей комнаты колокольчикомъ; по этому знаку долженъ явиться къ нимъ судебный приставъ, чрезъ котораго они испрашиваютъ разрѣшенія предсѣдателя на выходъ изъ ихъ комнаты.

Уставъ уголовнаго судопроизводства подробными правилами опредѣляетъ порядокъ совѣщанія присяжныхъ засѣдателей и постановленія ими приговора. Но прежде изложенія этихъ правилъ, нужно выяснить, о чемъ могутъ и должны совѣщаться присяжные засѣдатели, что могутъ и должны они постановлять въ своемъ

приговорѣ, чѣмъ руководствоваться имъ при этомъ.

Присяжные засѣдатели предназначены быть судьями вины подсудимаго. Вина есть понятіе сложное, составное изъ нѣсколькихъ частей, изъ которыхъ каждая требуетъ внимательнаго обсужденія. Въ составъ вины входятъ: 1, извѣстное дѣйствіе, запрещаемое закономъ, признаваемое имъ преступнымъ и потому наказываемое; 2., совершеніе этого дѣянія тѣмъ именно лицомъ, которое привлечено къ суду, какъ подсудимый, а не кѣмъ-либо другимъ и 3., состояніе этого лица во время совершенія преступленія, въ которомъ онъ могъ понимать то что дѣлалъ и обладалъ свободою воли дѣлать или не дѣлать. Такимъ образомъ разрѣшая вину, присяжные засѣдатели должны разобрать ее по частямъ и разсмотрѣть каждую изъ

ихъ въ отдѣльности; эта разборка въ особенности бываетъ необходима и тѣмъ болѣе должна быть внимательна, когда обстоятельства дѣла, относящіяся къ той или другой части вины сомнительны, были предметомъ спора сторонъ; присяжные засѣдатели тогда только могутъ, согласно съ присягою, признать подсудимаго виновнымъ, когда послѣ обсужденія всѣхъ частей вины, будутъ твердо убѣждены, что каждая изъ ихъ дѣйствительно есть въ данномъ случаѣ.

Если обстоятельства не подтверждаютъ признаковъ того преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый, значитъ—нѣтъ преступленія, а если нѣтъ преступленія, то и не за что винить подсудимаго. Преступленіе дѣйствительно совершено, но обстоятельства не убѣждаютъ въ томъ, что оно

сдѣлано именно подсудимымъ; по этому нельзя поставить ему въ вину это преступленіе, хотя оно и было, нельзя сказать — это твое дѣло, отвѣчай за него; опять нѣтъ вины со стороны того лица, которое предано суду. Преступленіе можетъ быть совершено и совершено именно подсудимымъ, но изъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что онъ не понималъ того, что́ сдѣлалъ, въ то время когда дѣйствовалъ, что онъ не хотѣлъ дѣлать зла, не могъ обдумать, что́ дѣлаетъ, не могъ предвидѣть, что изъ его дѣла выйдетъ зло, у него не было воли на зло; опять для присяжныхъ вопросъ—сознавалъ ли подсудимый то, что сдѣлалъ и желалъ ли сдѣлать зло, такъ какъ безъ разумѣнія и воли нѣтъ вины. Отсюда ясно, что присяжные засѣдатели, чтобы не впасть въ ошибку, обсуждаютъ

вину въ цѣломъ составѣ, а не одно только дѣяніе, не одинъ фактъ, какъ думаютъ многіе; присяжные засѣдатели не тогутъ довольствоваться обсужденіемъ и разрѣшеніемъ одного вопроса о событіи преступленія, фактѣ, какъ напримѣръ: взялъ ли подсудимый извѣстную вещь, нанесъ ли ударъ такому-то человѣку; нѣтъ, они должны разрѣшить *виновенъ ли* подсудимый въ кражѣ вещи, *виновенъ ли* онъ въ убійствѣ; это значитъ, что присяжные засѣдатели должны разобрать, была ли кража въ данномъ случаѣ, съ тѣми признаками, какъ ихъ опредѣляетъ законъ; было ли убійство, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ законъ это преступленіе, было ли убійство предумышленное, преднамѣренное или только умышленное, намѣренное сообразно съ тѣми понятіями и различіями,

которым приписываетъ этимъ двумъ преступленіямъ законъ; можно ли кражу, если она сдѣлана приписать подсудимому, а не другому лицу, можно ли признать убійство дѣломъ руки подсудимаго, а не кого-либо другаго; если убійство было сдѣлано рукою подсудимаго, то участвовала ли его воля въ этомъ; было ли убійство умышленное, сообразно съ тѣмъ какъ опредѣляется умыселъ, какъ онъ отличается отъ неосторожности и случая. Такимъ образомъ присяжные засѣдатели обсуждаютъ не только событіе, дѣйствіе, фактъ, но и значеніе этого дѣйствія по закону, по юридическимъ понятіямъ, такое значеніе, при которомъ дѣло подсудимаго обращается въ вину, влекущую за собою наказаніе по закону, преступную, съ злымъ намѣреніемъ, съ злою волею сдѣланную, не случайно,

не безъ умысла. Присяжные засѣдатели не могутъ быть судьями одного дѣйствія, одного голаго факта, они должны быть судьями и законной, юридической стороны дѣла; кто говоритъ, что присяжные должны быть судьями однихъ фактовъ и не должны заглядывать въ юридическую сторону, что эта сторона дѣло не ихъ, а судьи, тотъ не понимаетъ, о чемъ говоритъ; это мнѣніе также невѣрно, какъ невѣрно, что туловище безъ головы и ногъ можно назвать человѣкомъ, что трупъ безъ души есть человѣкъ. Какъ отъ туловища нельзя отдѣлить ногъ и головы, иначе это будетъ уродъ; такъ точно въ винѣ уголовной нельзя отдѣлить дѣяніе, фактъ отъ опредѣленій ихъ правомъ и закономъ, отъ юридической стороны: событіе, дѣяніе, фактъ входятъ въ составъ вины лишь на

столько, па сколько они признаются закономъ преступными, умышленными, па сколько они сдѣланы самимъ подсудимымъ и притомъ злонамѣренно, съ разумѣніемъ и злою волею. Извѣстное дѣяніе можетъ быть безправственнымъ, дурнымъ дѣломъ, но ненаказуемымъ по закону и потому непреступнымъ. Разъяснимъ это примѣрами. — У присяжныхъ спрашиваютъ: виновенъ ли подсудимый Ивановъ въ томъ, что похитилъ изъ компаты Петрова деньги, сломавъ для этого замокъ или подобравъ ключъ къ замку письменнаго стола, гдѣ хранились деньги? Обстоятельства дѣла могутъ указывать на то, что Ивановъ сломалъ замокъ, или подобралъ ключъ по требованію самого Петрова, или на то, что на замкѣ хотя и есть поврежденіе, но онъ не сломанъ, или на то, что Ивановъ отперъ замокъ

подобраннымъ ключемъ и взялъ день-ги, потому что онѣ ему принадле-жали. Все это можетъ имѣть вліяніе на вину лишь на основаніи юридиче-скихъ соображеній, юридической сто-роны дѣла. Другой примѣръ. Присяж-нымъ засѣдателямъ предложенъ во-просъ: виновенъ ли подсудимый Иванъ Федоровъ въ томъ, что съ умысломъ, безъ намѣренія лишить жизни, на-несъ Кузьмѣ Степанову нѣсколько тяжкихъ, угрожавшихъ опаспостью для жизни ударовъ, имѣвшихъ по-слѣдствіемъ своимъ смерть Степанова? Разрѣшеніе этого вопроса требуетъ отъ присяжныхъ засѣдателей сообра-женій права и закона относительно умысла, тяжкихъ побоевъ, сознанія угрозы ихъ опасностью для жизни Степанова; этими соображеніями они должны освѣтить для себя тѣ обстоя-тельства, которыя выслушаны ими изъ

судебнаго слѣдствія и разъяснены обвинителемъ и защитникомъ; эти соображенія они должны подвести подъ факты и только тогда могутъ правильно рѣшить виноватъ ли Федоровъ, или нѣтъ и если виноватъ, то въ томъ ли преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ или въ другомъ, напримѣръ въ нанесеніи смертельныхъ побоевъ безъ умысла, а по одной неосторожности, или съ умысломъ, по такихъ ударовъ, которые не грозили опасностью для жизни. Петровъ обвиняется въ двоеженствѣ. Присяжнымъ засѣдателямъ рѣшающимъ вину Петрова нужно разрѣшить, соображаясь съ дѣломъ: состоялъ-ли Петровъ въ законномъ бракѣ съ Ульяною Ивановою? если состоялъ, то заключилъ ли онъ новый бракъ съ Татьяною Максимовою при существованіи перваго брака? вступая во второй

бракъ, созпавалъ ли Петровъ, что первый бракъ дѣйствителенъ? Могутъ ли безъ соображеній права и закона присяжные засѣдатели опредѣлить различные слѣды убійства, отличить разбой отъ грабежа, грабежъ отъ насилія и самоуправства, понять значеніе покушенія, неосторожности, случая, подстрекательства, попустительства? очевидно нѣтъ, какъ бы ни были ясно поставлены вопросы; самая постановка вопросовъ невозможна во многихъ случаяхъ, безъ предположенія, что присяжные засѣдатели примутъ во вниманіе юридическую сторону дѣла, нерѣдко на этой сторонѣ вертится все дѣло, опирается весь отвѣтъ о винѣ или невинности подсудимаго. Присяжные весьма часто должны входить въ разборъ вопроса, дѣйствовалъ ли обвиняемый съ злымъ умысломъ, не оправдывается ли его дѣй-

ствіе увѣренностью, что онъ хорошо поступаетъ? а рѣшеніе этого вопроса немыслимо безъ оцѣнки обстоятельствъ на основаніи права и закона. И такъ присяжные засѣдатели должны быть судьями вины подсудимаго въ цѣломъ ея составѣ какъ съ фактической, такъ и съ юридической стороны. Мы нарочно остановились на этомъ предметѣ, потому именно что присяжнымъ засѣдателямъ часто внушается, что ихъ обсужденію подлежитъ лишь одинъ фактъ, а не право, не законъ, не юридическая сторона дѣла. Иногда такое внушеніе дѣлается просто по непониманію, что такое фактъ и право; но нерѣдко такая мысль проводится для того, чтобы присяжные засѣдатели, не входя въ разборъ права и закона, рѣшили вину по одному голому факту и осудили подсудимаго во что бы то ни стало, безъ закон-

ной вины, безъ тѣхъ требованій права, по которымъ только и можно назвать фактъ виною. Эти невѣрные толки о томъ, что все дѣло присяжныхъ заключается въ разрѣшеніи факта, это требованіе обвинительныхъ приговоровъ во что бы то ни стало, объясняется отчасти тѣмъ воспоминаніемъ, которое оставили по себѣ старые суды, дѣйствительно оправдывавшіе виновныхъ оставленіемъ въ подозрѣніи—теперь въ отместку желаютъ винить всѣхъ,—отчасти молодостью нашего суда присяжныхъ, непониманіемъ его дѣла, неумѣніемъ вникнуть, отчего данъ тотъ или другой оправдательный приговоръ и наконецъ нашею привычкою по одному какому нибудь случаю дѣлать общее спѣшное обыкновенно ошибочное заключеніе. Чтобы опровергнуть такое ложное, сбивающее присяжныхъ засѣдателей

мнѣніе самимъ уставомъ уголовнаго судопроизводства, достаточно указать, что этотъ уставъ не напрасно требуетъ отъ предсѣдателя, чтобы онъ объяснялъ присяжнымъ засѣдателямъ законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія или проступка и юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго; не даромъ онъ даетъ самимъ присяжнымъ засѣдателямъ право просить предсѣдателя суда разъяснить имъ признаки, которыми опредѣляется въ законѣ преступленіе, приписываемое подсудимому и вообще все для нихъ непонятное (уст. угол. судопр. ст. 673, 801). Очевидно, самый законъ имѣетъ въ виду, что присяжные засѣдатели должны разбирать не одни факты, но и ьаконное ихъ значеніе, чтобы пра-

вильно рѣшить, виновенъ ли подсудимый въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ, или нѣтъ.

Чѣмъ же должны руководствоваться присяжные засѣдатели при разрѣшеніи вины и составныхъ частей ея? Законъ дастъ одинъ общій отвѣтъ на этотъ вопросъ: присяжные засѣдатели должны опредѣлить вину или невинность подсудимаго *по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла* (ст. 804). Этими словами законъ прежде всего хотѣлъ выразить то, что присяжные засѣдатели вообще и каждый изъ нихъ въ отдѣльности должны сказать свое рѣшеніе въ приговорѣ сами отъ себя не съ чужаго голоса, не по чужому мнѣнію,—будетъ ли это мнѣніе сторонъ или предсѣдателя, а по *своему* убѣжденію, по голосу своей совѣсти.

Законъ хотѣлъ сказать, что для присяжныхъ засѣдателей обязателенъ только одинъ голосъ — его внутреннее убѣжденіе, основанное на его собственномъ сужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Какъ сложилось это убѣжденіе въ пользу ли подсудимаго или противъ него: по какимъ доводамъ и обстоятельствамъ, это дѣло совѣсти самого присяжнаго засѣдателя, лишь бы оно было искреннимъ, вѣрнымъ голосу совѣсти его; никто не можетъ требовать отъ него отчета, почему образовалось у него такое, а не другое убѣжденіе. Не стѣсняя ничѣмъ свободы совѣсти, довѣряя ей вполнѣ правду приговора и участь подсудимаго, законъ не стѣсняетъ присяжныхъ засѣдателей никакими правилами, которые обязывали бы его принять то или другое убѣжденіе, законъ не говоритъ имъ: при-

нимайте во вниманіе такое-то обстоятельство, вѣрьте такому то свидѣтелю, а такому-то не вѣрьте; нѣтъ, законъ говоритъ только: сообразите всѣ обстоятельства и рѣшайте, какъ велитъ вамъ ваша совѣсть, ваше внутреннее убѣжденіе, слушайтесь только этого убѣжденія.

Но если законъ не стѣсняетъ совѣсть присяжнаго засѣдателя, ни чѣмъ инымъ, кромѣ его внутренняго убѣжденія, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что присяжные засѣдатели должны рѣшать вину или невинность подсудимаго зря, безъ внимательнаго обсужденія обстоятельствъ дѣла, какъ Богъ положитъ на душу по прихоти воображенія, по первому впечатлѣнію, по увлеченію безъ достаточнаго основанія. Ни законъ этого не желаетъ, ни совѣсть не можетъ помириться съ такимъ толкованіемъ внут-

репняго убѣжденія. Чѣмъ же опредѣляется и связывается это убѣжденіе? Оно слагается отраженіемъ въ умѣ присяжнаго судьи всѣхъ выслушанныхъ разъясненныхъ обстоятельствъ дѣла и разсмотрѣнныхъ вещей и состоитъ изъ выводовъ, приводящихъ къ большей или меньшей увѣренности, что извѣстное событіе, признаваемое преступленіемъ было или не было и что подсудимый виновенъ въ немъ или невиновенъ; такіе выводы составляютъ *доказательства* убѣжденія. Такимъ образомъ опору внутренняго убѣжденія составляютъ доказательства, безъ нихъ невозможенъ никакой правильный судъ, безъ нихъ нельзя постановить правильнаго приговора, и никакой судья не рѣшится обвинить подсудимаго безъ доказательствъ. Доказательства могутъ порождать въ умѣ или увѣренность,

устраняющую всякое сомнѣніе, или одну вѣроятность; отъ силы убѣжденія зависитъ и сила доказательства; эта сила можетъ доходить до несомнѣнной очевидности или производить въ умѣ одно колебаніе, сомнѣніе; выводъ дающій одну догадку есть предположеніе. Конечно, нельзя не желать, чтобы уголовное правосудіе добывало для судьи такія доказательства, которыя родили бы въ умѣ его полную увѣренность, несомнѣнное убѣжденіе. Но карательное правосудіе относится къ такимъ разнообразнымъ поступкамъ людей, для которыхъ нѣтъ точной мѣрки, точнаго указанія, что въ нихъ несомнѣнно; кромѣ того степень увѣренности у разныхъ людей, рѣшающихъ житейскія дѣла, неодинакова, зависитъ отъ способностей ума, отъ опыта, сноровки, умѣнья отличать достовѣрное отъ вѣроятнаго.

Вотъ почему нельзя подвести ученіе о доказательствахъ подъ такія точныя правила, которымъ долженъ былъ бы подчиняться судья или присяжный засѣдатель. Но наука и опытъ вѣковъ выработали нѣкоторыя правила, которыя наставляютъ, какъ обращаться съ доказательствами; въ этомъ смыслѣ нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства обязываетъ предсѣдателя суда давать присяжнымъ засѣдателямъ наставленія относительно юридическихъ основаній о силѣ доказательствъ.

Постараемся разъяснить эти основанія, конечно не выдавая ихъ за непреложныя и неизмѣнныя правила, и указывая на нихъ для разъясненій и соображеній въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или къ оправданію подсудимаго, какъ говоритъ законъ.

§ 46. Всякій уголовный приговоръ, какъ влекущій за собою кару подсудимаго, долженъ быть основанъ только на доказательствахъ и держится только доказательствами. Поэтому при обсужденіи вины или невинности подсудимаго должны быть, прежде всего устранены всякія постороннія соображенія, не относящіяся къ доказательствамъ и не слѣдуетъ дѣлать натяжку въ доказательствахъ ради этихъ соображеній. Таковы соображенія и предупрежденіи общества отъ совершенія преступленій обвиненіемъ и наказаніемъ подсудимаго, о вредѣ, причиненномъ пострадавшему лицу преступленіемъ, о частомъ совершеніи нѣкоторыхъ преступленій, о необходимости отвращать общество и частныхъ лицъ отъ повторенія преступленій строгими приговорами, чтобъ другимъ не было повадно дѣлать прес-

туплснія и чтобы самаго подсудимаго отвратить наказаніемъ отъ преступленія. Эти соображенія сами по себѣ могутъ быть справедливы и вѣрны, но они вовсе не составляютъ доказательствъ, нисколько не относятся къ разрѣшенію вины или невинности подсудимаго и потому должны быть устранены при составленіи приговора. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преступленіе есть зло и нерѣдко весьма тяжкое, что общество и частныя лица должны быть охраняемы и предупреждаемы отъ преступленія, но это не входитъ въ обязанность присяжныхъ засѣдателей, какъ судей вины или невинности: для предупрежденія и раскрытія преступленій установлены особыя власти, полиція, слѣдователи, прокуроры, наконецъ частныя лица обязаны по закону и должны ради общаго и своего блага по-

могать властямъ въ предупрежденіи преступленій, обнаруженіи ихъ и виновныхъ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы присяжные засѣдатели, когда они рѣшаютъ вину или невинность подсудимаго, осуждали его ради предупрежденія и пресѣченія преступленій, ради уничтоженія зла отъ него, безъ доказательствъ или ослабляли бы требованіе доказательствъ соображеніями о вредѣ преступленія; никакія посторонніе соображенія не освобождаютъ судью отъ убѣжденія по доказательствамъ и не могутъ быть обращаемы во вредъ подсудимому. Напротивъ судья всячески старается отклонить отъ себя такія соображенія, 1) потому что онѣ могли бы послужить къ величайшей несправедливости къ обвиненію невиннаго: если руководствоваться только соображеніемъ о предупрежденіи престу-

плеши, то нужно ради этой цѣли казнить всякаго подсудимаго безъ разбора виновнаго и невиннаго; 2) потому что самъ законъ запрещаетъ принимать въ руководство при рѣшеніи вины какія-либо посторонніе соображенія, не относящіяся прямо къ дѣлу и могущія послужить увлеченіемъ къ неосновательному обвиненію подсудимаго (уст. угол. суд. ст. 803, 804); при обсужденіи нельзя забывать, что приговоръ не окончится однимъ признаніемъ виновности, но повлечетъ за собою наказаніе, большею частью тяжкое; что самое лучшее сужденіе есть то, которое умѣетъ поставить самого судью на мѣсто судимаго; что никто изъ насъ не пожелаетъ, чтобы его осудили зря, безъ доказанной вины. Приговоръ не долженъ быть ни строгъ, ни слабъ, онъ долженъ быть справедливъ, а справедливымъ

опъ можетъ быть тогда только, когда основанъ на доказательствахъ и обстоятельствахъ дѣла, а не на посторонпихъ соображеніяхъ; напротивъ увлекаясь этими соображеніями, вмѣсто достиженія предполагаемой цѣли, легко можно сдѣлать другое зло: осудить невиннаго, сдѣлать несправедливость и нарушить долгъ своей присяги; постороппія цѣли достигаются сами собою только справедливыми приговорами, осужденіемъ дѣйствительно виновнаго. Равнымъ образомъ не слѣдуетъ принимать во вниманіе, при разрѣшеніи вины, постороппія соображенія, увлекающія къ оправданію дѣйствительно виновнаго, какъ напримѣръ то, что кража сдѣлана у человѣка богатаго и только на этомъ основаніи оправдывать виновнаго. Словомъ при обсужденіи вины нужно имѣть въ виду прежде всего и болѣе

всего доказательства то есть тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ обстоятельствъ дѣла: пѣтъ доказательствъ—подсудимый долженъ быть оправданъ.

Поэтому выработалось общее правило: вина должна быть доказана, а не предполагается, пѣтъ доказательствъ, пѣтъ и вины. — Подсудимый предполагается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока не доказана его виновность. Таковъ законъ правды на судѣ; никто не можетъ быть наказанъ, не можетъ быть лишенъ правъ, безъ представленія противъ него ясныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ, удостовѣряющихъ въ томъ, что онъ совершилъ дѣйствіе, лишающее его правъ по закону. На томъ же основаніи принято за правило, что обвинитель обязанъ представить доказательства виновности, а подсудимый не обязанъ

доказывать свою невинность, пока не предъявлено противъ него доказательствъ. Было бы величайшею несправедливостью налагать тяжесть доказательствъ на подсудимаго; рѣдко подсудимый имѣетъ возможность представить доказательства, отвергающія виновность, такъ какъ большею частью нельзя доказать, что онъ не сдѣлалъ приписываемаго ему, поэтому отъ подсудимаго ожидается только опроверженіе доказательствъ обвиненія, какія представлены по дѣлу указаніе ихъ невѣрности или сомнительности; по уставу угол. судопроизводства даже молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе его вины (ст. 685). Но съ другой стороны, если подсудимый, послѣ доказательствъ обвиненія, ссылается на какое-нибудь прямое обстоятельство его оправдывающее, какъ напримѣръ,

если онъ ссылается на разстройство своихъ умственныхъ способностей, на необходимую оборону, въ которую онъ былъ поставленъ въ причиненіи другому наспльственныхъ дѣйствій, если говоритъ, что во время совершенія преступленія онъ находился, въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ совершено преступленіе, то такія обстоятельства должны быть доказаны подсудимымъ, а обвинитель имѣетъ право опровергать ихъ.

Обвинитель долженъ представить доказательства на полный составъ вины: 1) на то, что преступленіе дѣйствительно совершено и притомъ съ тѣми самыми признаками, какія даны закономъ преступленію, вмѣняемому въ вину-то есть долженъ доказать составъ преступленія, 2) на то, что преступленіе совершенное должно быть поставлено въ вину подсудимому то

сть что между дѣйствіемъ, составляющимъ преступленіе и подсудимымъ находится такая тѣсная связь, при которой совершеніе преступленія не можетъ бы приписано никому другому, кромѣ подсудимаго; 3) обвинитель обязанъ доказать, что преступленіе должно быть вмѣнено въ вину подсудимому то есть, что совершая преступленіе, онъ могъ сознавать, что дѣлаетъ злое дѣло и что воля его въ то время была свободна; по доказательства на эту часть вины должны быть представляемы и обсуждаемы въ такомъ случаѣ, когда въ дѣлѣ есть указанія, которыя рождаютъ сомнѣніе: дѣйствовалъ ли подсудимый съ разумѣніемъ, не была воля его стѣсняема какимъ-либо принужденіемъ; такъ напримѣръ, когда подсудимый былъ такъ пьянъ, что не понималъ, что дѣлалъ, когда особыя обстоятельства вынуж-

дали его дѣлать то, чего онъ не сдѣлалъ бы, если бы не находился подъ гнетомъ этихъ обстоятельствъ; самый законъ предполагаетъ въ малолѣткѣ до 17 лѣтъ недостатокъ полнаго разумѣнія, такъ что въ этомъ возрастѣ полное разумѣніе должно быть доказано обвинителемъ (уст. угол. суд. ст. 759).

Обратимъ особенное вниманіе на доказательства состава преступленія. Какъ вина, такъ и преступленіе никогда не предполагается, а непремѣнно должно быть доказано; такъ что если не доказано преступленіе, то не можетъ быть и вопроса о винѣ, и потому прежде чѣмъ спрашивать, виновенъ ли подсудимый въ преступленіи, нужно доказать, что совершены всѣ тѣ дѣйствія, которыя входятъ въ составъ преступленія, какъ напримѣръ, при кражѣ со взломомъ нужно доказать,

что было сдѣлано тайное похищеніе чужаго имущества и притомъ съ признаками насилія, которыя законъ относитъ ко взлому. Нерѣдко бываетъ что совершено не все преступленіе, а сдѣлано только покушеніе на него то есть преступное дѣйствіе уже начато, но недокончено, не сдѣлано всего того, что законъ признаетъ для цѣльнаго преступленія; напримѣръ дана отрава, но ядъ не подѣйствовалъ, и человѣкъ остался живымъ, или потому что ядъ былъ данъ въ малой долѣ, или потому что своевременно даны были средства, уничтожающія дѣйствіе яда. Для дѣйствительности покушенія должно быть доказано, что дѣйствіе было направлено именно на совершеніе преступленія, а не на что нибудь другое, на дѣло непреступное. Если не представлены доказательства состава преступленія, то присяжные

засѣдатели могутъ или оправдать подсудимаго, такъ какъ безъ доказательствъ дѣйствительности преступленія они не могутъ винить въ немъ подсудимаго, или обвинить его въ другомъ преступленіи, если оно доказано и если есть доказательства, что оно совершено подсудимымъ, а не кѣмъ-либо другимъ.

Обращаясь къ отдѣльнымъ случаямъ преступныхъ дѣяній, мы укажемъ, что часто приходится останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ на доказательствахъ состава преступленія въ подлогѣ и въ убійствѣ. Въ подлогѣ прежде всего необходимо доказать, что выдаваемое за истину ложно, такъ подпись на документѣ не сдѣлана тѣмъ лицомъ, которое названо въ немъ, въ документѣ сдѣланы подчистки, поправки, вмѣсто написаннаго или напечатаннаго прежде. Пока не дока-

занъ самый подлогъ, не возможно и обвиненіе въ немъ. Въ убійствѣ должны быть представлены доказательства смерти извѣстнаго лица: эти доказательства представляются прежде всего на мертвомъ тѣлѣ того самого лица, которое считается убитымъ, если нѣтъ трупа, то должны быть несомнѣнныя доказательства, что дѣйствительно умеръ тотъ человѣкъ, который признается убитымъ, такъ какъ случалось, что пропавшій безъ вѣсти человѣкъ оказывался потомъ живымъ. Далѣе нужны доказательства, которыя убѣдили бы присяжныхъ засѣдателей, что найденный трупъ есть дѣйствительно тѣло того самого лица, которое предполагается убитымъ; можетъ случиться, что найденный мертвымъ имѣлъ причиною смерти случай, болѣзнь, самоубійство, а почитаемый убитымъ живъ. Наконецъ должна быть

несомнѣнно доказана причина смерти отъ руки другаго человѣка, а не отъ самоубійства, несчастнаго случая или какой-либо естественной причины. Когда все это доказано, тогда только можно считать убійство доказаннымъ и рѣшить вопросъ виновенъ-ли въ немъ подсудимый или нѣтъ. Если же хоть одинъ изъ этихъ существенныхъ признаковъ убійства не доказанъ, то не можетъ быть рѣчи объ убійствѣ и нельзя винить въ немъ подсудимаго.

Что касается разумѣнія и воли подсудимаго, то нужны доказательства злаго умысла въ его дѣйствіи. Такъ въ кражѣ нуженъ умыселъ взять чужую вещь въ свою пользу, нужно доказать корыстную цѣль; въ мошенничествѣ умыселъ обмануть, чтобы воспользоваться чужою вещью, въ грабежѣ умыселъ отнять вещь или сдѣлать насиліе, для похищенія вещи; въ

убійствѣ умыселъ лишить жизни. Кромѣ умысла законъ указываетъ еще предумышленность, или заранѣе обдуманное и затѣмъ приведенное въ исполненіе намѣреніе совершить преступленіе, а по нѣкоторымъ преступленіямъ за предумышленное преступленіе законъ назначаетъ особое значительно усиленное наказаніе, такъ напримѣръ предумышленное убійство причиненіе увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Умыселъ въ отличіе отъ предумышленности законъ называетъ внезапнымъ побужденіемъ безъ предварительнаго намѣренія къ совершенію преступленія (улож. о наказ. ст. 105). Какъ умыселъ, такъ и еще болѣе предумышленность не предполагается, а должны быть доказаны выводами изъ обстоятельствъ дѣла, указывающихъ въ умыслѣ злонамѣрен-

пость, въ противоположность неосторожности и случаю, въ предумышленности злопамѣренность, возникшую не во время совершенія преступленія, а ранѣе, прежде чѣмъ начато дѣйствіе, входящее въ составъ преступленія. Особенное вниманіе должно быть обращено на тѣ обстоятельства и выводы изъ нихъ, которыми указывается на предумышленность, чтобы не смѣшать ее съ простымъ умысломъ и не отяготить вины подсудимаго признаніемъ заранѣе обдуманнаго намѣренія безъ достаточнаго основанія.

§ 47. Другое важное правило относительно доказательствъ заключается въ томъ, что обстоятельства, принимаемыя въ основу заключенія, вывода должны находиться въ тѣсной и несомнѣнной связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, которое изслѣдовано. Наибольшая часть доказательствъ въ уго-

ловномъ дѣлѣ состоитъ въ такъ называемыхъ уликахъ, то есть, въ такихъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ нельзя вывести прямого заключенія о совершеніи преступленія, о винѣ или невиппости подсудимаго, но которыя только въ связи съ другими приводятъ къ заключенію. Преступленія совершаются въ тайнѣ, прикрываются всѣми способами со стороны виновниковъ ихъ и нерѣдко самою природою, измѣняющею видъ вещей; поэтому правосудіе большею частью лишено возможности доставлять прямыя доказательства, изъ которыхъ прямо можно вывести заключеніе о совершеніи преступленія и винѣ; таковы признаніе самого подсудимаго, показанія свидѣтелей, при которыхъ совершено было преступленіе. Такія прямыя доказательства встрѣчаются рѣдко, чаще всего слѣдователю и суду приходится

прибѣгать къ косвеннымъ доказательствамъ и уликамъ; здѣсь нужно сдѣлать выводъ, заключеніе, которое вытекаетъ изъ связи между доказаннымъ обстоятельствомъ и тѣмъ обстоятельствомъ, которое нужно доказать. Эти обстоятельства получаютъ значеніе и силу доказательства тогда только, когда приводятъ къ выводу достовѣрному, надежному, а не гадательному. Для предостереженія отъ ошибочныхъ выводовъ установилось изложенное правило, чтобы между обстоятельствомъ, составляющимъ улику и обстоятельствомъ, въ которомъ содержится заключеніе, была тѣсная связь. Такъ напримѣръ доказано, что Ивановъ исчезъ внезапно, этимъ желаютъ доказать, что онъ убитъ; можно ли принять такую улику за доказательство? очевидно нѣтъ, потому что между исчезновеніемъ Иванова и убій-

ствомъ его нѣтъ тѣсной связи, эти два обстоятельства далеки одинъ отъ другаго; Ивановъ могъ уйти по какимъ-нибудь причинамъ никому неказавши, куда и за чѣмъ онъ уходитъ и остаться живымъ. Подсудимый Петровъ настигнутъ и взятъ близъ мѣста преступленія и тотчасъ по совершеніи съ орудіями, которыми повидимому оно совершено; такая улика составляетъ болѣе убѣдительное доказательство, чѣмъ первая, потому что взятіе Петрова вблизи мѣста и около времени совершенія преступленія съ орудіями, обличающими совершеніе его, находятся въ довольно тѣсной связи съ совершеніемъ преступленія Петровымъ. По этой связи обстоятельствъ, образующихъ улики, ихъ раздѣляютъ на улики близкія и отдаленныя, на достовѣрныя, вѣроятныя и сомнительныя.

Для опредѣленія силы и значенія косвенныхъ уликъ опытомъ добыто слѣдующее правило: улики могутъ служить основаніями для заключенія о виновности подсудимаго, когда обстоятельства, въ которыхъ ищутъ указанія виновности несовмѣстимы съ невинностью и не могутъ быть объясняемы никакимъ другимъ предположеніемъ кромѣ виновности. По тому свойству уликъ, которое ищетъ заключенія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, нельзя не сказать что съ уликами нужно обращаться осторожно, чтобы не поддаться такому выводу, который подлежитъ сомнѣнію. Поэтому должны быть отринуты тѣ улики, дающія предположенія, съ которыми могутъ имѣть мѣсто и другія предположенія. Для правильнаго приговора нужны такія вѣрныя заключенія, какія считаетъ достаточными человѣкъ, когда онъ

рѣшается на что-нибудь въ своихъ собственныхъ важныхъ дѣлахъ. Для предостереженія въ невѣрности выводовъ посредствомъ уликъ установилось правило считать для обвиненія за достовѣрныя только тѣ улики, которыя въ своихъ выводахъ представляютъ совершенную невозможность инаго разумнаго объясненія, кромѣ заключенія о виновности. Напротивъ, если изъ обстоятельствъ, поставленныхъ въ улику, можно вывести и другое заключеніе, неуказывающее на виновность, то такую улику нельзя считать достовѣрною. Улики убѣдительны, когда онѣ тѣсно связаны съ своими заключеніями и между собою, какъ звенья одной цѣпи, когда онѣ подкрѣпляютъ, пополняютъ и объясняютъ другъ друга; улики недостовѣрны, шатки и слабы, когда обстоятельства, ихъ составляющія, разъединены меж

ду собою, расползаются въ разныя стороны — одно говоритъ противъ подсудимаго, другое въ пользу его,— когда выводы изъ этихъ обстолтельствъ не тѣсно связаны съ ними, когда выводы изъ нѣсколькихъ обстоятельствъ не вяжутся между собою, когда изъ выводовъ не выходитъ несомнѣннаго заключенія ни противъ подсудимаго, ни за него. Для опредѣленія достовѣрности уликъ нужно имѣть въ виду: 1) чтобы обстоятельство, на которомъ строится улика, было само по себѣ достовѣрно, напримѣръ если заключеніе выводится изъ того обстоятельства, что на платьѣ подсудимаго найдены кровавыя пятна, то эта улика слаба, сомнительна, когда существованіе самыхъ пятенъ не вполнѣ доказано, а только выведено изъ того обстоятельства, что онъ сжегъ свое платье, таже улика становится

еще сомнительнѣе, когда самое сожженіе платья предполагается по найденнымъ въ печи слѣдамъ: 2) Чтобы обстоятельство, составляющее улику. относилось къ дѣйствію подсудимаго, а не другаго лица и притомъ къ дѣйствію, составляющему предметъ судебнаго слѣдствія, а не къ иному дѣйствію, напримѣръ: у подсудимаго найдена печать, оттискъ которой оказался на подложномъ актѣ; сила этой улики зависитъ отъ того, была ли у одного подсудимаго такая печать, или еще у кого-либо другаго; а также отъ того, былъ ли доступъ къ употребленію этой печати для кого либо другаго, кромѣ подсудимаго? На обвиняемомъ въ убійствѣ найдены раны, поставляемыя въ улику, какъ знаки сопротивленія его жертвы, сила этой улики зависитъ отъ того: могли ли раны произойти отъ другихъ причинъ

или не могли? не имѣлъ ли онъ драки съ кѣмъ-либо другимъ, а не съ убитымъ? Словомъ: провѣряя улики, присяжные засѣдатели могутъ несомнѣнно вѣрить тѣмъ, которыя представляютъ единственное разумное заключеніе, безъ всякого другаго.

Если является *какое-нибудь сомнѣніе* относительно связи между обстоятествами, поставленными въ улику или относительно вѣрности заключеній выводимыхъ изъ обстоятельствъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ лучше сдѣлать ошибку въ оправданіи, нежели въ обвиненіи подсудимаго, такъ какъ лучше освободить десять виновныхъ, нежели обвинить и подвергнуть наказанію одного невиннаго. Это правило, высказанное нашею мудрою Императрицею Екатериною II, поставлено въ основаніе ученія объ уголовныхъ судебныхъ доказательствахъ

всѣхъ странъ и выражается еще шире правиломъ, что всякое сомнѣніе въ уголовномъ дѣлѣ служитъ въ пользу подсудимаго, а не во вредъ ему. Это правило вытекаетъ изъ существа уголовнаго суда, обязаннаго принять всѣ мѣры и способы, чтобы не послѣдовало ошибочнаго осужденія обвиняемаго, признанія виновнымъ безъ вины: при постановленіи приговора не слѣдуетъ забывать, что отъ него зависитъ судьба не только подсудимаго, но его семьи, лицъ близкихъ ему, что дѣло идетъ о чести и счастьи человѣка, что слово «виновенъ» гонитъ человѣка въ тюрьму, въ рабочій домъ, въ каторгу, что ничѣмъ нельзя поправить судебной ошибки въ обвиненіи, что приговоръ присяжныхъ есть послѣднее слово, за которымъ всегда слѣдуетъ кара, на которое нѣтъ жалобы и которое въ рѣдкихъ случаяхъ

можетъ быть измѣнено. Ошибочный обвинительный приговоръ ропяетъ довѣріе общества къ справедливости и честности судей, давшихъ его, возмущаетъ общество противъ суда; несправедливо осужденный терпитъ зло безвинно, ожесточается противъ общества, и получивъ возможность вредитъ ему, нерѣдко вредитъ ему изъ мести за несправедливый приговоръ. Трудно исчислить цѣлый рядъ тѣхъ золъ, которыя могутъ послѣдовать отъ ошибки въ обвинительномъ приговорѣ. Вотъ почему простой, здравый смыслъ не можетъ не признать разумность правила, что всякое сомнѣніе обращается въ пользу подсудимаго. Въ Англіи, гдѣ даны всѣ средства къ правильному предварительному слѣдствію и преданію суду съ несомнѣннымъ основаніемъ къ обвиненію, гдѣ судъ присяжныхъ цѣлыми вѣками при-

выкъ взвѣшивать силу доказательствъ, не смотря на это, судьи постоянно совѣтуютъ имъ оправдывать подсудимыхъ, если имѣются основательныя причины сомнѣваться въ ихъ виновности (теорія косвенныхъ уликъ Ульза стран. 150—151).

Вышеизложенное правило объясняется и самымъ свойствомъ уликъ. Чтобы добиться убѣжденія, какъ доказательства вины, при уликахъ нужно дѣлать заключенія, въ которыхъ легко сдѣлать ошибки. Опытъ подтверждаетъ, что хотя улики нерѣдко бываютъ убѣдительны и сильны, но иногда обстоятельства, ведущія къ предположенію виновности, по видимому весьма вѣроятному, могутъ навлекать подозрѣніе на лицъ, въ самомъ дѣлѣ невинныхъ. Многія улики, кажущіяся достовѣрными признаками виновности, могутъ быть опровер-

нуты однимъ обстоятельствомъ, говорящимъ въ пользу подсудимаго; притомъ судъ часто можетъ не имѣть въ виду всѣхъ обстоятельствъ, которыми опровергаются улики обвиненія. Принявъ въ соображеніе крайнее невѣжество большей части нашихъ подсудимыхъ, непониманіе ими своего положенія въ судѣ, затрудненія для нихъ выискать способы къ опроверженію обвиненія въ предварительномъ слѣдствіи, которое дастъ содержаніе для преданія суду и судебнаго слѣдствія, легкость, съ которою составляются и провѣряются обвинительные акты, при множествѣ дѣлъ, трудность для многихъ подсудимыхъ найти хорошую защиту въ особенности въ мѣстахъ отдаленныхъ, новость нашего суда присяжныхъ, должно признать еще большую важность правила, что всякое разумное и добросовѣстное сом-

нѣніе, а тѣмъ болѣе въ косвенныхъ уликахъ, слѣдуетъ толковать въ пользу оправданія подсудимаго. Конечно здѣсь рѣчь идетъ о дѣйствительномъ сомнѣніи, а не воображаемомъ и доводимомъ до крайности; судъ человѣческій не можетъ требовать такой несомнѣнности, чтобы она исключала всякую возможность сомнѣнія; для суда достаточна такая очевидность, такая увѣренность, съ которою соединялась бы несообразность какого-либо другаго объясненія обстоятельствъ дѣла кромѣ выводимаго.

§ 48. Кромѣ этихъ общихъ правилъ, которыми руководствуются при повѣркѣ доказательствъ во время постановленія приговора, есть еще выработанныя опытомъ въ судебныхъ дѣлахъ правила о доказательствахъ, соображающіяся съ свойствами преступленій и видами доказательствъ.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ правилъ:

1) Первое мѣсто между ними занимаетъ то правило, по которому чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ сильнѣе и убѣдительнѣе должны быть доказательства. Важность преступленія измѣряется важностью вреда, имъ причиненнаго, цѣнностью тѣхъ благъ и правъ, которыя разрушаетъ преступленіе; съ этою важностью соразмѣряется и наказаніе подсудимаго. Правило это внушается простымъ благоразумiемъ, по которому рѣшаясь на болѣе важный шагъ, человѣкъ дѣлаетъ его осторожнѣе и осмотрительнѣе, чѣмъ въ мелкихъ случаяхъ жизни; въ дѣлѣ уголовномъ, рѣшая важную и тяжкую вину, судья требуетъ для своего убѣжденія вѣскихъ доказательствъ, чтобы не сдѣлать ошибки, послѣдствiемъ которой было бы тяжкое на-

казаніе лица невиннаго. Но изъ этого правила вовсе не слѣдуетъ, что въ дѣлахъ неважныхъ подсудимый можетъ быть осужденъ по сомнительнымъ, невѣрнымъ доказательствамъ; и въ этихъ дѣлахъ судебная ошибка не перестаетъ быть ошибкою, осужденіемъ невиннаго, никогда непозволительнымъ; ошибка эта только менѣе тяжка въ карѣ подсудимаго.

Прилагая изложенное правило къ составу преступленія къ признакамъ его слѣдуетъ требовать, чтобы преступленіе тяжкое было несомнѣнно доказано, хотя бы поведеніе подсудимаго было подозрительно. Поэтому въ убійствѣ слѣдуетъ съ особеннымъ вниманіемъ разсмотрѣть доказательства, которыя проводятся въ подтвержденіе причины смерти и разрѣшить вопросъ: можно ли безошибочно рѣшить, что смерть послѣдовала

отъ пасплія, съ намѣреніемъ лишить жизни, и признавать это доказаннымъ только тогда, когда обстоятельства дѣла не допускаютъ никакого другаго предположенія о причинѣ смерти. Особенную осторожность нужно соблюдать въ оцѣнкѣ заключенія врачей о причинѣ смерти и не принимать ихъ на вѣру 1) потому что заключенія врача представляютъ собою не прямое заявленіе о томъ, что онъ видѣлъ, а выводъ изъ усмотрѣнныхъ имъ на тѣлѣ признаковъ, сдѣланный по научнымъ соображеніямъ; 2) потому что судебная медицина, по правиламъ которой составляются врачебные заключенія, вообще не дошла далѣе предположеній нерѣдко спорныхъ въ самой наукѣ, достовѣрность этихъ заключеній много зависитъ отъ знаній и опытности врачей, которые иногда оказываются мало свѣдущими.

По этому врачебныя заключенія на столько вѣрны, на сколько подтверждаются другими обстоятельствами дѣла, и если не подтверждаются ими, а тѣмъ болѣе если опровергаются, то ихъ слѣдуетъ считать сомнительнымъ доказательствомъ того, о чемъ говорится въ заключеніи. Наибольшая трудность въ опредѣленіи истинной причины смерти представляется при отравленіи и дѣтоубійствѣ. Болѣзненные припадки и посмертныя явленія на трупѣ, сопровождающіе отравленіе, таковы, что ихъ можно приписать и другимъ причинамъ, поэтому они и не могутъ считаться несомнѣнными доказательствами отравленія; они должны быть непремѣнно подтверждены другими обстоятельствами дѣла. Такъ если заключеніе врача объ отравленіи подкрѣпляется совокупностью уликъ, тѣсно связанныхъ

между собою, какъ напримѣръ, местью, ненавистью, выгодами подсудимаго въ смерти жертвы преступленія, открытіемъ у него ядовъ, безъ удостовѣренія, что эти яды нужны были ему для другаго какого-нибудь употребленія, поспѣшностью погребенія, доказанною лживостью объясненій подсудимаго.

Трудность доказательствъ дѣтоубійства заключается: 1) въ признакахъ беременности, иногда весьма недостовѣрныхъ, если нѣтъ собственнаго признанія родильницы, такъ какъ нерѣдко бываетъ ложная беременность; здѣсь недостаточно однихъ предположеній, не подкрѣпленныхъ положительными доказательствами, такъ какъ если беременность недоказана, то убійство новорожденнаго ребенка той женщины, которую предполагаютъ родившею ребенка, болѣе чѣмъ сомнитель-

по; 2) нужны убѣдительныя доказательства въ томъ, что дитя родилось живымъ и жило собственною жизнью послѣ рожденія. Изслѣдованіе этого вопроса врачами лучше всего показываетъ, до какой степени сомнительны врачебныя заключенія: тѣ медицинскіе опыты, которые прежде считались несомнѣнными, теперь самою наукою признаются ошибочными, такъ проба легкихъ умершаго дитяти считается невѣрнымъ доказательствомъ. При томъ во время самыхъ родовъ легко можетъ послѣдовать смерть ребенка отъ многихъ естественныхъ причинъ, нисколько не доказывающихъ чьей-либо вины: роды весьма часто бываютъ трудны и оканчиваются рожденіемъ мертваго ребенка при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, но они безконечно труднѣе, при незаконныхъ и тайныхъ родахъ, липси-

ныхъ всякого пособія, вслѣдствіе побужденія стыда и страха. Кромѣ того доказательства преступленія должны быть еще болѣе убѣдительны, когда въ убійствѣ ребенка обвиняется сама мать: нужно слишкомъ много побудительныхъ причинъ, чтобы сама мать посягнула на жизнь своего ребенка; такое преступленіе поражаетъ своею неестественностью. Поэтому признается недостаточнымъ доказательствомъ и самое сокрытіе матерью мертваго ребенка; оно указываетъ только на особый проступокъ сокрытіе трупа и недонесеніе о смерти ребенка, если можно вмѣнить его матери въ вину.

§ 49. Разсмотримъ теперь отдѣльные виды доказательствъ, какъ способовъ удостовѣренія, установленныхъ тѣмъ порядкомъ, который указанъ закономъ. Сюда относятся:

1) *Осмотры*, произведенные полиціею, слѣдователемъ, судомъ безъ участія или при участіи свѣдущихъ людей. Для достовѣрности ихъ нужно, чтобы они были произведены по правиламъ, требуемымъ закономъ и притомъ надлежащими должностными лицами. Осмотръ лишается достовѣрности: 1) когда произведенъ несвоевременно: послѣ измѣненія и уничтоженія слѣдовъ преступленія; 2) когда протоколъ осмотра составленъ необстоятельно, безъ точнаго описанія видѣннаго при осмотрѣ; 3) когда при осмотрѣ не было понятыхъ, или когда содержащееся въ протоколѣ осмотра опровергнуто ими или другими свидѣтелями. Заключеніе свѣдущихъ людей можетъ имѣть силу достовѣрнаго доказательства при слѣдующихъ условіяхъ: когда сдѣланное ими заключеніе объяснено обстоятельно, подкрѣп-

лено научными или опытными основаніями, согласно съ достовѣрными обстоятельствами дѣла и записано въ протоколъ ими самими или съ ихъ собственныхъ словъ. При разногласіи между собою свѣдующихъ людей достовѣрнѣе то изъ нихъ, которое наиболѣе согласно со всѣми обстоятельствами дѣла; въ сомнительныхъ случаяхъ принимается за достовѣрное то, которое болѣе благопріятно для подсудимаго.

2) *Собственное признаніе подсудимаго* имѣетъ силу доказательства при слѣдующихъ вмѣстѣ взятыхъ условіяхъ: 1) когда оно точно и согласно съ обстоятельствами дѣла; 2) когда не представляется вымышленнымъ изъ какихъ-либо личныхъ видовъ и расчетовъ и 3) когда оно дано предъ судомъ. Признаніе подсудимаго можетъ имѣть силу доказательства толь-

ко по тѣмъ обстоятельствамъ, къ которымъ оно положительно относится; оно не можетъ подтверждать никакихъ выводовъ, не вытекающихъ прямо изъ словъ подсудимаго; такъ если подсудимый говоритъ, что онъ ударилъ убитаго, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ нанесъ смертельный ударъ, если самъ подсудимый не говоритъ о смерти.

Признаніе подсудимаго не можетъ быть убѣдительнымъ доказательствомъ его вины, если нѣтъ другаго удостовѣренія, что самое событіе преступленія дѣйствительно совершилось.

3) *Показанія свидѣтелей* могутъ быть почитаемы достовѣрными при слѣдующихъ вмѣстѣ взятыхъ условіяхъ: 1) когда показаніе свидѣтеля основано на удостовѣреніи его собственными чувствами, а не на догадкѣ, предположеніи или слухѣ отъ дру-

гихъ, то есть, когда онъ самъ видѣлъ или слышалъ то, о чемъ говоритъ; 2) когда свидѣтель по своему положенію и состоянію могъ видѣть и слышать то, о чемъ говоритъ; 3) когда нравственныя качества свидѣтеля, образъ его дѣйствій и отношенія его къ подсудимому и къ потерпѣвшему не возбуждаютъ сомнѣнія въ правдивости его показанія; 4) когда показаніе дано предъ судомъ или хотя и при слѣдствіи предварительномъ, но записано установленнымъ порядкомъ въ протоколъ и неопровергнуто на судѣ; 5) когда показаніе дано добровольно, безъ принужденія, угрозъ, обольщенія или обмана; 6) когда показанія свидѣтелей согласны съ другими свѣдѣніями по дѣлу по крайней мѣрѣ на столько, чтобы въ существенныхъ обстоятельствахъ не было противорѣчія. Разности въ пока-

запіяхъ свидѣтелей не составляютъ противорѣчія: 1) когда они не могли видѣть и слышать одно и тоже, потому что находились въ различномъ положеніи относительно предмета, о которомъ свидѣтельствуютъ, такъ напримѣръ, одинъ свидѣтель могъ быть въ одномъ мѣстѣ и видѣть то, чего не видѣлъ другой свидѣтель, находясь въ другомъ мѣстѣ; 2) когда показанія свидѣтей относятся къ различнымъ дѣйствіямъ, предметамъ и обстолтельствамъ, которыя только вмѣстѣ составляютъ преступленіе; напримѣръ: одинъ свидѣтель видѣлъ, какъ подсудимый отмыкалъ замокъ, другой видѣлъ, какъ онъ бралъ вещь. Когда же свидѣтельскія показанія не разнорѣчатъ, а противорѣчатъ одно другому такъ, что можно вѣрить только одному изъ нихъ, напримѣръ: когда одинъ говоритъ, что видѣлъ на платьи

подсуднмаго красное пятно, а другой, что онъ видѣлъ на томъ же мѣстѣ бѣлое пятно, то предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое заслуживаетъ болѣе вѣроятія по личнымъ качествамъ свидѣтеля, по мѣсту, гдѣ онъ находился по точности его показаній и по согласію показаннаго имъ съ извѣстными уже обстоятельствами дѣла. Въ случаѣ сомнѣнія принимаются показанія болѣе благопріятныя для подсуднмаго. Когда свидѣтели противорѣчатъ между собою въ одномъ какомъ-либо показаніи, но соглашаются въ другихъ показаніяхъ, то показаніе, утверждаемое ими единогласно, можно признать доказаннымъ, если достовѣрность его не зависитъ отъ несомнѣнности другихъ показаній, въ которыхъ оказываются противорѣчія; напримѣръ если свидѣтели говорятъ, что они видѣли,

какъ подсудимый дрался съ человѣкомъ, бывшимъ съ нимъ въ кабакѣ, но одни говорятъ, что этотъ человѣкъ былъ тотъ, трупъ котораго найденъ возлѣ кабака; другіе, что онъ похожъ на этого человѣка, а третьи, что онъ не похожъ на него; такія показанія о побояхъ не могутъ служить достовѣрнымъ доказательствомъ, что подсудимый билъ покойника, хотя и согласны въ томъ, что онъ билъ человѣка, бывшаго въ кабакѣ и что покойникъ былъ въ кабакѣ. Вообще показанія свидѣтелей, повидимому самыя вѣроятныя, при соображеніи доказательствъ, должны быть принимаемы осторожно. Нужно брать во вниманіе, не могъ ли свидѣтель забыть то обстоятельство, о которомъ говоритъ и вмѣсто этого прибавить свое, то, чего онъ не видалъ; нужно сообразить, могъ ли свидѣтель, по своему

положенію, въ которомъ находился при извѣстномъ событіи, хорошо видѣть или слышать то, о чемъ говоритъ. Иногда свидѣтель говоритъ неправду, прикрашиваетъ, преувеличиваетъ видѣнное и слышанное, незамѣтно для себя самого, когда онъ вѣритъ какому-нибудь ходячему слуху, хотя и не знаетъ, вѣренъ ли этотъ слухъ, когда находится подъ вліяніемъ своего сочувствія или несочувствія къ лицу, о которомъ говоритъ, увлекается пристрастіемъ, предрасположеніемъ; такъ евреи давали общій отзывъ о Христѣ: «что можетъ выйти хорошаго изъ Назарета». Свидѣтельскимъ показаніямъ нельзя вѣрить, если свидѣтели высказываютъ неизвѣстныя имъ обстоятельства, а только свои заключенія, не подтвержденныя видѣннымъ или слышаннымъ ими самими; свидѣтель долженъ говорить о томъ,

что онъ видѣлъ самъ, а не о томъ, что ему кажется и что онъ думаетъ.

Оговоръ одного подсудимаго относительно участія въ преступленіи другаго лица можетъ имѣть силу доказательства, когда онъ соотвѣтствуетъ вышеуказаннымъ условіямъ достовѣрности свидѣтельскаго показанія, и когда притомъ по дѣлу не обнаружено ни непріязненныхъ отношеній между оговорившимъ и оговореннымъ, ни какихъ-либо поводовъ къ подозрѣнію, что оговоръ сдѣланъ изъ корысти или изъ какой-либо выгоды, по стачкѣ подсудимыхъ между собою. Вообще давать вѣру оговору нужно съ большою осторожностью, а тѣмъ болѣе когда подсудимые находились уже въ тюрьмѣ, когда оговоръ не былъ сдѣланъ при первомъ допросѣ во время слѣдствія, когда подсудимый сначала оговорилъ одного, а потомъ оговари-

ваетъ другаго: въ оговорѣ очень часто замѣчается много лжи. Чтобы быть вѣроятнымъ, нужно, чтобы оговоръ подтверждался другими обстоятельствами дѣла.

Показанія подсудимаго, какъ возраженія противъ доказательствъ его виновности, могутъ значительно ослабить силу этихъ доказательствъ и привести къ оправданію, если только представляютъ какую-нибудь вѣроятность. Нельзя требовать отъ подсудимаго, чтобы онъ представлялъ такія же убѣдительныя опроверженія, какъ доказательства обвиненія; достаточно, если онъ сдѣлаетъ эти доказательства сомнительными.

Письменный документъ можетъ имѣть силу доказательства лишь тогда, когда нѣтъ сомнѣнія, что онъ вышелъ изъ рукъ писавшаго его лица въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ

представленъ къ дѣлу. Актъ или протоколъ, составленный въ присутственномъ мѣстѣ или у должностнаго лица установленнымъ порядкомъ, почитается достовѣрнымъ въ отношеніи ко всѣмъ дѣйствіямъ и обстоятельствамъ, о коихъ присутственное мѣсто или должностное лицо свидѣтельствуетъ по личному удостовѣренію, доколѣ противное не будетъ доказано. Свидѣтельство о преступленіи, сдѣланное въ частной перепискѣ или бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто или должностному лицу, непрежде признается дѣйствительнымъ, какъ по подтвержденіи свидѣтелемъ своего показанія въ судѣ. Найденныя у подсудимаго, но не имъ составленныя бумаги, обнаруживающія замышляемое или совершившееся уже преступленіе, могутъ служить доказательствомъ въ прикосновенности его къ

дѣлу лишь въ томъ случаѣ, когда есть несомнѣнныя улики, что онъ хранилъ у себя эти бумаги завѣдомо и съ противозаконною цѣлью. Составленныя самимъ подсудимымъ бумаги могутъ подкрѣплять только тогда его оправданія, когда не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ не были подготовлены имъ, для отклоненія отъ себя подозрѣнія или для сокрытія своей вины (объяснит. записка къ проекту устава угол. судопр. приложеніе къ ст. 701).

Къ числу доказательствъ не могутъ быть относимы: 1) повтореніе преступленія то есть обвиненіе подсудимаго въ такомъ же преступленіи, за которое онъ былъ уже разъ судимъ и наказанъ. Изъ этого послѣдняго обстоятельства пельзя сдѣлать никакого вывода, оно не можетъ служить даже предположеніемъ къ об-

винѣнію въ новомъ преступленіи, а предположеніе никогда не считается основаніемъ къ осужденію, потому что предполагать можно многое, предположеніе всегда гадательно, сомнительно. Изъ того, что подсудимый прежде уже судился и наказанъ за такое преступленіе, за которое преданъ снова суду, вовсе не слѣдуетъ, что онъ и второй разъ виноватъ; на вторую вину нужны такія же несомнѣнныя доказательства, какъ и на первую. 2) Дознаніе чрезъ окольныхъ людей о дурномъ поведеніи подсудимаго или такъ называемый повальный обыскъ рождаетъ только предположеніе и потому не можетъ служить доказательствомъ вины и подкрѣплять эти доказательства; но удостовѣреніе окольныхъ людей о честной жизни подсудимаго можетъ ослабить доказательства обвиненія, какъ опроверженіе со стороны подсудимаго.

По своему содержанію изложенные способы удостовѣренія могутъ содержать, какъ было сказано или *прямыя* доказательства, прямо наводящія на отвѣтъ о томъ, что онѣ говорятъ, или *косвенныя* такъ называемыя *улики*, когда изъ одного или нѣсколькихъ обстоятельствъ нужно сдѣлать заключеніе, чтобы составить убѣжденіе о винѣ или невинности подсудимаго, когда нужно прилаживать одно обстоятельство къ другому. Такъ напримѣръ, если обстоятельства дѣла подтверждаютъ, что подсудимый находился въ такихъ связяхъ, отношеніяхъ, до совершенія преступленія, такъ велъ себя, что изъ его поступковъ можно вѣрно заключить, что онъ имѣлъ побудительную причину къ совершенію преступленія; что подсудимый не только подчинялся вліянію этихъ причинъ,

но даже выразилъ ясно въ своихъ словахъ или дѣйствіяхъ намѣреніе совершить преступленіе, о которомъ идетъ дѣло; что онъ приготовилъ орудія, средства и выжидалъ случая совершить преступленіе, что по совершеніи преступленія въ его дѣйствіяхъ точно видно пользованіе выгодами отъ преступнаго дѣла (продажа имъ тѣхъ самыхъ вещей, которыя взяты при убійствѣ, кражѣ); если между приступнымъ дѣломъ и подсудимымъ самыми внѣшними знаками указывается связь (отпечатки слѣдовъ подсудимаго къ мѣсту, гдѣ совершено преступленіе, взятіе на этомъ мѣстѣ или близь него платья и другихъ принадлежащихъ ему вещей); всѣ эти обстоятельства составляютъ улики обвиненія, такъ какъ онѣ сами по себѣ не обличаютъ еще ни преступленія, ни вины подсуднмаго, а только заключе-

нія, изъ нихъ выводимыя, уличаютъ его.

§ 50. Выше были указаны правила, по которымъ взвѣшивается сила уликъ, убѣдительность ихъ или неубѣдительность ихъ. Разъяснимъ эти правила примѣрами.

Въ деревнѣ Полѣсовкѣ молодая женщина Марфа Сергѣева оставалась дома одна, а родители ея ушли въ поле жать хлѣбъ. Возвратившись домой около полудня они нашли свою дочь мертвою: горло ея было перерѣзано. Не было никакихъ основаній предполагать, что она зарѣзалась сама. Врачъ, осматривавшій рану, заключилъ, что она нанесена острымъ орудіемъ и притомъ, по положенію раны, человѣкомъ, державшимъ это орудіе въ лѣвой рукѣ. По вскрытіи тѣла покойной, оказалось, что она была беременна уже около 7 или 8 мѣсяцевъ, а

при осмотрѣ мѣстности, окружавшей домъ, найдены слѣды человѣка, какъ будто поспѣшно бѣжавшаго отъ него окольною дорогою чрезъ болото, въ которомъ для прохода были положены большіе камни. Оказалось, что отъ поспѣшности человѣкъ этотъ поскользнулся и оступился въ болото, при чемъ долженъ былъ замараться до самого колѣна. Отпечатки слѣдовъ измѣрены были весьма точно и съ нихъ былъ сдѣланъ снимокъ, при чемъ оказалось, что человѣкъ, оставившій эти слѣды, шелъ въ сапогахъ, подошвы которыхъ только что чинились и по мѣстному обычаю были набиты большими выпуклыми желѣзными гвоздями. По направленію слѣдовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены капли крови, а на калиткѣ, находившейся близъ дома, оказался отпечатокъ кровавой руки. Во время этого осмотра

еще не было никакихъ подозрѣній относительно лица, совершившаго преступленіе и даже не подозрѣвали, кто былъ отцомъ ребенка, которымъ покойница была беременна. При погребеніи убитой женщины присутствовало множество лицъ обоего пола.

Мѣстный полицейскій чиновникъ счелъ этотъ случай наиболѣе удобнымъ временемъ для открытія убійцы, предполагая совершенно справедливо, что преступникъ, для того, чтобы избѣжать подозрѣнія непремѣнно явиться на похороны. Съ этою цѣлью, немедленно послѣ погребенія, онъ созвалъ всѣхъ присутствовавшихъ мужчинъ, и велѣлъ снять и осмотрѣть ихъ обувь. При этомъ осмотрѣ одинъ сапогъ оказался весьма близко подходящимъ къ отпечаткамъ слѣдовъ, найденныхъ близъ дома покойной. Са-

погъ этотъ принадлежалъ учителю приходской школы; вслѣдствіе этого возникло подозрѣніе что учитель, будучи отцомъ ребенка покойной, совершилъ убійство для того, чтобы спасти себя отъ нареканій. Но при ближайшемъ осмотрѣ его сапога, оказалось, что онъ имѣлъ совершенно острый носокъ, между тѣмъ, какъ на отпечаткѣ слѣдовъ носокъ былъ нѣсколько скругленъ. Наконецъ, осмотрѣвъ всѣ бывшіе сапоги, нашли одинъ совершенно соотвѣтствующій отпечатку, какъ по-величинѣ, формѣ ноги, виду подошвы, такъ и по числу и самому расположенію гвоздей. Крестьянинъ Денисъ Ивановъ, которому принадлежалъ этотъ сапогъ, на вопросъ, гдѣ находился во время убійства, отвѣчалъ, повидимому безъ всякаго замѣшательства, что онъ впродолженіи цѣлаго дня, въ который

было совершено убійство, занимался хозяйскою работою, что было подтверждено его хозяиномъ и всѣми товарищами, бывшими на лицо. Такъ какъ это удостовѣреніе уничтожало всякое подозрѣніе, то онъ былъ оставленъ на свободѣ, но спустя нѣсколько дней обнаружились нѣкоторыя обстоятельства, возбудившія подозрѣніе снова, и молодой человѣкъ былъ взятъ и заключенъ подъ стражу. При допросѣ онъ сказалъ, что онъ лѣвша; сверхъ того когда на щекѣ его замѣтили нѣсколько царапинъ, онъ объяснилъ, что оцарапался нѣсколько дней тому назадъ, собирая въ лѣсу орѣхи. Онъ продолжалъ стоять на томъ, что весь день, въ который было совершено убійство, провелъ на хозяйской работѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста жительства покойницы; но при слѣдствіи оказалось, что

въ этотъ день утромъ онъ отлучался отъ работы на полчаса, (время было точно опредѣлено), что онъ заходилъ въ кузницу, подъ предлогомъ какой-то надобности, тогда какъ повидимому ея вовсе не было, и что эта кузница находилась въ той сторонѣ, гдѣ жила покойница. Одна молодая дѣвушка, жившая въ одной деревнѣ съ покойницею, сказала, что около времени совершенія убійства (вполнѣ совпадавшаго съ тѣмъ, въ которое подсудимый уходилъ отъ своихъ товарищей), она видѣла какого-то человѣка, весьма похожаго на подсудимаго, какъ по лицу, такъ и по одеждѣ, — который поспѣшно пробѣжалъ къ дому покойной, она не видала, какъ онъ возвратился назадъ, но впрочемъ онъ могъ обойти кругомъ небольшую возвышенность, за которою она не могла его видѣть; на той са-

мой тропинкѣ, гдѣ она видѣла этого человѣка и были найдены слѣды. Притомъ товарищи Иванова вспомнили, что утромъ въ этотъ день, они вмѣстѣ съ нимъ перевозили хозяйскія телѣги и что, проѣзжая лѣсомъ, который они указали, Ивановъ сказалъ имъ, что ему нужно забѣжать на одну минуту къ кузнецу, и просилъ взять его телѣгу. Они ждали его ровно полчаса, потому что двое изъ нихъ опредѣлили это время по церковнымъ часамъ и замѣтили Иванову, что онъ проходилъ болѣе времени, нежели обѣщалъ; онъ сказалъ имъ, что останавливался въ лѣсу и собиралъ орѣхи. Они замѣтили тогда, что штаны его около колѣнъ были запачканы грязью, какъ будто бы онъ оступился въ болото, и спрашивали его, куда онъ ходилъ. Онъ сказалъ, что попалъ въ болото, па

что нѣкоторые замѣтили, «что нужно быть помѣшаннымъ или пьянымъ, чтобы идти по болоту, когда по окраинѣ его идетъ сухая тропинка». По соображенію времени отсутствія Иванова съ разстояніемъ дома покойной отъ мѣста, гдѣ онъ оставилъ своихъ товарищей, оказывалось, что онъ могъ придти туда, совершить убійство и вернуться назадъ. Затѣмъ сдѣлали обыскъ, съ цѣлью отыскать штаны, бывшіе въ этотъ день на подсудимомъ. Они оказались запрятанными въ соломенной крышѣ того помѣщенія, гдѣ онъ спалъ; притомъ они были запачканы грязью, и на нихъ найдено было нѣсколько капель крови. Присутствіе крови подсудимый сначала объяснялъ тѣмъ, что нѣсколько дней тому назавъ у него шла кровь изъ носу, но когда ему замѣтили, что въ это время на немъ были

другіе штаны, то онъ сказалъ, что помогалъ пускать кровь лошади; но по слѣдствію обнаружилось, что онъ не только не участвовалъ въ этомъ кровопусканьи, но даже стоялъ такъ далеко отъ лошади, что кровь никакимъ образомъ не могла попасть на него. При разсмотрѣніи земли, приставшей къ штанамъ, оказалось, что она совершенно соотвѣтствуетъ почвѣ болота, находящагося близъ дома покойницы, и совершенно не похожа на болотистую почву, встрѣчающуюся въ другихъ мѣстахъ по сосѣдству. Отыскали сапожника, который не задолго передъ тѣмъ чинилъ сапоги подсудимаго, и тотъ положительно объявилъ, что предъявленные ему сапоги — именно тѣ самые, которые онъ недавно чинилъ. Сверхъ того оказалось, что Ивановъ былъ знакомъ съ покойницею, которую всѣ знали за слабо-

умную женщину; что однажды его видѣли съ нею въ лѣсу при такой обстановкѣ, которая возбудила подозрѣніе, что онъ находится съ нею въ связи, и что когда его дразнили связью съ такой женщиной, то онъ повидимому сильно стыдился и оскорбился. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи обнаружилось, что люди, сидѣвшіе рядомъ съ подсудимымъ въ то время, когда осматривали сапоги замѣтили, что онъ дрожалъ и казался чрезвычайно встревоженнымъ, и что въ промежутокъ времени между этимъ осмотромъ и его арестомъ, ему совѣтовали бѣжать, но онъ отвѣчалъ: «куда же я побѣгу?»

Изложенныя обстоятельства представляютъ цѣлый рядъ уликъ, приводящихъ къ несомнѣнной вѣроятности въ томъ, что убійство Марѳы Сергѣевой совершено Иваповымъ, а не

кѣмъ-либо другимъ. Изъ показаній свидѣтелей о знакомствѣ Иванова съ Сергѣевою и о свиданіи его съ нею въ лѣсу, указывавшемъ на любовную связь, а также о томъ, что онъ оскорблялся намеками на связь его съ женщиною слабоумною — даютъ заключеніе о побужденіи къ совершенію преступленія. Затѣмъ раскрыты другія обвиняющія подсудимаго обстоятельства, а именно, преступленіе совершенно лѣвшею и такимъ оказался подсудимый, промежутокъ времени отъ выхода его отъ товарищей до возвращенія къ нимъ представлялъ возможность совершить преступленіе, точное опредѣленіе времени подтверждаетъ эту возможность, — показанія подсудимаго, что онъ въ продолженіи того дня, когда совершено убійство, не отходилъ отъ работы, опровергнуты показаніями другихъ рабочихъ объ от-

лучкѣ Иванова и показаніемъ свидѣтельницы, видѣвшей его близъ мѣста преступленія, гдѣ найдены и слѣды сапоговъ, это доказательство вполнѣ подтверждается сходствомъ сапогъ съ отпечаткомъ отъ слѣдовъ, сокрытіе штановъ, въ которыхъ Ивановъ былъ въ день преступленія, слѣды на нихъ крови и земли, совершенно похожей съ землею болота, находящагося близъ мѣста преступленія, царапины, оказавшіяся на лицѣ подсудимаго, указывающія на борьбу съ нимъ убитой и наконецъ его разнорѣчивыя показанія,—всѣ эти обстоятельства даютъ заключенія о несомнѣнной связи убійства Сергѣевой съ обвиняемымъ Ивановымъ, при которой исчезаетъ возможность предполагать о его невинности и приводитъ къ выводу о виновности. Ивановъ былъ обвиненъ присяжными и послѣ объявленія при-

говора ихъ въ тюрьмѣ сознался, что Сергѣева убита имъ отъ позора, который онъ навлекъ на себя тѣмъ, что она была беременна отъ него. Другой примѣръ. Въ селѣ Никольскомъ во дворѣ крестьянина Ивана Федорова въ сараѣ найденъ висѣвшимъ трупъ жены его старухи Анны Ивановой. По осмотрѣ трупа на немъ не оказалось никакихъ знаковъ насилія; изъ этого врачъ заключилъ, что Анна Иванова сама повѣсилась; сосѣди и жившіе съ нею сыновья заявили, что отца ихъ не была дома два дня сряду, что наканунѣ открытія трупа Анна Иванова была особенно весела, пѣла пѣсни, а это случалось съ нею очень рѣдко, такъ какъ она жила съ мужемъ не въ ладу и убѣгала отъ него, что сыновья ея съ женами уѣзжали на работу, не ночевали дома и что возвратившись до-

мой утромъ, нашли мать висѣвшею на веревкѣ. Въ такомъ положеніи слѣдствіе было прекращено по недостатку признаковъ преступленія и обвиненія. Чрезъ годъ разнесся слухъ, что Анна Иванова убита своимъ мужемъ Иваномъ Федоровымъ и затѣмъ повѣшена и что на тѣлѣ Ивановой были боевые знаки. Поэтому слѣдствіе вновь начато, трупъ Анны Ивановой вынутъ изъ могилы, подвергнутъ новому врачебному освидѣтельствованію. При этомъ освидѣтельствованіи врачи нашли два подтека крови на лбу: по мнѣнію одного врача этотъ подтекъ крови произошелъ отъ удара по лбу, по мнѣнію другаго врача онъ могъ произойти и отъ другихъ причинъ по смерти; врачебная управа и медицинскій департаментъ, куда посылалась голова, отнятая отъ трупа, не дали положительнаго отвѣта о

причинѣ этихъ подтековъ, соглашаясь и съ тѣмъ и съ другимъ мнѣніемъ при чемъ объясняли, что подтеки могли произойти отъ сильнаго давленія крышки гроба. Общественное мнѣніе всего села обвиняло Ивана Федорова въ убійствѣ жены; поэтому онъ былъ арестованъ. При слѣдствіи онъ показалъ, что съ женою былъ въ ссорѣ и не жилъ съ нею, жилъ въ другомъ селѣ Покровкѣ но за три дня до смерти ея онъ пріѣзжалъ къ ней и помирился съ нею, за день до смерти уѣхалъ въ городъ и не возвращался два дня. Сосѣди Анны Ивановой подтвердили, что дѣйствительно за три дня до смерти ея Иванъ Федоровъ пріѣзжалъ въ село Никольское и потомъ его не видали тамъ, мирился ли онъ съ нею—имъ не извѣстно, но знаютъ, что онъ жилъ съ женою весьма дурно и билъ ее. Два

сына подсудимаго показали, что отецъ ихъ давно не живетъ съ матерью, вслѣдствіе ссоры ихъ между собою, имѣетъ въ селѣ Покровкѣ любовницу, что когда онъ пріѣзжалъ къ ней, то почти всякій разъ отецъ билъ мать, что за три дня до смерти ея отецъ пріѣзжалъ къ ней, не мирился, но и не ссорился съ нею, былъ ли онъ въ селѣ Никольскомъ по выѣздѣ ихъ на работу—имъ неизвѣстно, но убѣждены, что отецъ ихъ убилъ мать, онъ былъ человѣкъ жестокій, постоянно ссорился съ ними, билъ ихъ; тоже подтвердили и жены свидѣтелей. Иванъ Федоровъ опровергалъ показанія сыновей и утверждалъ, что они обвиняютъ его въ убійствѣ жены, какъ по враждѣ къ нему, такъ и потому что съ осужденіемъ его они ожидаютъ богатаго наслѣдства послѣ него. Федоровъ дѣйствительно былъ очень бо-

гатъ; въ семьѣ была постоянная ссора братьевъ между собою и дѣтей съ отцомъ изъ-за денегъ. Работникъ бывшій въ услуженіи у Федорова показалъ, что за день до смерти его жены онъ уѣзжалъ изъ дому, по куда именно—не знаетъ; слѣдствіе не раскрыло дѣйствительно ли Федоровъ былъ въ городѣ или нѣтъ. Федоровъ былъ преданъ суду за предумышленное убійство жены своей. При судебномъ слѣдствіи ничего новаго не раскрыто, обстоятельства дѣла остались тѣже, но сыновья еще болѣе стояли на томъ, что отецъ убилъ мать. Это дѣло даетъ возможность предполагать, что Анна Иванова была убита и что Иванъ Федоровъ виновенъ въ убійствѣ; но тѣмъ не менѣе доказательства представляются крайне сомнительными и не исключаютъ возможности заключить о невинности Федорова. Прежде всего

не доказано несомнѣнно, что Анна Иванова не сама повѣсилась, а была убита и потомъ повѣшена; заключенія врачей, несогласныхъ въ своихъ мнѣніяхъ, не приводятъ ни къ какому вѣрному заключенію о смерти Ивановой, рождаютъ лишь одни предположенія, которыя могутъ быть объясняемы и въ пользу и противъ подсудимаго; изъ разныхъ мнѣній о подтекахъ крови на лбу нельзя вывести положительнаго заключенія, что они произошли отъ удара, нанесеннаго съ умысломъ рукою человѣка; это заключеніе не можетъ подкрѣпляться обстоятельствомъ, что подсудимый дурно жилъ съ своею женою, такъ какъ это обстоятельство вовсе не говоритъ, отъ чего произошли подтеки крови. Что касается уликъ обвиненія, то доказано только, что Федоровъ дурно жилъ, ссорился съ своею же-

ною, былъ ее. Но это доказанное обстоятельство само по себѣ по отношенію къ убійству Ивановой представляетъ крайне сомнительную улику, не идущую далѣе предположенія, такъ какъ между доказаннымъ обстоятельствомъ и обстоятельствомъ рѣшаемымъ—убійствомъ нѣтъ никакой тѣсной связи; оно указываетъ только на побудительную причину къ убійству, но не на совершеніе убійства. Въ сравненіи съ другими обстоятельствами эта улика еще болѣе ослабѣваетъ: подсудимый сослался на то, что въ день смерти его жены онъ былъ въ городѣ, а не въ селѣ Никольскомъ, гдѣ она жила; это показаніе ничѣмъ не опровергнуто и потому заслуживаетъ вѣроятія. Затѣмъ увѣреніе сыновей подсудимаго въ томъ, что отецъ убилъ ихъ мать, не можетъ служить доказательствомъ, такъ какъ оно со-

ставляетъ предположеніе ихъ самыхъ, не подтвержденное другими обстоятельствами и выведенное только изъ того, что отецъ ссорился съ женою. Самое это увѣреніе теряетъ много въ достовѣрности отъ того, что взводящіе обвиненіе на отца сыновья жили съ нимъ не въ ладу и имѣютъ выгоду отъ обвиненія отца, такъ какъ при лишеніи его всѣхъ правъ состоянія за убійство, они наслѣдуютъ его имѣніе, изъ-за этого у нихъ были и ссоры. Наконецъ народная молва объ убійствѣ Федоровымъ своей жены не можетъ имѣть никакого вліянія на приговоръ, такъ какъ молва не есть доказательство и могла быть пущена въ ходъ съ злымъ умысломъ. При такихъ шаткихъ предположеніяхъ, безъ достовѣрныхъ уликъ, Федорова нельзя признать виновнымъ въ убійствѣ жены, тѣмъ болѣе что преду-

мышленное убійство жены есть самое тяжкое преступленіе, требующее для убѣжденія въ виновности сильныхъ доказательствъ.

Третій примѣръ. Крестьянка села Павловки Катерина Петрова обвинялась въ убійствѣ своей девятимѣсячной незаконнорожденной дочери. При освидѣтельствованіи трупа ребенка, врачъ усмотрѣлъ на головѣ его едва замѣтный знакъ удара какимъ-то твердымъ орудіемъ; имѣя въ виду поразительную худобу ребенка, врачъ заключилъ, что ребенокъ умеръ отъ истощенія голодомъ и что ударъ по головѣ былъ самъ по себѣ не смертеленъ. Сосѣди Петровой объявили, что она жестоко обращалась съ своими дѣтьми, мало кормила покойнаго ребенка, постоянно уходила въ городъ къ любовнику Семену, съ которымъ, будучи вдовою, прижила этого

ребенка и который потомъ женился на мѣщанкѣ дѣвушкѣ. Сынъ Петровой, рожденный отъ покойнаго ея мужа, мальчикъ 6 лѣтъ, при слѣдствіи разсказалъ, что мать кормила грудью свою дѣвочку только четыре мѣсяца, потомъ стала кормить хлѣбомъ и всѣмъ, что сама ѣла, перестала она кормить дѣвочку грудью потому что сама уходила въ городъ и оставляла дѣвочку на рукахъ этого мальчика: онъ кормилъ тѣмъ, что самому случалось ѣсть, иногда онъ самъ и дѣвочка не ѣли ничего цѣлый день, если кто-либо изъ сосѣдей не накормитъ ихъ. Мать часто бывала сердита, кляла и била дѣвочку, вспоминая при этомъ дядю Семена. Въ день убійства мать была зла, долго не давала ѣсть ему и дѣвочкѣ; когда стала варить обѣдъ, то разсѣрдившись на плакавшую дѣвочку, бросила ее на печь,

гдѣ лежали дрова, дѣвочка замолчала и когда мать ее взяла оттуда, то уже не была жива. Обвиняемая при освидѣтельствованіи трупа дѣвочки врачемъ и судебнымъ слѣдователемъ, лежала на постели, потомъ рванулась оттуда, стала скакать и кричать: «ой гуляетъ молодецъ, ой гуляетъ молодецъ!» Когда ее успокоили, то она сказала, что по крышѣ бѣгаетъ вѣдьма и мяукаетъ какъ кошка. Врачъ сталъ разспрашивать о ея жизни и здоровьи; на всѣ вопросы отвѣчала разумно, связно, на болѣзнь не жаловалась видъ имѣла совершенно здоровый; поэтому врачъ заключилъ, что она вполнѣ здорова, а причуды ея въ дѣйствіяхъ и нѣкоторыхъ словахъ составляютъ притворство. Два дня Петрова не могла быть подвергнута допросу, такъ какъ кричала, не отвѣчала на вопросы и произносила весь-

ма странныя слова, была очень безпокойна, хваталась за топоръ, который отнимали у ея. На распросы объ этихъ поступкахъ Петровой, сосѣди объявили, что прежде въ ея дѣйствіяхъ и словахъ не замѣчали ничего особеннаго, необыкновеннаго; что она была очень зла и только если разсердится, то говоритъ неладно; мужа она не любила, по смерти его разорила всѣ его достатки на любовника, а дѣтей пустила по міру. Мѣстный священникъ показалъ, что Катерину Петрову онъ часто посѣщалъ, по ея приглашенію читать надъ нею молитвы, она часто исповѣдывалась, въ поступкахъ и словахъ ея онъ иногда замѣчалъ странности. Такъ она просила къ себѣ и послѣ молитвы приглашала закусить, а потомъ объявляла, что у ея нечего ѣсть; разъ вывернула кадку съ капустою,

другой разъ плясала по улицѣ и кричала; однажды во время богослуженія въ церкви крикнула: «ой боюсь діакона!» Діаконъ ей ничего не сдѣлалъ и сама она потомъ дивилась, почему перепугалась діакона. Въ день смерти дѣвочки Петрова приходила къ нему священнику объявила о смерти дѣвочки и просила похоронить ее, ушла, а потомъ возвратилась и сказала; «не знаю, что-то будетъ моей душѣ». О томъ что дѣвочка убита священникъ узналъ отъ сотскаго и объявилъ о томъ полиціи. Дьяконъ подтвердилъ, что Катерина Петрова дѣйствительно разъ кричала въ церкви; а два крестьянина засвидѣтельствовали, что они видѣли, какъ она плясала зимою по улицѣ. Подвергнутая допросу на третій день Петрова, находясь въ спокойномъ состояніи созналась въ убійствѣ своей дочери,

отвѣчала на всѣ вопросы здраво, ясно, отчетливо, и показала: овдовѣвъ, она полюбила работника своего мужа кузнеца Семена, жила съ нимъ полтора года и прижила дочь. По рожденіи ея, первые три мѣсяца она очень любила дѣвочку, кормила ее грудью, а потомъ когда Семенъ отошелъ отъ нея и сталъ свататься въ городѣ, она стала ненавидѣть дѣвочку, которая казалась ей вѣдьмою, перестала ее кормить грудью, оставляла съ малолѣтнымъ сыномъ своимъ, а сама уходила въ городъ къ Семену. Когда же онъ женился на дѣвушкѣ, то она стала еще больше не любить дѣвочку, проклинать, а иногда и бить. Дней пять тому назадъ, она готовила обѣдъ, дѣвочка кричала, она разсердилась на нее и взявъ изъ колыбели, бросила ее на печку, гдѣ лежали дрова, бросила съ тѣмъ, чтобы убить ее; дѣ-

вочка отъ этого умерла. Она хотѣла скрыть убійство и пошла къ священнику просить его о погребеніи, сказала ему, что дѣвочка умерла отъ простуды. Теперь она раскаивается въ своемъ преступленіи и готова вынести наказаніе. Жила она неладно, хозяйство не велось, что она дѣлала и говорила два дня тому назадъ—не помнитъ; «если я говорила что-нибудь и кричала въ церкви, видно такъ Богъ велѣлъ» — отвѣчала Петрова. При вторичномъ допросѣ, въ присутствіи врача и могихъ лицъ она разсказала все относительно убійства дѣвочки подробно, подтвердила свое признаніе, говорила ясно, разумно. Врачъ, выслушавъ сбстоятельства дѣла, остался при своемъ мнѣніи, что Петрова находится и находилась въ здравомъ умѣ; нѣкоторыя же странности ея словъ и поступковъ не доказы-

ваютъ разстройства ума при совершеніи преступленія. Подсудимая была подвергнута освидѣтельствованію и шестимѣсячному наблюденію врача надъ ея умственными способностями, врачамъ были предъявлены всѣ акты слѣдствія; при всемъ томъ врачи настаивали, что, по мнѣнію ихъ, умственныя способности Катерины Петровой не разстроены, странные же поступки ея и слова не могутъ быть отнесены къ разстройству ума. Дѣло о Петровой уже готово было къ слушанію, какъ совершенно неожиданно врачъ донесъ суду, что Петрова сошла съ ума и что сумасшествіе ея дошло до бѣшенства; въ этомъ состояніи она и умерла потомъ. Тогда только врачи и въ особенности послѣ освидѣтельствованія ея черепа и мозга, признали, что она страдала сильнѣйшимъ разстройствомъ умственныхъ

способностей и притомъ съ дѣтства. Въ этомъ дѣлѣ доказательства преступленія и виновности подсудимой не представляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но присяжнымъ засѣдателямъ предстоялъ для разрѣшенія юридическій вопросъ: можетъ ли быть это преступленіе вмѣнено въ вину Петровой то есть дѣйствовала ли она съ разумѣніемъ и свободною волею? въ настоящемъ случаѣ вопросъ этотъ не представляетъ затрудненія въ рѣшеніи, его рѣшенію помогла сама Петрова—обнаруженіемъ полнаго сумасшествія, доходившаго до бѣшенства, въ которомъ убѣдились наконецъ и врачи. Но не случись этого, для присяжныхъ было бы весьма много труда рѣшить: можно ли умыселъ Петровой лишить жизни малолѣтнюю дочь—признать злымъ въ уголовномъ значеніи этого слова то есть

разумнымъ и свободнымъ. Въ обстоятельствахъ дѣла находится много данныхъ и доказательствъ для рѣшенія этого вопроса. Прежде всего неестественность самого преступленія—убійства матерью своего ребенка; борьба съ чувствомъ матери, родившей и кормившей грудью ребенка, столь велика, что для подавленія этого чувства нужно крайнее развращеніе всего человѣческаго въ душѣ человѣка или же такое помраченіе ума которое при самомъ приступѣ къ убійству не давало возможности разбирать зло это или добро, дурное или хорошее дѣло, такое состояніе ума отнимаетъ свободу выбора, тотъ расчетъ, которымъ руководится умышленный преступникъ: сдѣлать зло, заключающееся въ преступленіи, со всѣми его послѣдствіями, подавить свою совѣсть и подвергнуться по крайней мѣрѣ боль-

шой опасности преслѣдованія, суда и наказанія, или не дѣлать зла, отказаться отъ преступленія и притомъ отъ той цѣли, для достиженія которой совершается преступленіе. Рѣшимость человѣка много зависитъ отъ побудительной причины, приводящей къ преступленію. Въ данномъ случаѣ побудительная причина не ясна: Петрова перестала любить ребенка, потому что ей измѣнилъ любовникъ. Но ради этого еще не было надобности лишать дочь жизни, смертью ребенка не возвращалась привязанность любовника. Сама Петрова заявляетъ, что дѣвочка показалась ей вѣдьмою; показаніе это ничѣмъ не опровергнуто. То обстоятельство, что Петрова имѣла разныя странныя понятія, несвойственныя разумному человѣку, подтверждается ея странностями, несообразными съ здравымъ умомъ, въ

словахъ и еще болѣе въ поступкахъ. Наконецъ нельзя не обратить вниманія на легкость, съ которою она рѣшается и совершаетъ убійство. Все это взятое втѣстѣ, можетъ вести къ заключенію, что преступленіе совершено Петровою въ такомъ состояніи ума и воли, при которомъ нельзя признать убійство дѣйствіемъ человѣка разумнаго и свободнаго, а слѣдуетъ признать дѣяніемъ человѣка душевно больнаго, неподлежащаго вмѣненію. Но такому выводу противорѣчитъ заключеніе врачей, по которому Петрова не признается разстроенною въ умѣ. Это заключеніе, опровергнутое самою Петровою, ясно доказываетъ, какъ легко могутъ ошибиться врачи въ своихъ мнѣніяхъ объ умственныхъ способностяхъ и какъ осторожно нужно принимать эти мнѣнія за истину, чтобы не сдѣлать тяжкой ошибки

въ приговорѣ, осудивъ человѣка, которому нужна больница, а не тюрьма, который не отвѣчаетъ за свои дѣйствія; какъ нужно взвѣшивать обстоятельства дѣла, а не довѣряться однимъ отзывамъ врачей.

§ 51. Изъ всего изложеннаго о доказательствахъ, оказывается, что онѣ главнымъ образомъ должны служить основаніемъ приговора, что ихъ нужно держаться, чтобы не ошибиться въ приговорѣ, что убѣжденіе о виновности до тѣхъ поръ крѣпко и прочно, пока крѣпки и прочны доказательства, и что отвѣтъ присяжныхъ «невиновенъ» очень часто означаетъ: мы сомнѣваемся въ виновности. Но если по дѣлу даны полныя, очевидныя доказательства, напримѣръ: собственное признаніе, то имѣютъ ли право присяжные засѣдатели оправдать подсудимаго? Вопросъ этотъ кажется весь-

ма страннымъ и обличаетъ совершенное непониманіе значенія суда присяжныхъ; потому что если законъ отдалъ рѣшеніе участи подсудимаго на совѣсть 12 человѣкъ, избранныхъ изъ лучшихъ людей, присягнувшихъ дать приговоръ по одному лишь внутреннему убѣжденію, безъ указанія въ немъ основаній этого убѣжденія; то невозможно, чтобы тотъ же законъ устанавливалъ какую-либо обязанность обвинять въ извѣстныхъ случаяхъ, а не оправдывать; приговоръ присяжныхъ не подлежитъ и не можетъ подлежать никакому ограниченію въ отрицательномъ или положительномъ отвѣтѣ на вопросъ, такъ какъ не можетъ быть провѣряемъ и нельзя знать, почему они отвѣчали такъ, а не иначе. Законъ не говоритъ присяжнымъ засѣдателямъ: обвините при такихъ-то доказательствахъ, если бы законъ

требовалъ этого, то онъ сдѣлалъ бы невозможнымъ проявленіе существеннаго условія всякаго суда правдиваго—свободы совѣсти, внутренняго убѣжденія; законъ говоритъ: опредѣлите вину или невинность подсудимаго по вашему убѣжденію согласному со всѣми обстоятельствами дѣла, подчиняйтесь только этому убѣжденію, каково бы оно ни было (уст. угол. суд. ст. 804). Не смотря на такую ясность и закона и основаній суда присяжныхъ, нерѣдко высказывается мнѣніе, что они должны обвинить подсудимаго при несомнѣнныхъ доказательствахъ вины: люди, говорящіе это, желая добиться обвинительныхъ приговоровъ во что бы то ни стало, часто роются въ тайникахъ совѣсти, для нихъ невѣдомыхъ, берутся подкапывать основы, безъ которыхъ судъ обращается въ насиліе и грубый произволъ, рыть

лму для другихъ, въ которую сами могутъ упасть. Присяжные засѣдатели иногда оправдываютъ сознавшагося подсудимаго потому что въ самомъ признаніи нѣтъ законныхъ признаковъ того преступленія въ которомъ обвиняется подсудимый, здѣсь нѣтъ вины, потому что событіе не подходитъ подъ законъ, или не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго ни для общества ни для правительства, или потому, что они видѣли въ немъ человѣка, вовлеченнаго въ преступленія несчастно сложившимися для него случайностями, сдавленнаго гнетомъ обстоятельствъ, устранить которыя не во власти человѣка, гнетомъ тяжкихъ условій жизни, всего накопившагося прошлаго и другихъ причинъ, вызвавшихъ, вынудившихъ на преступленіе, въ этомъ случаѣ нѣтъ вины, такъ какъ нѣтъ воли надъ дѣйствіями; или потому что подсудимый

по своему положенію или развитію не могъ понимать преступнаго свойства того дѣянія, въ которомъ его обвиняютъ, здѣсь нѣтъ вины, такъ какъ нѣтъ разумѣнія; или наконецъ потому что подсудимый долговременнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ или другими страданіями вынесъ съ избыткомъ ту кару, которую онъ заслужилъ за свою маловажную вину, и потому обвинительный приговоръ, влекущій за собою новую кару, былъ бы уже несправедливостью, такъ какъ и съ вола двухъ шкуръ не дерутъ. Присяжные безъ всякихъ внушеній знаютъ свою клятву не оправдывать виновнаго и не осуждать невиннаго (уст. угол. суд. ст. 666); но, какъ люди, могутъ сдѣлать ошибку въ обвиненіи или въ оправданіи подсудимаго. Для просвѣщенныхъ государствъ, гдѣ судъ присяжныхъ вѣками окрѣпъ, и для раз-

витыхъ людей, видящихъ въ этомъ судѣ изъ всѣхъ придуманныхъ человѣчествомъ формъ уголовнаго правосудія самую совершенную, страшна ошибка не столько въ оправданіи, сколько въ обвиненіи подсудимаго безъ вины; но какова бы то ни была ошибка, они изъ частныхъ случаевъ не будутъ выставлять пугала, не станутъ возводить эти случаи въ общее правило о какой-то обязанности присяжныхъ по какому-нибудь дѣлу обвинить или оправдать подсудимаго по заказу, не по внутреннему убѣжденію, не станутъ рыться въ совѣсти присяжныхъ, гадая, почему они оправдали или обвинили.

§ 52. Мы были бы неправы, сдѣлали бы ошибку подобную высказанной сейчасъ, если-бы увѣряли, что мѣркою приговора присяжныхъ засѣдателей должны служить только общія положенія объ уголовномъ законѣ въ примѣненіи его къ данному случаю и о

силѣ доказательствъ. Для этого не нужепъ былъ бы судъ присяжныхъ; нужны были бы ученые судьи, юристы, которымъ, по ихъ опытности и знаніямъ, легче было бы справиться и съ закономъ и съ силою доказательствъ. Но не на эту опытность въ дѣлахъ уголовныхъ расчитываетъ законъ, когда учреждаетъ судъ присяжныхъ; законъ имѣетъ въ виду дать въ присяжныхъ такихъ судей, которые болѣе знакомы съ жизнью, чѣмъ ученый судья, ближе его стоятъ къ жизни и которые поэтому будутъ руководствоваться въ своихъ приговорахъ не однимп общими правилами, но и житейскимъ опытомъ, освѣщающимъ эти общія правила, умѣющимъ оцѣнить и взвѣсить подлежащій судебному приговору поступокъ сообразно съ тѣми особенными свойствами, чертами, которыя именно ему принадлежатъ; проникнутый житейскимъ опытомъ, присяжный

засѣдатель рѣшитъ дѣло не по однимъ общимъ правиламъ, выведеннымъ изъ другихъ случаевъ и дѣлъ, но и по тому житейскому взгляду, который онъ усвоилъ себѣ, сталкиваясь съ людьми въ разныхъ отношеніяхъ, вглядываясь не въ книгу, а въ то, какъ люди думаютъ, рѣшаются, дѣйствуютъ въ данное время и при тѣхъ житейскихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся, всмотрится ближе во всѣ нравственныя качества подсудимаго и рѣшитъ его поступокъ человѣчнѣе, проще, ближе къ той правдѣ, въ которой вращается самъ судья присяжный. Онъ не станетъ гнуть все подъ одну букву закона, а будетъ соображать законъ съ житейскимъ его смысломъ; онъ рѣшитъ вѣрнѣе и правдивѣе, чѣмъ ученый судья, видѣлъ ли подсудимый, совершая преступное дѣло, что въ этомъ дѣлѣ есть нарушеніе права, нравственности и насколько онъ могъ

видѣть и сознавать это, въ какое положеніе онъ поставленъ былъ; эта провѣрка всякаго отдѣльнаго случая житейскимъ опытомъ особенно важна напримѣръ по обвиненію въ превышеніи необходимой обороны, въ угрозахъ, въ дѣяніяхъ зависящихъ отъ степени развитія человѣка.

Конечно для пониманія закона и опредѣляемыхъ имъ признаковъ преступленія нужны научныя знанія и опытность ученаго судьи, но весьма многія понятія о преступленіи могутъ быть уяснены только житейскимъ опытомъ, такъ какъ онѣ изъ него взяты, такъ какъ въ самомъ уголовномъ законѣ нѣтъ ихъ опредѣленія: такъ въ законѣ часто упоминаются оскорбленіе, общественная нравственность, выгода, корысть, присвоеніе, запертое хранилище, коварство, вражда, крайность, кража, ночное время, драка,

тяжкая рана, орудіе угрожающее опасностью для жизни, пасліе, пожаръ, безпечность, обезображеніе, членовредительство, документъ, распространеніе, ядъ, принужденіе отъ превосходящей силы и тому подобныя. Конечно эти понятія могутъ быть опредѣлены и толкованіемъ ученаго судьи, но такое толкованіе было бы слишкомъ общее отставало бы отъ народнаго пониманія, внѣ судейской комнаты; присяжные засѣдатели, исходящіе изъ различныхъ слоевъ общества, могутъ проще и вѣрнѣе опредѣлить эти понятія закона, соображаясь съ житейскимъ опытомъ. Даже старые, закрытые суды наши по отношенію къ дуели высказывали тотъ человѣчный взглядъ, что это преступленіе столь связано съ понятіемъ свойственнымъ исключительно людямъ образованнымъ что обстоятельства дѣла нерѣдко со-

ставляютъ причину, *объясняющую* а потому и *уменьшающую* важность преступленія. Только присяжные, знающіе жизнь, могутъ оцѣнить эти объясняющія и уменьшающія вину обстоятельства, эти пружины преступленій.

Еще болѣе пониманія присяжные засѣдатели могутъ внести изъ самой жизни и своихъ наблюденій, въ соотвѣтственный съ ними приговоръ свой, когда имъ придется примѣнять законъ къ тому случаю, который разрѣшается. Въ этомъ отношеніи общія понятія юридическія могутъ уяснить дѣло, въ общихъ его чертахъ, но не могутъ дать того, что требуется для вѣрнаго разрѣшенія всѣхъ особенностей разсматриваемаго случая разбираемаго дѣла. Только всесторонній житейскій опытъ подскажетъ присяжнымъ правдивое рѣшеніе; только этимъ опытомъ они могутъ проникнуть въ душу подсу-

димаго, на сколько возможно проникать постороннему человѣку въ душу другаго, только этимъ опытомъ они могутъ оцѣнить особенности судимаго лица, его житейскаго положенія, его характера, умственнаго и нравственнаго развитія, особыя обстоятельства, при которыхъ онъ совершилъ преступленіе, только при помощи этого опыта они могутъ сообразить какъ умъ и воля въ немъ работали, выступаетъ ли въ его поступкѣ злость, хитрость, коварство или напротивъ добродушіе, слабоуміе, слѣпое невѣжество. Всѣ эти особенности разбираемаго дѣла и обвиняемаго человѣка сообразятъ присяжные засѣдатели, руководясь знаніемъ жизни, человѣческимъ чувствомъ и навыкомъ въ оцѣнкѣ людскихъ дѣйствій и помышленій. Присяжнымъ нерѣдко приходится для правильнаго рѣшенія, приподнимать

завѣсу, за которою скрывается вседневная жизнь извѣстнаго общественнаго круга, заглянуть въ водоворотъ, который втягиваетъ людей со всѣми ихъ помыслами, нуждами, желаніями и по этому водовороту судить чѣмъ и на сколько виноватъ отдѣльный человѣкъ, сколько могъ онъ противиться общему потоку, судя по особымъ личнымъ качествамъ подсудимаго. На вѣсахъ судьбы подсудимаго иногда чашка неудобствъ его общественнаго или семейнаго положенія перевертываетъ чашку неудобствъ наказанія. Въ самую оцѣнку доказательствъ житейскій опытъ присяжныхъ засѣдателей вноситъ новый свѣтъ, свою смѣтку: озаренные этимъ свѣтомъ они съумѣютъ дать вѣру тому, что заслуживаетъ вѣроятія и отказать въ довѣріи къ такимъ показаніямъ и свѣдѣніямъ, которыя только по обряду и

формѣ кажутся вѣрными. Приговоръ присяжныхъ засѣдателей, провѣренный житейскимъ опытомъ ихъ будетъ справедливъ, такъ какъ онъ будетъ сообразенъ съ народнымъ пониманіемъ закона и правды; въ такіе приговоры и вѣритъ народъ.

Такимъ образомъ убѣжденіе присяжныхъ засѣдателей складывается не по однимъ общимъ правиламъ о законѣ и доказательствахъ, но и по житейскому опыту.

§ 53. Возвращаемся къ порядку совѣщанія присяжныхъ засѣдателей. Законъ говоритъ: *старшина присяжныхъ засѣдателей, какъ предсѣдатель ихъ присутствія, наблюдаетъ за порядкомъ совѣщаній и разсужденія уклоняющіяся отъ дѣла, направляетъ къ постановленнымъ вопросамъ* (уст. угол. суд. ст. 807). Этотъ законъ прежде всего опредѣляетъ значеніе старшины

присяжныхъ засѣдателей; онъ называетъ его предсѣдателемъ присутствія ихъ. Отсюда видно, что положеніе старшины присяжныхъ соотвѣтствуетъ положенію предсѣдателя суда; онъ наблюдаетъ за порядкомъ совѣщаній и разсужденій. Вообще ему, какъ предсѣдателю, поручено закономъ охраненіе наружнаго порядка въ составѣ присяжныхъ засѣдателей, когда они совѣщаются, разсуждаютъ и рѣшаютъ дѣло. По этому положенію, онъ имѣетъ право прекратить разговоръ, не относящійся къ дѣлу, когда о немъ совѣщаются присяжные засѣдатели, остановить того изъ нихъ, который своимъ отзывомъ мѣшаетъ другому высказаться вполнѣ, начинаетъ говорить прежде, чѣмъ другой окончитъ. Охраненіе старшиною порядка рѣчей и совѣщаній очень важно при нашемъ неумѣньи молчать въ то время, ког-

да кто-либо говоритъ: въ совѣщаніи и разсужденіи тогда только можетъ быть толкъ, когда терпѣливо выслушиваютъ до конца говорящаго и не прерываютъ его. Старшина рѣшаетъ: слѣдуетъ ли признать совѣщанія и разсужденія конченными или нѣтъ; но онъ не имѣетъ права останавливать совѣщанія и разсужденія, если они продолжаются, такъ какъ каждый присяжный засѣдатель имѣетъ право требовать, что бы его выслушали другіе. Но далѣе наблюденія наружнаго порядка права старшины не идутъ: онъ не можетъ своею властью лишить кого либо голоса, онъ не можетъ признать свое мнѣніе рѣшающимъ дѣло или важнѣе другихъ мнѣній. Даже по отношенію къ наружному порядку законъ не далъ старшинѣ никакой карательной власти; въ случаѣ недоразумѣній и споровъ о наружномъ

порядкѣ старшина долженъ собрать голоса, мнѣнія, и спорный вопросъ рѣшается по большинству голосовъ. Далѣе законъ напоминаетъ, чтобы совѣщанія и разсужденія относились къ постановленнымъ вопросамъ то есть къ обстоятельствамъ дѣла; присяжные засѣдатели не должны мѣшать правильному обсужденію и разрѣшенію дѣла сообщеніемъ о посторонннихъ предметахъ. Совѣщанія и разсужденія о дѣлѣ, какъ показываютъ самыя слова, должны заключаться не въ одной рѣчи и объясненіи старшины; въ нихъ должны участвовать всѣ присяжные засѣдатели, разрѣшать свои недоразумѣнія. Сенатъ призналъ существеннымъ нарушеніемъ закона даже частный разговоръ одного присяжнаго засѣдателя съ предсѣдателемъ суда въ залѣ засѣданія по выходѣ другихъ присяжныхъ въ совѣщательную комнату, такъ

какъ законъ счелъ нужнымъ оградить подсудимаго отъ неправосудія, а самое рѣшеніе присяжныхъ отъ всякаго нареканія, съ тѣмъ чтобы подсудимый не могъ имѣть повода сомнѣваться въ томъ, что участь его рѣшена неправосудно, подъ постороннимъ вліяніемъ, во вредъ ему (угол. касс. рѣш. 1870 г. № 1196). Равнымъ образомъ сенатъ нашелъ существенное нарушеніе закона въ томъ, что судебный приставъ по собственному усмотрѣнію входилъ въ комнату присяжныхъ во время совѣщанія ихъ, такъ какъ входъ въ совѣщательную комнату присяжныхъ и даже выходъ изъ нея не допускаются безъ разрѣшенія предсѣдателя (угол. кас. рѣш. 1870 г. № 66).

§ 54. *Послѣ окончанія своихъ разсужденій, присяжные засѣдатели подаютъ голоса изустно по каждому вопросу отдѣльно. Старшина присяж-*

ныхъ, собирающій голоса, объявляетъ свое мнѣніе послѣ всѣхъ (уст. угол. суд. ст. 809). Этотъ законъ ясно указываетъ, что разрѣшенію каждаго дѣла должно предшествовать совѣщаніе присяжныхъ засѣдателей съ разсужденіями объ обстоятельствахъ дѣла и доказательствахъ, такъ какъ въ изложенной статьѣ говорится, что присяжные засѣдатели подаютъ голоса по вопросамъ суда только по окончаніи своихъ разсужденій. Во всякомъ случаѣ если по простотѣ и ясности дѣла и вопросовъ суда они могутъ быть разрѣшены безъ совѣщанія присяжныхъ засѣдателей между собою, то старшина, приступая къ собиранію голосовъ, долженъ убѣдиться, могутъ ли присяжные засѣдатели отвѣчать на вопросы суда, спросить, нѣтъ ли надобности потолковать о чемъ-нибудь, уяснить что-либо непонятное всѣмъ или кому-ни-

будь изъ присяжныхъ засѣдателей. Если окажется что-либо непонятное въ обстоятельствахъ дѣла или въ вопросахъ суда и возникшее недоразумѣніе не разрѣшается объясненіями самихъ присяжныхъ засѣдателей, или хотя нѣкоторые изъ нихъ и даютъ объясненія, но приэтомъ возникаетъ сомнѣніе въ правильности его; то, конечно, нужно возвратиться въ залу суда и спросить разъясненія предсѣдателя. Для заявленія о необходимости выхода изъ совѣщательной комнаты въ ней находится колокольчикъ, которымъ старшина возвѣщаетъ о необходимости возвращенія въ залу. Само собою разумѣется, что объясненіе предсѣдателя испрашивается старшиною, который высказываетъ, чего не понимаютъ присяжные, и что при объясненіи предсѣдателя должны находиться въ залѣ всѣ присяжные засѣдатели;

такъ какъ объясненіе дается всѣмъ присяжнымъ а не одному старшинѣ ихъ.

Когда совѣщаніемъ и разсужденіями дѣло выяснится вполнѣ для каждаго присяжнаго засѣдателя; тогда старшина собираетъ голоса по каждому вопросу отдѣльно. Для этого старшина прочитываетъ вслухъ первый вопросъ суда и по этому вопросу спрашиваетъ мнѣніе у каждаго присяжнаго засѣдателя въ томъ порядкѣ, какъ они занимаютъ мѣста въ совѣщательной компатѣ. Каждый присяжный засѣдатель подаетъ отдѣльный голосъ, свое собственное мнѣніе по своему внутреннему убѣжденію; мнѣнія выражаются изустно то есть на словахъ, а не на письмѣ. Старшина объявляетъ свое мнѣніе послѣ всѣхъ: такой порядокъ законъ установилъ для того, чтобы каждый присяжный засѣдатель самъ отвѣчалъ на вопросъ, какъ онъ пони-

маетъ дѣло, а не говорилъ бы то, что говоритъ старшина, не подчинялся бы его мнѣнію. Старшина долженъ объявить свое мнѣніе также изустно, чтобы слышали это мнѣніе другіе присяжные засѣдатели и могли потомъ повѣрить отмѣтку въ отвѣтѣ на вопросъ суда, какъ будетъ ниже объяснено. Затѣмъ отбираются голоса по второму и другимъ вопросамъ такимъ же порядкомъ.

Сосчитавъ вслухъ голоса утвердительные и отрицательные, старшина присяжныхъ означаетъ противъ каждаго вопроса послѣдовавшее рѣшеніе (ст. 810). Отобравъ голоса всѣхъ присяжныхъ засѣдателей и давъ свой голосъ, старшина считаетъ сначала голоса утвердительные, потомъ отрицательные, чтобы знать, какой выйдетъ и долженъ быть записанъ общій отвѣтъ всѣхъ присяжныхъ засѣдате-

лей то есть рѣшеніе ихъ противъ каждаго вопроса положительное или отрицательное, смотря потому за которымъ изъ нихъ считается больше голосовъ. Изъ этого порядка никакъ не слѣдуетъ, что каждый присяжный долженъ самъ писать свое мнѣніе; отвѣтъ, мнѣніе, голосъ онъ дастъ старшинѣ словесно выслушавши, что говорятъ другіе присяжные, обсудившіе дѣло и посовѣтовавшись съ своею собственною совѣстью съ своимъ убѣжденіемъ, хотя бы оно и не согласовалось съ мнѣніями другихъ присяжныхъ.

Рѣшеніе каждаго вопроса должно состоять изъ утвердительнаго «да», или отрицательнаго «нѣтъ», съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ заключается сущность отвѣта. Такъ на вопросы: совершилось ли преступленіе? виновенъ ли въ немъ под-

судимый? съ предумышленіемъ ли онъ дѣйствовалъ? Утвердительные отвѣты должны быть: «Да, совершилось.— Да, виновенъ.— Да, съ предумышленіемъ». Вотъ въ чемъ должны состоять отвѣты каждаго присяжнаго засѣдателя и рѣшеніе всѣхъ присяжныхъ, составленное изъ большинства голосовъ. Отвѣтъ долженъ быть только положительный, или отрицательный—никакого иного способа рѣшенія быть не можетъ; такъ нѣтъ уже оставленія въ подозрѣніи,— подозрѣніе, если оно состоитъ въ сомнѣніи, выражается отрицательнымъ отвѣтомъ. Положительный отвѣтъ пишется «да», отрицательный «нѣтъ» съ прибавкою такого слова, которое, заключаясь въ вопросѣ, выражаетъ сообразный съ нимъ отвѣтъ. Въ статьѣ закона указаны въ поясненіе примѣры отвѣтовъ на вопросы; на нихъ

нужно смотрѣть только какъ на примѣры, потому что нерѣдко присяжнымъ предлагаются другіе вопросы, кромѣ тѣхъ, которые означены въ статьѣ закона, или тѣже самые вопросы, но выражены не тѣми словами, какъ въ статьѣ. Такъ напримѣръ по отношенію къ совершенію преступленія вопросъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: Подписанъ ли векселъ, составленный 12 іюля 1870 года отъ имени мѣщанина Ивана Федорова Кондратьева самимъ Кондратьевымъ? Отвѣтъ присяжныхъ на этотъ вопросъ будетъ: утвердительный — «да, подписанъ Кондратьевымъ», отрицательный — «нѣтъ, не подписанъ Кондратьевымъ». На вопросъ суда: дѣйствовалъ ли подсудимый Черепкинъ (16 лѣтъ) съ полнымъ разумѣніемъ? Отвѣтъ присяжныхъ будетъ: утвердительный — «да,

съ полнымъ разумѣніемъ», отрицательный — «нѣтъ, безъ полнаго разумѣнія». Словомъ, чтобы правильно отвѣтить на вопросъ суда, присяжные засѣдатели должны прежде всего хорошо понять самый вопросъ, выяснить себѣ, о чемъ ихъ спрашиваетъ судъ и тогда уже отвѣчать на вопросъ; безъ этого они могутъ отвѣтить не то, о чемъ спрашивается въ вопросѣ, или не понявъ вопроса, могутъ вписать такой отвѣтъ, который хотя и соотвѣтствуетъ вопросу, но выражаетъ не то, что хотѣли сказать они въ своемъ отвѣтѣ и будетъ рѣшеніемъ неправильнымъ, не соотвѣтствующимъ ихъ внутреннему убѣжденію. Каждый присяжный засѣдатель, давая свой голосъ старшинѣ, высказывая свой отвѣтъ на прочитанный вопросъ суда, долженъ заботиться, чтобы его мнѣніе, 1) соотвѣт-

ствовало вопросу, 2) было сказано согласно съ тѣмъ, что говоритъ ему на этотъ вопросъ его совѣсть, соображая своею головою обстоятельства дѣла и доказательства. Во избѣжаніе ошибокъ, присяжные засѣдатели не должны смущаться своимъ невѣдѣніемъ, а обязаны спросить разъясненія вопросовъ у предсѣдателя суда, если оно не устранится ихъ совѣщаніемъ. Часто случается такая постановка вопросовъ, при которой нѣкоторые изъ нихъ должны быть оставлены безъ отвѣта, при отвѣтѣ на предшествовавшій вопросъ. Такъ напримѣръ: если на вопросъ о совершеніи преступленія присяжные засѣдатели дали отвѣтъ, въ которомъ выразили, что преступленія совершено не было, то вопросы о винѣ подсудимаго или разныхъ свойствахъ вины должны быть оставлены безъ отвѣта; такъ какъ

если нѣтъ преступленія, то нѣтъ и вины, вопросы о винѣ падаютъ, какъ будто ихъ вовсе не было. Кромѣ того бываютъ вопросы условные, на которыхъ отвѣты даются только при отрицательномъ отвѣтѣ на предшествовавшій вопросъ; при положительномъ же отвѣтѣ на этотъ вопросъ, условный вопросъ оставляется безъ отвѣта. Такъ напримѣръ, въ вопросномъ листѣ поставлены слѣдующіе вопросы: 1) Виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Иванъ Колѣсниковъ въ томъ, что съ умысломъ, но безъ намѣренія на лишеніе жизни, нанесъ мѣщанину Федору Крутикову удары палкою по головѣ и груди, грозившіе опасностью для жизни и имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ смерть Крутикова? 2) Если подсудимый Колѣсниковъ не виновенъ по первому вопросу, то виновенъ ли онъ въ нанесеніи въ дракѣ съ Кру-

тиковымъ означенныхъ въ томъ вопросѣ побоевъ съ тѣмъ же послѣдствіемъ, безъ всякаго намѣренія на совершеніе убійства? Если присяжные засѣдатели, отвѣчая на эти вопросы, въ своемъ рѣшеніи признаютъ, что Колѣсниковъ умышленно, а не въ дракѣ по неосторожности, нанесъ удары Крутикову, опасные для жизни и имѣвшіе послѣдствіемъ смерть Крутикова, то отвѣтятъ на первый вопросъ «да, виновенъ», а второй вопросъ оставятъ безъ отвѣта. Но если присяжные, по обсужденіи дѣла, убѣдятся, что смерть Крутикова послѣдовала отъ ударовъ, нанесенныхъ Колѣсниковымъ неосторожно въ дракѣ, то отвѣтятъ на первый вопросъ «нѣтъ, не виновенъ», а на второй вопросъ «да, виновенъ» или «нѣтъ, не виновенъ» если не признаютъ Колѣсникова виновнымъ и по второму во-

просу. Второй вопросъ такъ и выраженъ, что на него слѣдуетъ отвѣчать только при отрицательномъ отвѣтѣ на первый.

Если особаго вопроса о совершеніи преступленія и о вмѣненіи не поставлено въ вопросномъ листѣ, а стоитъ только одинъ вопросъ о виновности, начинаясь словомъ виновенъ; то присяжные засѣдатели должны имѣть въ виду, что подъ этимъ словомъ разумѣется полная вина во всѣхъ ея частяхъ то есть и признаки преступленія, и совершеніе его подсудимымъ и такое состояніе ума и воли его, при которомъ совершенное преступленіе должно быть поставлено ему въ вину, и что поэтому въ рѣшеніи «да, виновенъ» заключается положительный отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей на всѣ частные вопросы о винѣ то есть положительнымъ от-

вѣтомъ они высказываютъ, что несомнѣнно убѣждены въ томъ, что событіе преступленія совершено, что оно было дѣяніемъ подсудимаго, а не кого-либо другаго и что подсудимый во время совершенія преступленія находился въ такомъ состояніи, при которомъ понималъ, что дѣлалъ зло въ преступленіи и желалъ сдѣлать это зло. Если же присяжные засѣдатели не убѣждены въ какой-нибудь части вины, напримѣръ въ томъ, что преступленіе дѣйствительно совершено, такъ какъ это сомнительно по дѣлу, или если убѣждены, что подсудимый во время совершенія преступленія не понималъ зла преступленія, или же не хотѣлъ дѣлать этого зла, что оно сдѣлалось случайно, безъ воли подсудимаго, подъ вліяніемъ непреодолимой силы; то даютъ одинъ общій отвѣтъ «нѣтъ, не виновенъ», не высказывая, въ какой

составной части вины они не убѣждены.

Разъяснял точнѣе, какъ должны присяжные засѣдатели отвѣчать на вопросы суда, законъ устанавливаетъ еще слѣдующее правило: *когда присяжные засѣдатели признаютъ, что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ невозможно съ точностію выразить ихъ мнѣнія, то они могутъ дать надлежащее значеніе отвѣту, прибавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ «да виновенъ, но безъ предумышленія»* (уст. угол. суд. ст. 812). Законъ установилъ, какъ выше объяснено, опредѣленныя выраженія для отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей на вопросы суда; но можетъ случиться, что если присяжные засѣдатели употребятъ только эти выраженія, то ими не выразятъ того мнѣнія, какое

составилось въ ихъ убѣжденіи; въ такомъ случаѣ законъ дозволяетъ имъ прибавлять къ положительному или отрицательному выраженію такія слова, которыми вѣрнѣе опредѣлятся ихъ отвѣтъ. Такъ въ статьѣ закона указаны дополнительныя слова «но безъ предумышленія»; слова эти нужно принимать, какъ примѣръ не болѣе; очевидно, что слова «по безъ предумышленія» тогда только можно вставить, когда онѣ сообразны съ вопросомъ, такъ если въ вопросѣ стоитъ предумышленное убійство. Возьмемъ другой примѣръ. Присяжнымъ засѣдателямъ предложенъ вопросъ: виновенъ ли такой-то въ томъ, что похитилъ изъ письменнаго стола сто рублей, сломавъ для этого замокъ у стола? Присяжные убѣждаются, что подсудимый виновенъ въ кражѣ, но не находятъ основанія утверждать, что

замокъ былъ сломанъ. Въ этомъ случаѣ присяжные засѣдатели пишутъ въ отвѣтѣ; «да, виновенъ, но замокъ не сломанъ» то есть прибавляютъ къ установленнымъ закономъ выраженіямъ еще свои слова «но замокъ не сломанъ». Еще примѣръ. Въ вопросномъ листѣ написано: виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Степановъ въ томъ, что съ цѣлью похищенія денегъ повалилъ крестьянина Иванова на землю и схвативъ его за руки, вынулъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами? Положимъ присяжные засѣдатели убѣждаются изъ дѣла, что Степановъ дѣйствительно отнялъ кошелекъ у Иванова, но какъ принадлежащій ему, Степанову то есть сдѣлалъ насиліе и самоуправство, но не грабежъ. Тогда присяжные засѣдатели для точнѣйшаго опредѣленія своего отвѣта къ словамъ «да, виновенъ»

прибавляютъ «но безъ похищенія». Такъ какъ суды должны избѣгать значительнаго числа вопросовъ, чтобы не затруднить ими присяжныхъ засѣдателей и иногда сливаютъ въ одинъ вопросъ такое содержаніе дѣла, которое можетъ быть разбито на нѣсколько вопросовъ; то присяжнымъ засѣдателямъ довольно часто приходится прибавлять свои слова для поясненія ихъ рѣшенія. Но пользуясь этимъ правомъ, присяжные засѣдатели должны имѣть въ виду, что могутъ прибавлять только такія слова, которыя идутъ къ вопросу. Если же прибавкою этихъ словъ рѣшеніе становится вовсе не соотвѣтствующимъ вопросу, то такихъ словъ вставлять нельзя, такъ какъ подобнымъ рѣшеніемъ присяжные засѣдатели измѣняли бы самый вопросъ, а это отъ нихъ не зависитъ. Такъ на вопросъ:

виновенъ ли такой-то въ кражѣ, для совершенія которой сломанъ замокъ? присяжные засѣдатели не могутъ отвѣчать «да виновенъ, но въ насиліи»; такъ какъ ихъ спрашиваютъ не о насиліи, а о кражѣ со взломомъ. Если же они не видятъ виновности подсудимаго въ кражѣ со взломомъ, а усматриваютъ совершенно другое преступленіе—насиліе, о которомъ нѣтъ и вопроса, то на вопросъ о виновности въ кражѣ со взломомъ должны отвѣчать «нѣтъ, не виновенъ», безъ прибавленія другихъ словъ.

Вообще по изложенному закону присяжные засѣдатели могутъ только ограничить смыслъ вопроса, отрицаніемъ той, или другой изъ составныхъ частей его, могутъ отрицать только тѣ обстоятельства, изъ которыхъ слагается вопросъ, но не могутъ отрицать такія обстоятельства

или признаки преступленія, которые не были предметомъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ и потому не вошли въ составъ вопроса (угол. кас. рѣш. 1869 г. № 576, 1870 г. № 507). Поэтому если присяжные не находятъ вины подсудимаго въ томъ преступленіи, о которомъ поставленъ вопросъ и находятъ его виновнымъ въ другомъ преступленіи, о которомъ нѣтъ вопроса, то присяжные отвѣчаютъ только на предложенный вопросъ: «нѣтъ, не виновенъ». Равнымъ образомъ если поставленъ общій вопросъ о виновности подсудимаго, то присяжные не могутъ раздроблять этотъ вопросъ на частные вопросы: совершилось ли преступленіе? было ли оно дѣяніемъ подсудимаго? можетъ ли оно быть вмѣнено ему въ вину? Поэтому если они отрицаютъ только одинъ изъ этихъ

частныхъ вопросовъ, напримѣръ: о вмѣненіи; то писать утвердительные отвѣты на два первыхъ вопроса и отрицательный отвѣтъ на послѣдній вопросъ не могутъ, а пишутъ одинъ отрицательный отвѣтъ. Если судъ не имѣетъ права ставить вопроса въ такихъ словахъ научныхъ, какими выражается законъ (юридическими терминами), то и присяжные не могутъ давать отвѣты этими словами, какъ напримѣръ «безъ взлома», такъ какъ присяжные засѣдатели, избираемые изъ среды народа, не имѣя юридическихъ познаній, могутъ не понимать вполнѣ смысла законнаго опредѣленія (гр. кас. рѣш. 1870 г. № 507).

Далѣе законъ говоритъ, какимъ образомъ составляется общее рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей изъ отдѣльныхъ мнѣній каждаго изъ нихъ: *присяжные засѣдатели должны скло-*

нять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію. Если по надлежащемъ совѣщаніи, разномысліе между ними не устранится, то предложенные вопросы разрѣшаются ими по большинству голосовъ; при раздѣленіи же голосовъ поровну, принимается то мнѣніе, которое послѣдовало въ пользу подсудимаго (уст. угол. суд. ст. 813). Законъ не охотно отдаетъ рѣшеніе участи подсудимаго большинству голосовъ, такъ какъ большинство голосовъ представляетъ нѣкоторое сомнѣніе, колебаніе: одни присяжные говорятъ въ пользу подсудимаго, другіе противъ него, большинство не устраняетъ еще спора, какое мнѣніе справедливѣе, въ рѣшеніи большинства является нѣкоторая неувѣренность въ правотѣ, дѣло рѣшается не всѣми 12-тью присяжными. Въ нѣкоторыхъ странахъ допускается только

единогласное рѣшеніе всѣхъ присяжныхъ, такъ какъ при такомъ рѣшеніи осужденіе невиннаго, котораго боятся эти страны, почти невозможно. Вотъ почему и нашъ законъ требуетъ, чтобы присяжные засѣдатели склоняли свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію. Поэтому послѣ подачи голосовъ по каждому вопросу, должно происходить между присяжными засѣдателями совѣщаніе о томъ, чтобы рѣшеніе изъ отдѣльныхъ разныхъ мнѣній вышло единогласнымъ то есть чтобы одни присяжные согласились съ мнѣніемъ другихъ; такое соглашеніе устроивается тѣмъ способомъ, что одни присяжные засѣдатели убѣдившись доводами другихъ, пристаютъ къ ихъ мнѣнію. Но законъ не дозволяетъ никакихъ принудительныхъ мѣръ къ приведенію присяжныхъ засѣдателей въ едино-

гласіе; онъ требуетъ только, чтобы присяжные совѣщались о единогласіи и рѣшали дѣло по большинству голосовъ тогда, когда совѣщаніе не приведетъ къ единомыслію, къ одному отъ всѣхъ присяжныхъ мнѣнію. Законъ не упоминаетъ о числѣ голосовъ нужномъ для большинства; поэтому всякое бо́льшее изъ двухъ, неравныхъ чиселъ въ 12 голосахъ слѣдуетъ считать большинствомъ голосовъ: такъ 7 и 5 8 и 4, 9 и 3, 10 и 2, 11 и 1, словомъ законъ разумѣетъ простое большинство. Законъ говоритъ только о раздѣленіи голосовъ поровну то есть когда 6 голосовъ будетъ на томъ мнѣніи, которое служитъ въ пользу подсудимаго и 6 голосовъ на томъ мнѣніи, которое говоритъ противъ подсудимаго; въ этомъ случаѣ за приговоръ слѣдуетъ признать мнѣніе, служащее въ

пользу подсудимаго, не смотря на то, что 6 другихъ голосовъ несогласны съ нимъ. Такъ напримѣръ, на первый вопросъ суда: было ли духовное завѣщаніе Козмина подписано его рукою? 6 присяжныхъ засѣдателей сказали, что духовное завѣщаніе подписано рукою Козмина, а 6 другихъ объявили, что, по ихъ мнѣнію, духовное завѣщаніе подписано не Козминымъ, а другимъ лицомъ. Мнѣніе первыхъ 6 служитъ въ пользу подсудимаго Иванова, обвиняемаго въ подложной подписи духовнаго завѣщанія подъ руку Козмина, поэтому то мнѣніе и должно быть записано въ приговоръ на вопросномъ листѣ суда словами: «да, подписано рукою Козмина», затѣмъ слѣдующій вопросъ о виновности Иванова въ подложной подписи духовнаго завѣщанія оставляется безъ отвѣта. Замѣтимъ при этомъ,

что изложенный законъ составляетъ отступленіе отъ обыкновеннаго судебнаго порядка, по которому при равенствѣ голосовъ, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя тому мнѣнію, котораго онъ держится. Въ судѣ присяжныхъ этого правила нѣтъ и при раздѣленіи голосовъ на 6 и 6, всегда пишется то мнѣніе, которое служитъ въ пользу подсудимаго, хотя бы съ этимъ мнѣніемъ старшина не былъ согласенъ. Такъ установлено потому, что законъ не хотѣлъ подвергать участь подсудимаго одной случайности, одному голосу старшины. Но можетъ случиться такъ, что голоса́ раздѣлятся неровно и все-таки не составится большинства голосовъ. Возмемъ примѣръ. Предложенъ вопросъ: виновенъ ли Степановъ въ томъ, что въ домѣ крестьянки Денисовой съ умысломъ, но безъ намѣренія на убій-

ство, нанесъ ей Денисовой тяжкіе, угрожавшіе опасностью для жизни побои, отъ которыхъ она умерла? Предположимъ, 5 присяжныхъ засѣдателей дали мнѣніе, что Степановъ виновенъ по предложенному вопросу; 4 присяжныхъ говорятъ, что онъ не виновенъ, а 3 присяжныхъ высказали, что, по ихъ мнѣнію, Степановъ виновенъ въ нанесеніи тяжкихъ побоевъ, не угрожавшихъ опасностью для жизни и смерть Денисовой послѣдовала не отъ побоевъ, а отъ другихъ причинъ. Въ случаѣ такого разномыслія, конечно прежде всего должно слѣдовать склоненіе присяжныхъ къ какому-нибудь одному мнѣнію; если одного изъ трехъ мнѣній не составится, то слѣдуетъ совѣщаться о томъ, нельзя ли образовать изъ трехъ мнѣній два такъ, чтобы одно изъ нихъ было въ пользу подсуди-

маго, другое противъ него съ прямымъ отвѣтомъ на вопросъ суда и тогда уже разрѣшать дѣло по большинству голосовъ. Но если 3 голоса, измѣняющіе признаки преступленія, останутся при своемъ мнѣніи, то ихъ слѣдуетъ считать поданными въ пользу подсудимаго и присоединить къ 4-мъ означеннымъ голосамъ, такъ какъ они не согласны съ полнымъ обвиненіемъ по предложенному вопросу 5-ти голосовъ, и въ отвѣтѣ присяжныхъ слѣдуетъ написать: «нѣтъ, не виновенъ». Смыслъ изложеннаго закона, по нашему мнѣнію, тотъ, что если нѣтъ 7 голосовъ противъ подсудимаго по предложенному вопросу, то приговоромъ присяжныхъ слѣдуетъ считать мнѣніе послѣдовавшее въ пользу подсудимаго по предложенному вопросу, какъ-бы ни рознилось въ отдѣльныхъ голосахъ это мнѣніе.

§ 55. Кромѣ тѣхъ вопросовъ, которые предложены судомъ, присяжные засѣдатели, могутъ сами отъ себя предложить вопросъ о снисхожденіи для признаннаго виновнымъ подсудимаго. Поэтому предмету законъ говоритъ: *если по возбужденному самими присяжными засѣдателями вопросу о томъ: заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія, окажется шесть голосовъ утвердительныхъ, то старшина присяжныхъ къ даннымъ отвѣтамъ присовокупляетъ: «подсудимый по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія»* (уст. угол. суд. ст. 814). Изъ этого закона прежде всего видно, что вопросъ о снисхожденіи не ставится судомъ, онъ предоставляется личному усмотрѣнію самихъ присяжныхъ засѣдателей Подъ обстоятельствами, вызывающими вопросъ о снисхожденіи, конечно, ра-

зумѣются не тѣ, которыя самый законъ упоминаетъ, при нѣкоторыхъ преступленіяхъ, считая ихъ обстоятельствами, смягчающими вину и притомъ съ указаніемъ, на какую мѣру или степень наказанія онѣ уменьшаютъ вину подсудимаго, такъ напримѣръ: въ кражѣ — крайняя бѣдность сдѣлавшаго кражу, при оскорбленіи должностнаго лица — пьянство, невѣжество, неразуміе. Объ этихъ уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, если онѣ указываются самымъ дѣломъ, непремѣнно долженъ быть поставленъ вопросъ, такъ какъ онѣ входятъ въ число признаковъ преступнаго дѣянія по закону. Совсѣмъ другое обстоятельство, по которымъ присяжные могутъ признать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія: эти обстоятельства не входятъ въ особые признаки преступле-

нія, а вытекаютъ изъ обстановки разбираемаго дѣла, изъ дѣйствій подсудимаго, изъ его положенія; такъ напримѣръ: одинъ подсудимый чистосердечно сознается, изъ дѣла видно, что онъ далеко неразвратный человѣкъ, что обстоятельства, при которыхъ онъ совершилъ преступленіе, хотя и не могутъ оправдать его вполнѣ, но вызываютъ сожалѣніе, участіе къ нему; другой упорно отпирается отъ своей вины, не смотря на самыя убѣдительныя доказательства, или выказываетъ въ своемъ поступкѣ крайнюю жестокость; разумѣется обоихъ подсудимыхъ было бы несправедливо ставить на одну доску, признавать одинаково виновными; одинъ изъ нихъ заслуживаетъ снисхожденія, а другой не заслуживаетъ. Обстоятельства, которыя внушаютъ снисхожденіе, даютъ право на него, столь разнообразны,

столь связаны со всѣми особенностями дѣла и человѣка, что законъ оставилъ на совѣсть самихъ присяжныхъ предложить самимъ себѣ вопросъ о снисхожденіи, или не предложить его и разрѣшить такъ или иначе послѣ предложенія. Кому принадлежитъ право предлагать вопросъ о снисхожденіи законъ не упоминаетъ: онъ можетъ быть предложенъ старшиною присяжныхъ, но и другіе присяжные засѣдатели имѣютъ полное право предложить его, хотя бы старшина и не предлагалъ. Законъ установляетъ только сколько нужно голосовъ, чтобы присяжные признали подсудимаго заслуживающимъ снисхожденіе; по закону для признанія снисхожденія достаточно 6 голосовъ, хотя бы другіе 6 голосовъ не соглашались съ этимъ мнѣніемъ; и тутъ равенство голосовъ, сомнѣніе обращается въ пользу под-

судимаго. Признаніе заслуживающимъ снисхожденія имѣетъ вліяніе на наказаніе подсудимаго: если оно дано присяжными, то судъ уменьшаетъ наказаніе на одну степень, но можетъ уменьшить и на двѣ степени, если самъ усмотритъ особыя обстоятельства (уст. угол. суд. ст. 828). Если подсудимый обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, то присяжные засѣдатели могутъ признать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія по одному обвиненію или по нѣсколькимъ. Отмѣтку о снисхожденіи старшина присяжныхъ прибавляютъ къ обвинительному отвѣту въ слѣдующихъ словахъ: «да, виновенъ; но, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія».

§ 56. Затѣмъ законъ даетъ правило о порядкѣ вписыванія отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей противъ вопро-

совъ суда: *означивъ отвѣтъ на предложенный вопросъ, старшина присяжныхъ засѣдателей предлагаетъ имъ повѣрить сдѣланную отмѣтку и если окажется какое-либо сомнѣніе въ вѣрности ея, то отбираетъ голоса вновь, а по повѣркѣ всѣхъ отвѣтовъ утверждаетъ ихъ своею подписью* (ст. 815). Законъ заботится, чтобы отвѣты присяжныхъ засѣдателей были вѣрно отмѣчены въ вопросномъ листѣ то есть чтобы они были записаны старшиною соотвѣтственно тому, какое мнѣніе высказано всѣми присяжными засѣдателями по каждому вопросу единогласно или по большинству голосовъ. Во избѣжаніе какой-нибудь ошибки, законъ предписываетъ старшинѣ непремѣнно предложить присяжнымъ засѣдателямъ повѣрить сдѣланную имъ отмѣтку въ отвѣтѣ на вопросъ суда; не только

старшина, но и каждый присяжный засѣдатель имѣетъ право разсмотрѣть отмѣтку и убѣдиться, что она записана старшиною вѣрно; такая повѣрка бываетъ особенно необходима, когда судомъ предложено много вопросовъ, напримѣръ при большомъ числѣ подсудимыхъ. Такъ какъ каждый изъ 12 присяжныхъ участвуетъ въ приговорѣ, такъ какъ приговоръ этотъ, въ видѣ отмѣтки на вопросы суда, слагается изъ голоса каждаго изъ нихъ, поэтому каждый присяжный имѣетъ право и долженъ требовать, чтобы былъ присчитанъ и его голосъ. Повѣрка отмѣтки каждымъ присяжнымъ предохранитъ приговоръ отъ ошибки въ счетѣ голосовъ; при спѣшности отбиранія ихъ и вписыванія отмѣтки послѣ счета 12 голосовъ, отъ кого-нибудь изъ присяжныхъ можетъ быть неотобрано мнѣ-

ніе, выслушавъ которое со всѣми доводами, другіе присяжные могутъ измѣнить свое мнѣніе. Нерѣдко можетъ встрѣтиться недоразумѣніе въ счетѣ голосовъ, когда еще большинство мнѣній окончательно не установилось, колеблется между тѣмъ или другимъ мнѣніемъ. Иногда можетъ случиться несоотвѣтственность отмѣтки съ содержаніемъ вопроса: присяжные засѣдатели могутъ отвѣтить не о томъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ, тогда нужно исправить отмѣтку согласно съ вопросомъ суда, чтобы потомъ при неправильности отмѣтки судъ не возвращалъ бы присяжныхъ засѣдателей изъ залы суда въ ихъ комнату вновь для совѣщанія и исправленія отвѣта. Такое исправленіе неудобно для присяжныхъ засѣдателей, но еще болѣе тягостно, мучительно для подсудимаго видѣть коле-

баніе въ рѣшеніи его участи и выжидать исправленія отвѣта. Это возвращеніе присяжныхъ засѣдателей тягостно дѣйствуетъ и на публику, колеблетъ довѣріе къ присяжнымъ. Поэтому во избѣжаніе несообразной съ вопросомъ суда отмѣтки, нужно не только повѣрить ее, хорошо вдумавшись въ каждый вопросъ совѣщаться, исправить ошибку и, въ случаѣ недоразумѣнія, возвратиться въ залу съ просьбою къ предсѣдателю дать имъ объясненіе, нужное для устраненія недоразумѣнія. Повѣряя отмѣтки старшины съ вопросами и отвѣтомъ каждаго изъ присяжныхъ, нужно имѣть въ виду, что послѣ выхода въ залу засѣданія и объявленія приговора, ниодинъ изъ нихъ не можетъ жаловаться суду, что отвѣтъ записанъ старшиною не такъ, какъ были даны голоса, что отъ нѣкоторыхъ го-

лоса не отбирались, судъ не имѣетъ никакихъ способовъ для провѣрки такихъ жалобъ; законъ указываетъ только одинъ способъ къ устраненію такихъ жалобъ повѣрить отмѣтки. Если при повѣркѣ окажется какое-нибудь сомнѣніе, то законъ велитъ отбирать голоса вновь, чтобы убѣдиться, что нѣтъ ошибки. Во избѣжаніе поправокъ на вопросномъ листѣ суда, при повѣркѣ отмѣтокъ, старшина присяжныхъ можетъ сначала написать отмѣтки вчернѣ на особой бумагѣ и потомъ уже по повѣркѣ отмѣтокъ внести ихъ въ вопросный листъ. Старшина подписываетъ свое званіе старшины, имя, отчество и фамилію внизу за послѣднимъ отвѣтомъ. Для наглядпаго указанія, какъ пишутся отвѣты присяжныхъ засѣдателей въ вопросномъ листѣ прилагается образецъ вопроснаго листа съ отвѣтами присяжныхъ засѣдателей по нѣсколькимъ дѣламъ.

ОБРАЗЕЦЪ ВОПРОСНАГО ЛИСТА СЪ ОТВѢТАМИ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

ВОПРОСНЫЙ ЛИСТЪ.

NN Окружнаго Суда по дѣлу о мѣщанинѣ (такомъ-то) обвиняемомъ (въ такомъ-то преступленіи).

Дѣло.		ВОПРОСЫ СУДА.	ОТВѢТЫ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ
№ 1		Виновенъ ли подсудимый мѣщанинъ Иванъ Гаддѣевъ Пѣтуховъ 18 лѣтъ, въ томъ, что 12 декабря 1872 года укралъ у купца Петра Зотова разныя вещи, стоившія болѣе 300 рублей	Да виновенъ, но по обстоятельствамъ дѣла заслуживаетъ снисхожденія
	2	Если Пѣтуховъ виновенъ, то возвратилъ ли добровольно Зотову украденныя вещи?	Да, возвратилъ добровольно
		Предсѣдатель суда NN	Старшина присяжныхъ засѣдателей Иванъ Петровичъ Колесниковъ.
		Членъ суда NN	
		Членъ суда NN	
№ 2		Виновенъ ли подсудимый крестьянинъ Семенъ Фоминъ Хротовъ въ томъ, что съ умысломъ, но безъ намѣренія на убійство, 2 сентября 1871 г., въ избѣ крестьянина Ивана Силина, нанесъ ему Силину тяжкія, угрожавшія опасностью для жизни побои, отъ которыхъ онъ умеръ?	Да, виновенъ, но побои не угрожали опасностью для жизни
		Подписи предсѣдателя и членовъ суда	Старшина присяжныхъ засѣдателей Илья Ивановичъ Худяковъ.
№ 3	1	Подписанъ ли вексель, данный отъ имени поручика Степана Ивановича Титова 5 февраля 1870 года на 1000 рублей самимъ Титовымъ?	Да, подписанъ Титовымъ.
	2	Если означенный вексель подписанъ не Титовымъ, а другимъ лицомъ, то виновенъ ли подсудимый Петръ Ильинъ Гусевъ въ томъ, что предъявилъ тотъ вексель по взысканію денегъ съ Титова, зная, что вексель не имъ подписанъ?	Старшина присяжныхъ засѣдателей такого-то подпись
		Подпись предсѣдателя и членовъ суда.	
№ 4	1	Виновна ли дворянка Марья Иванова Пурина въ томъ, что безъ обдуманнаго намѣренія въ полномъ гнѣвѣ, но [illegible] что [illegible] 12 декабря 1872 года, ударила своего мужа Петра Пурина топоромъ по головѣ и тѣмъ лишила его жизни?	Нѣтъ, невиновна
	2	Если подсудимая Пурина невиновна по первому вопросу, то невиновна ли она въ томъ, что безъ умысла лишить жизни своего мужа намѣренно нанесла ему ударъ топоромъ по головѣ, причинившій смерть?	Да, виновна
		Предсѣдательствующій членъ суда (подпись)	Старшина присяжныхъ засѣдателей подпись
		Членъ суда (подпись)	
		Почетный мировой судья (подпись)	

засѣдателей по нѣсколькимъ дѣламъ

ГЛАВА 14.

Исправленіе рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, объявленіе его и приговора суда.

Выходъ присяжныхъ въ залу суда, разсмотрѣніе рѣшенія ихъ судомъ; неправильности въ отвѣтахъ ихъ; возвращеніе присяжныхъ въ совѣщательную комнату къ новому обсужденію вопросовъ суда и исправленіе отвѣтовъ; провозглашеніе рѣшенія присяжныхъ, передача дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ; составленіе и объявленіе приговора суда; закрытіе судебнаго засѣданія.

§ 57. По внесеніи отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей въ вопросный листъ, по повѣркѣ ихъ и по под-

писаніи отмѣтокъ старшиною, онъ возвѣщаетъ колокольчикомъ, что присяжные засѣдатели рѣшили дѣло и желаютъ возвратиться въ залу засѣданія. Судебный приставъ приглашаетъ ихъ войти въ залу. Во вниманіи къ важности и торжественности дѣйствій, законъ предписываетъ всѣмъ находящимся въ залѣ суда вставать съ своихъ мѣстъ, при входѣ туда присяжныхъ засѣдателей и выслушивать ихъ рѣшеніе стоя (уст. угол. судопр. ст. 817).

Судебная практика весьма скоро, по введеніи у насъ суда присяжныхъ засѣдателей, открыла необходимость въ исполненіи особаго неустановленнаго закономъ порядка удостовѣренія въ правильности отвѣтовъ присяжныхъ на вопросы суда, въ соотвѣтствіи ихъ между собою, въ соблюденіи установленныхъ закономъ

правилъ и формъ постановленія рѣшеній присяжныхъ, и порядка исправленія ими, по замѣчаніямъ суда неправильностей въ отвѣтахъ неясныхъ или неполныхъ или несогласныхъ съ вопросами суда. Необходимость установленія того и другаго порядка оказалась неизбѣжною. По разъясненію уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, для устраненія поводовъ къ отмѣнѣ многихъ приговоровъ и сопряженнаго съ большими затрудненіями пересмотра дѣлъ окончательно рѣшенныхъ, оказалось нужнымъ предоставить за окружными судами право обращенія присяжныхъ засѣдателей въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ къ новому обсужденію постановленныхъ судомъ вопросовъ (угол. кас. рѣш. 1867 г. №№ 135 и 605). Установленіе того и другаго порядка предста-

вляется еще болѣе необходимымъ для устраненія невозможности правильнаго приговора суда по неправильнымъ отвѣтамъ присяжныхъ, жалобъ сторонъ на нарушеніе порядка въ постановленіи рѣшеній присяжныхъ и на неохроненіе судомъ ихъ правъ, возникающихъ изъ соблюденія этого порядка, по которому они могутъ признавать законными только правильное рѣшеніе присяжныхъ и основанный только на такомъ рѣшеніи приговоръ суда. Признавая необходимость предварительнаго разсмотрѣнія судомъ отвѣтовъ присяжныхъ засѣдателей на вопросы суда и обращенія ихъ ко вторичному обсужденію этихъ вопросовъ, въ случаѣ неясности или неполноты отвѣтовъ на нихъ, для охраненія достоинства суда присяжныхъ и правъ сторонъ, кассаціонныя рѣшенія указали нѣ-

которыя правила по этому предмету.

Если бы судъ сталъ повѣрять приговоръ присяжныхъ по его содержанію и отмѣнять его по своему толкованію, когда онъ усмотритъ неправильность въ отвѣтахъ присяжныхъ; то усвоеніе такого права за судомъ разрушало бы въ основаніи права присяжныхъ засѣдателей. Но суду этого права не предоставлено. Ему принадлежитъ право лишь удостовѣриться въ сообразности отвѣтовъ присяжныхъ съ вопросами суда и съ правилами о разрѣшеніи этихъ вопросовъ и въ случаѣ неправильности пригласить присяжныхъ къ исправленію ими самыми своихъ отвѣтовъ. Судъ не можетъ входить въ оцѣнку вѣрно или невѣрно по обстоятельствамъ дѣла и доказательствамъ присяжные рѣшили дѣло; его дѣятельность ограничивается обзоромъ

только наружной стороны рѣшенія ихъ; онъ разсматриваетъ, полны ли отвѣты на вопросы, согласуются ли они съ ними, не упущено ли чего-либо, нѣтъ ли какого-либо противорѣчія, не нарушены ли формы при написаніи отвѣтовъ; дѣло суда указать видимыя неисправности въ отвѣтахъ присяжныхъ и обратить ихъ къ новому совѣщанію для исправленія. Присяжные отъ этого нисколько не теряютъ принадлежащихъ имъ правъ на рѣшеніе вины или невинности подсудимаго, потому что, разъясняя и согласуя свои отвѣты съ вопросами по указанію суда неправильности въ отвѣтахъ, они властны удержать въ нихъ то мнѣніе, которое составили о дѣлѣ и не измѣнять его. Новымъ совѣщаніемъ и исправленіемъ отвѣтовъ права присяжныхъ не роняются, а укрѣпляются, потому что имъ самимъ,

безъ участія суда, предоставлено устранить двусмысліе и противорѣчіе въ своихъ отвѣтахъ, сдѣлать въ нихъ поправки, сообразныя съ ихъ убѣжденіемъ; тогда какъ если бы они сами не были призваны къ толкованію и исправленію своихъ отвѣтовъ, то толкованіе, оставленное за ними старшиною или судомъ могло бы произвольно поколебать, измѣнить или исказить смыслъ ихъ рѣшенія. Словомъ, бывъ призваны къ разъясненію и исправленію своихъ отвѣтовъ, присяжные засѣдатели становятся полновластными распорядителями этихъ отвѣтовъ, сохраняя право сами исправить способъ выраженія ихъ, разъяснить, дополнить такъ, какъ они понимаютъ свое рѣшеніе, не уклоняясь отъ смысла его.

Тѣмъ не менѣе кассаціонное рѣшеніе, допускающее исправленіе от-

вѣтовъ присяжныхъ засѣдателей, совершенно правильно смотритъ на эту мѣру, какъ на средство, которымъ слѣдуетъ пользоваться только въ случаѣ неизбѣжной необходимости, и притомъ признаетъ, что двукратное провозглашеніе отвѣтовъ присяжныхъ, могущихъ оказаться несогласными съ предложенными судомъ вопросами, не соотвѣтствовало бы тому значенію, которое закономъ присвоено рѣшенію присяжныхъ и представлялось бы тягостнымъ для присутствующихъ при этомъ подсудимыхъ, а необходимость такого порядка не вытекаетъ изъ разсума 816 ст. уст. угол. суд., которою торжественный обрядъ объявленія старшиною рѣшенія присяжныхъ установленъ именно въ виду того, что разъ провозглашенный приговоръ присяжныхъ не долженъ уже затѣмъ подлежать исправленію даже самими при-

сяжными. Поэтому кассаціонное рѣшеніе для избѣжанія этихъ неудобствъ требуетъ, чтобы предсѣдатель суда, при вручепіи вопроснаго листа старшинѣ присяжныхъ, по каждому дѣлу, независимо отъ разъясненія смысла вопросовъ и права присяжныхъ требовать разъясненій по вопросамъ, предупреждалъ старшину, чтобы вопросный листъ, для отклоненія всякихъ недоразумѣній, былъ предъявляемъ предварительно суду и чтобы провозглашеніе рѣшенія послѣдовало лишь тогда, когда судъ не признаетъ надобности въ дополнительномъ совѣщапіи присяжныхъ. При соблюденіи присяжными такого порядка объявленія приговоровъ устранится возможность провозглашенія приговора, не имѣющаго законной силы и присяжные засѣдатели не будутъ поставлены въ необходимость измѣнять,

по замѣчаніямъ суда провозглашенные уже приговоры (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 605).

Укажемъ на случаи, требующіе исправленія отвѣтовъ присяжныхъ, какъ для разъясненія этого предмета, такъ и для устраненія, по возможности, недоразумѣній самихъ присяжныхъ относительно способа составленія отвѣтовъ. Неудовлетворительность отвѣтовъ присяжныхъ можетъ заключаться: въ неполнотѣ ихъ, двусмыслін, противорѣчіи и неправильности по несогласію съ вопросами суда и нарушенію порядка въ составленіи и написаніи отвѣтовъ. Отвѣты считаются *неполными* когда присяжные не разрѣшили всѣхъ предложенныхъ имъ вопросовъ, такъ напримѣръ: отвѣтивъ на главный вопросъ о виновности подсудимаго, оставили безъ разрѣшенія вопросы дополнительные объ уве-

личивающихъ или умепьшающихъ вину обстоятельствахъ, или о причинахъ невмѣненія подсудимому въ вину его дѣянія. Само собою разумѣется нельзя считать неполнотою отвѣтовъ, когда присяжные, отвѣтивъ отрицательно на главный вопросъ, оставляютъ безъ отвѣта дополнительные вопросы, на которыхъ отвѣты должны быть даны только при положительномъ разрѣшеніи главнаго вопроса; или отвѣтивъ утвердительно на первый вопросъ, оставятъ безъ отвѣта слѣдующіе вопросы, на которые можно отвѣтить только при отрицательномъ отвѣтѣ на первый вопросъ. *Двусмысленными, неясными* отвѣты признаются въ томъ случаѣ, когда присяжные простымъ отрицаніемъ или утвержденіемъ въ отвѣтѣ на вопросъ, безъ объясненія, вносятъ сомнѣнія въ смыслъ своего рѣшенія, если они

своимъ отвѣтомъ не разрѣшаютъ всѣхъ существенныхъ частей его, если они своимъ отвѣтомъ измѣняютъ смыслъ вопроса, или даютъ ему неправильное значеніе, такъ напримѣръ: если на вопросъ о подсудимомъ, имѣющемъ менѣе 17 лѣтъ, дѣйствовалъ ли онъ съ полнымъ разумѣніемъ? присяжные отвѣтятъ: «да, съ разумѣніемъ», такой отвѣтъ неясенъ, потому что вопросъ говоритъ не о разумѣніи вообще, а о полномъ разумѣніи то есть о такомъ состояніи ума, при которомъ подсудимый могъ ясно понимать безнравственность сдѣланнаго имъ поступка и взвѣсить зло, имъ дѣлаемое. На вопросъ суда: «если подсудимый виновенъ, то возвратилъ ли обществу растраченную сумму сполна послѣ обнаруженія его злоупотребленія?» присяжные отвѣтили: «нѣтъ» безъ прибавленія существенныхъ словъ

«не возвратилъ сполна» (угол. кас. рѣш. 1569 г. № 955). Если на вопросъ суда о виновности въ укрывательствѣ завѣдомо краденнаго, присяжные отвѣтятъ: «да виновенъ въ сокрытіи украденныхъ вещей», безъ прибавленія о знаніи подсудимымъ, что вещи были похищены. Отвѣты признаются *противорѣчащими*, когда къ отрицанію или утвержденію прибавляются такія дополненія, которыя извращаютъ смыслъ отвѣта въ цѣломъ его составѣ, или когда на различные вопросы, относящіеся къ одному обвиненію составляютъ отвѣты, уничтожающіе другъ друга или не даютъ одного рѣшенія, подходящаго къ свойству обвиненія. Противорѣчія послѣдняго рода встрѣчаются особенно часто, потому что при вниманіи исключительно обращенномъ на каждый отдѣльный вопросъ, упускает-

ся изъ виду необходимость согласить отвѣты между собою, или не усматриваются всѣ составные признаки преступленія. Такъ напримѣръ когда присяжные признаютъ кого-либо виновнымъ въ умышленномъ преступленіи, но дѣйствовавшимъ безъ намѣренія, виновнымъ въ томъ, что далъ ядъ съ цѣлью отравленія, но безъ намѣренія лишить жизни, виновнымъ въ причиненіи побоевъ съ умысломъ, но по неосторожности. Такъ на вопросъ: «виновенъ ли подсудимый въ кражѣ»? присяжные отвѣтили: «да виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія и дѣйствовалъ совершенно безсознательно» (угол. кас. рѣш. 1869 г. № 232). Очевидно если есть убѣжденіе, что подсудимый причинилъ побои по неосторожности, то его никакъ нельзя признать въ противорѣчіе неосторожности виновнымъ

въ нанесеніи побоевъ съ умысломъ и слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ о нанесеніи побоевъ съ умысломъ — нѣтъ, не виновенъ; равнымъ образомъ при убѣжденіи, что подсудимый дѣйствовалъ совершенно безсознательно, нельзя было признавать его въ противорѣчіе безсознательности, виновнымъ въ кражѣ и заслуживающимъ снисхожденія, а слѣдовало отвѣтить: «нѣтъ невиновенъ». Еще примѣры. — На вопросъ о виновности подсудимаго, имѣвшаго менѣе 17 лѣтъ, въ подчисткѣ выданнаго ему билета, присяжные признали его виновнымъ, а на 2-й вопросъ: дѣйствовалъ ли онъ при совершеніи злоумышленія въ билетѣ съ полнымъ разумѣніемъ, присяжные отвѣтили: «нѣтъ, безъ всякаго разумѣнія и заслуживаетъ снисхожденія» — (угол. кас. рѣш. 1869 г. № 1070). Оба отвѣта вмѣстѣ взятые

представляютъ явное противорѣчіе: если подсудимый, какъ сказано во 2-мъ отвѣтѣ, дѣйствовалъ безъ всякаго разумѣнія, то уже нельзя было отвѣчать на 1-й вопросъ: да, виновенъ, и на 2-й заслуживаетъ снисхожденія, а слѣдовало отвѣтить на 1-й вопросъ— «нѣтъ, невиновенъ», а 2-й вопросъ оставить безъ отвѣта. На вопросъ: были ли украдены вещи у купца Иванова, по уговору и въ сообществѣ съ другими людьми приведенными въ квартиру его служащимъ у него мѣщаниномъ Петровымъ? Присяжные отвѣтили: «да, были украдены приведенными людьми» и затѣмъ постороннихъ лицъ признали виновными, а слугу Петрова невиновнымъ. Здѣсь отвѣты представляютъ противорѣчіе, такъ какъ если слуга Петровъ въ кражѣ у хозяина его не виновенъ, то нельзя сказать, что вещи были украдены

приведенными людьми. Отвѣты были бы правильны, если бы на 1-й вопросъ было отвѣчено: «да, вещи были украдены посторонними людьми, безъ участія слуги».

Наконецъ отвѣты присяжныхъ могутъ быть *неправильны* и подлежатъ исправленію, по *несогласію ихъ съ вопросами суда и по формѣ*. Когда отвѣтъ не совпадаетъ съ вопросомъ, то присяжные выходятъ изъ предѣловъ вопроса, отвѣчаютъ не на то, о чемъ ихъ спрашиваютъ, сами своимъ отвѣтомъ ставятъ вопросъ, не поставленный судомъ; по постановка вопросовъ не принадлежитъ присяжнымъ, поэтому своимъ отвѣтомъ они превышаютъ права, имъ предоставленныя. Напримѣръ если на вопросъ: виновенъ ли подсудимый въ нанесеніи смертельныхъ побоевъ въ дракѣ? присяжные отвѣчаютъ: «да, виновенъ

въ умышленномъ лишеніи жизни». Этотъ отвѣтъ очевидно не правиленъ, такъ какъ присяжныхъ не спрашиваютъ объ умышленномъ лишеніи жизни, а о смертельныхъ побояхъ въ дракѣ. Отвѣты могутъ быть неправильны по формѣ, когда несоблюдены правила относительно составленія, написанія и подписанія отвѣтовъ; напримѣръ, когда къ положительному или отрицательному отвѣту будет прибавлено «единогласно» или «к большинству голосовъ», такія добавленія составляютъ нарушенія законовъ, заключающихся въ 677 и 81 ст. уст. угол. суд.; когда отвѣтъ будетъ написанъ не противъ того вопроса, на который онъ данъ, а при другомъ вопросѣ; когда вмѣсто старшины отвѣты будутъ подписаны другимъ присяжнымъ засѣдателемъ; когда

отвѣты будутъ оставлены безъ подписи старшины.

§ 58. Изъ упомянутаго выше кассаціоннаго рѣшенія видно, что для доставленія возможности суду удостовѣриться удовлетворительны ли отвѣты присяжныхъ и не требуютъ ли они возвращенія ихъ къ новому совѣщанію, до провозглашенія рѣшенія присяжныхъ, старшина ихъ, по выходѣ въ залу суда изъ совѣщательной комнаты, предъявляетъ вопросный листъ председателю суда. Имѣя въ виду, что разъясненіе вопросовъ, послѣ постановленія присяжными отвѣтовъ можетъ хотя и косвенно касаться толкованія отвѣтовъ присяжныхъ, что́ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено единоличной власти председателя, кассаціонное рѣшеніе признаетъ, что разъясненія этидолжны исходить отъ са-

мого суда, (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 605). Сенатъ призналъ, что рѣшеніе присяжныхъ не можетъ быть подвергаемо критическому обсужденію сторонъ и что поэтому отъ прокурора не должно быть требуемо заключеніе о порядкѣ разрѣшенія встрѣченнаго судомъ въ отвѣтѣ присяжныхъ педоумѣнія (угол. кас. рѣш. 1868 г. № 73 1869 г. № 325). Такимъ образомъ одному суду принадлежитъ право разсматривать отвѣты присяжныхъ и опредѣлять, подлежатъ ли онѣ провозглашенію или исправленію. Конечно не всѣ неправильности въ отвѣтахъ влекутъ за собою обращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію; эта мѣра допускается только въ крайнемъ случаѣ, когда отвѣты присяжныхъ, заключая въ себѣ неполноту, неясность, противорѣчіе и несообразность съ вопросами, лишаютъ

судъ возможности принять ихъ въ основаніе своего приговора. Поэтому если противорѣчія въ отвѣтахъ могутъ быть соглашены, если вообще неправильности будутъ такого рода, что судъ и при нихъ не затруднится понять рѣшеніе присяжныхъ и постановить законный и правильный приговоръ; то не слѣдуетъ обращать присяжныхъ къ исправленію отвѣтовъ (угол. кас. рѣш. 1869 г. № 368). Такъ напримѣръ присяжные, признавъ подсудимаго виновнымъ въ нанесеніи ранъ съ умысломъ, на 2-й вопросъ: были ли эти раны тяжкія? вмѣсто словъ «да тяжкіе,» отвѣтили «да виновенъ»; этотъ отвѣтъ, не смотря на его неправильность, не ставитъ судъ въ недоумѣніе, что хотѣли присяжные выразить словами да виновенъ, и потому нѣтъ надобности отсылать ихъ къ исправленію отвѣтовъ.

Но такъ какъ могутъ быть случаи неправильной отсылки присяжныхъ ко вторичному обсужденію вопросовъ и исправленія вполнѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ ихъ съ измѣненіемъ смысла рѣшенія, во вредъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, то для огражденія правъ этихъ лицъ, которымъ не можетъ быть возбраняемо приносить на дѣйствія суда жалобы, кассаціонныя рѣшенія требуютъ, чтобы судъ, относительно обращенія присяжныхъ къ новому обсужденію вопросовъ, непремѣнно постановлялъ свое опредѣленіе, съ указаніемъ основаній, по которымъ признаетъ эту мѣру необходимою, объявлялъ его присяжнымъ, въ присутствіи подсудимаго и вносилъ въ протоколъ судебнаго засѣданія (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 605, 1868 г. № 73). Имѣя право разсматривать отвѣты

присяжныхъ и отсылать ихъ къ новому совѣщанію, судъ не имѣетъ права предлагать присяжнымъ какіе-либо вопросы, къ разъясненію ихъ отвѣтовъ и побуждать ихъ къ ненужнымъ объясненіямъ на судѣ, равнымъ образомъ судъ долженъ въ своемъ постановленіи устранить объявленіе содержанія неправильнаго, по его мнѣнію, отвѣта присяжныхъ (угол. кас. рѣш. 1869 г. № 955 и № 2020). Присяжные, не ограничиваясь тѣми объясненіями, какія будутъ даны имъ въ опредѣленіи суда, объявленномъ предсѣдателемъ, имѣютъ полное право испрашивать у него разъясненія всего непонятнаго для нихъ (уст. угол. суд. ст. 808)., но не могутъ просить у него совѣта, въ какихъ словахъ написать исправленный отвѣтъ, такъ какъ это дѣло самихъ присяжныхъ.

Такъ какъ въ законѣ не указанъ

положительно порядокъ исправленія присяжными, по замѣчаніямъ суда, отвѣтовъ ихъ, то, по кассаціонному рѣшенію, при этомъ исправленіи долженъ быть исполненъ порядокъ, который указанъ въ законѣ и выше разъясненъ, относительно совѣщанія присяжныхъ засѣдателей, и составленія и написанія ихъ отвѣтовъ по вопросамъ суда; поэтому исправленіе отвѣтовъ не должно производиться публично и въ залѣ суда (угол. кас. рѣш. 1867 г. № 135). Согласно съ этимъ разъясненіемъ, присяжные засѣдатели, бывъ обращены къ новому обсужденію, обязаны вновь совѣщаться, обращаться къ разсужденіямъ, къ объясненіямъ между собою и къ отобранію отвѣтовъ чрезъ старшину ихъ. Такъ какъ отвѣты ихъ не объявлены и не составляютъ еще рѣшенія, то въ новомъ составленіи отвѣтовъ при-

сяжные нисколько не ограничены прежними отвѣтами и по новому совѣщанію могутъ измѣнить ихъ, если признаютъ нужнымъ; равнымъ образомъ имѣютъ полное право возвратиться въ залу суда и просить разъясненія предсѣдателя. Конечно, главное вниманіе присяжныхъ будетъ обращено на тотъ вопросъ, по которому данъ былъ неправильный отвѣтъ, послужившій поводомъ къ приглашенію ихъ исправить отвѣтъ; новыя совѣщанія и новые отвѣты будутъ клониться къ тому, чтобы дѣйствительно исправить отвѣтъ и не впасть въ новую неправильность.

Такъ какъ порядокъ составленія отвѣтовъ нисколько не измѣняется, при исправленіи ихъ, то и форма отвѣтовъ остается таже. Отъ усмотрѣнія присяжныхъ будетъ зависѣть оставить ли прежній вопросный листъ

суда съ написанными прежде отвѣтами и на немъ сдѣлать поправки въ отвѣтахъ, какія они признаютъ нужными; или спросить другой листъ тѣхъ же вопросовъ за подписью предсѣдателя и членовъ суда. Но во всякомъ случаѣ прежній листъ и прежніе отвѣты присяжныхъ должны быть оставлены въ цѣлости, безъ уничтоженія и перемѣны въ словахъ и буквахъ; потому что въ случаѣ кассаціонной жалобы на неправильное возвращеніе присяжныхъ къ новому совѣщанію, не было бы возможности точно знать, какой былъ отвѣтъ присяжныхъ, вызвавшій опредѣленіе суда по этому предмету и судить, имѣлъ судъ основаніе подвергать исправленію отвѣты присяжныхъ. Поэтому, дѣлая новую отмѣтку, которою исправляется прежній отвѣтъ, слова и буквы этого отвѣта не должны быть

подчищаемы или зачеркиваемы, а слѣдуетъ оставить его въ скобкахъ, для отличія отъ новаго исправленнаго отвѣта, за нимъ или близъ него вписаннаго, и затѣмъ утвердить новый отвѣтъ подписью старшины присяжныхъ.

По выполненіи всѣхъ обрядовъ составленія отвѣтовъ при исправленіи ихъ, присяжные засѣдатели снова возвращаются въ залу суда. Такъ какъ судъ призналъ прежній отвѣтъ неправильнымъ и составилъ опредѣленіе объ исправленіи его, то обязанъ принять въ основаніе своего приговора отвѣтъ исправленный, а не прежній.

§ 59. Когда отвѣты присяжныхъ засѣдателей будутъ признаны судомъ не требующими исправленія, то старшина провозглашаетъ ихъ рѣшеніе, непремѣнно въ присутствіи подсуди-

маго, къ которому и обращается приговоръ, всего состава суда и при всѣхъ присяжныхъ засѣдателяхъ, рѣшавшихъ дѣло и утверждающихъ своимъ присутствіемъ рѣшеніе: старшина читаетъ каждый изъ вопросовъ суда порознь и отвѣтъ присяжныхъ засѣдателей на этотъ вопросъ. По прочтеніи въ такомъ порядкѣ всѣхъ вопросовъ суда и отвѣтовъ на нихъ присяжныхъ засѣдателей, старшина передаетъ вопросный листъ предсѣдателю суда, который подписываетъ его (уст. угол. ст. 816). Если старшина плохо разбираетъ писанное, то удобнѣе прочесть въ совѣщательной комнатѣ нѣсколько разъ вопросы суда и отвѣты присяжныхъ чтобы потомъ въ залѣ суда хорошо прочесть ихъ; это онъ можетъ соединять съ повѣркою отмѣтокъ. Послѣ объявленія рѣшенія присяжные засѣдатели

остаются въ залѣ суда до окончанія засѣданія,—1, потому что они должны сами узнать послѣдствія ихъ рѣшенія, выслушать приговоръ суда, составленный на основаніи ихъ рѣшенія, чѣмъ и оканчивается судъ съ участіемъ присяжныхъ затѣдателей, 2, потому что они входятъ въ составъ суда, засѣданіе котораго объявляется предсѣдателемъ закрытымъ по окончаніи всего установленнаго закономъ порядка для разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ.

§ 60. Рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей окончательное въ томъ смыслѣ, что на содержаніе его какъ противъ подсудимаго, такъ и въ пользу его жалобъ нигдѣ не принимается. Но такъ какъ могутъ быть ошибки въ обвиненіи подсудимаго невиннаго, то на этотъ случай законъ постановляетъ, что *если судъ единогласно при-*

знаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей осужденъ невинный, то постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, рѣшеніе которыхъ почитается уже во всякомъ случаѣ окончательнымъ (ст. 818). Этимъ правиломъ законъ желалъ дать ограду подсудимому отъ ошибочнаго обвинительнаго приговора, который можетъ послѣдовать случайно по недоразумѣнію присяжныхъ, по убѣжденію простаго большинства ихъ напримѣръ 7 противъ 5 человѣкъ. Законъ не даетъ права суду отмѣнить приговоръ присяжныхъ и оставить на его мѣсто свой оправдательный приговоръ, а только предоставляетъ передать дѣло на новое разсмотрѣніе другаго состава присяжныхъ если предсѣдатель и члены суда единогласно а не по большинству голосовъ признаютъ, что рѣ-

шеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный. Такимъ образомъ новому разсмотрѣнію не можетъ быть подвергнуто судомъ оправдательное рѣшеніе присяжныхъ; оно можетъ быть отмѣнено сенатомъ по нарушенію въ судѣ обрядовъ и формъ столь существенныхъ, что безъ соблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія. Конечно отъ усмотрѣнія суда зависитъ признать, что присяжные осудили невиннаго, но такое убѣжденіе должно имѣть въ виду дѣйствительную невинность подсудимаго, а не одно лишь сомнѣніе въ правильности приговора присяжныхъ. Затѣмъ рѣшеніе втораго состава присяжныхъ окончательное и какое бы оно ни было, дѣло уже не можетъ быть передано судомъ на новое разсмотрѣніе. Думаемъ, что второй составъ присяжныхъ можетъ постано-

вить свое рѣшеніе только въ отношеніи къ тому обвиненію которое дано противъ подсудимаго первымъ составомъ, но не болѣе; такъ какъ все то, что отвергнуто этимъ составомъ въ пользу подсудимаго и можетъ быть выдѣлено изъ обвиненія, то уже вошло въ законную силу и не можетъ быть предметомъ новаго разсмотрѣнія. Такъ напримѣръ если подсудимый первымъ составомъ былъ оправданъ въ убійствѣ и былъ обвиненъ въ поджогѣ; то уже предъ новымъ составомъ онъ не можетъ быть обвиняемъ въ убійствѣ и вопросъ объ этомъ преступленіи не можетъ быть поставленъ новымъ присяжнымъ; если первые присяжные отвергнули предумышленіе въ убійствѣ и признали подсудимаго виновнымъ только въ умышленномъ убійствѣ, то вопросъ о предумышленномъ

убійствѣ уже не имѣетъ мѣста предъ новымъ составомъ присяжныхъ.

§ 61. Если рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый будетъ оправданъ, то предсѣдатель немедленно объявляетъ его свободнымъ отъ суда и отъ содержанія подъ стражею, если онъ арестованъ (ст. 819). Законъ желалъ, чтобы подсудимый оправданный тотчасъ по объявленіи рѣшенія присяжныхъ, воспользовался освобожденіемъ отъ суда и заключенія подъ стражею, не выжидая приговора суда; поэтому предсѣдатель обязанъ немедленно объявить его свободнымъ, чтобы онъ могъ сойти со скамьи подсудимыхъ и, если желаетъ уйти изъ суда. Затѣмъ судъ постановляетъ съ своей стороны оправдательный приговоръ, который и объявляется публично предсѣдателемъ.

Если же присяжными подсудимый будетъ обвиненъ, то по предложенію

предсѣдателя, прокуроръ или частный обвинитель даетъ заключеніе о наказаніи, какое слѣдуетъ по закону обвиненному за то преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ по рѣшенію присяжныхъ. Другія послѣдствія обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ могутъ заключаться въ опредѣленіи о взысканіи съ обвиненнаго судебныхъ издержекъ (уплаты свидѣтелямъ путевыхъ расходовъ и проч.), о возвращеніи вещей, находившихся при дѣлѣ и о предварительномъ заключеніи обвиненнаго подъ стражу до исполненія назазанія надъ нимъ, если онъ былъ на свободѣ и если преступленіе, въ которомъ подсудимый обвиненъ, по важности своей, потребуетъ заключенія подъ стражу. Гражданскій истецъ даетъ свое заключеніе о денежномъ вознагражденіи, подлежащемъ взысканію съ обвиненнаго

въ пользу потерпѣвшаго отъ преступленія за вредъ и убытки, ему причиненные. Подсудимый или его защитникъ можетъ опровергать требованія прокурора, частнаго обвинителя и гражданскаго истца и можетъ ходатайствовать о смягченіи наказанія, ссылаясь на рѣшеніе присяжныхъ и на законы, подходящіе подъ это рѣшеніе, отвергать правильность иска гражданскаго истца (ст. 819—824).

Послѣ преній сторонъ относительно послѣдствій обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ, судъ постановляетъ вопросы, подлежащіе его разрѣшенію и объявляетъ ихъ публично; по выслушаніи мнѣній сторонъ по этимъ вопросамъ, судъ удаляется въ совѣщательную комнату, гдѣ и опредѣляетъ наказаніе обвиненному, всѣ послѣдствія обвиненія и свое опредѣленіе излагаетъ въ резолюціи суда, которую

предсѣдатель провозглашаетъ публично, съ указаніемъ, когда приговоръ будетъ объявленъ подсудимому въ окончательной формѣ то есть съ объясненіемъ, на какомъ законномъ основаніи ему назначено наказаніе, изложенное въ прочтенной резолюціи и почему налагается на него опредѣленное денежное взысканіе (ст. 825).

Затѣмъ предсѣдатель суда объявляетъ судебное засѣданіе закрытымъ и назначаетъ день и часъ, когда присяжные засѣдатели приглашаются прибыть въ судъ для разсмотрѣнія слѣдующаго по очереди дѣла. Иногда въ одинъ день назначается къ слушанію нѣсколько дѣлъ; въ такомъ случаѣ по окончаніи одного дѣла предсѣдатель объявляетъ, когда будетъ слушаться слѣдующее или прямо приступаетъ къ открытію засѣданія по этому дѣлу.

По выходѣ изъ суда присяжные

засѣдатели могутъ подвергаться пытливымъ вопросамъ, почему они рѣшили дѣло такъ, а неиначе. Отвѣтъ на эти вопросы влечетъ за собою обнаруженіе тайны совѣщаній и можетъ повести къ объявленію, какія голоса поданы были въ пользу или противъ подсудимаго, если рѣшеніе состоялось по большинству голосовъ. Тайна совѣщаній составляетъ нетолько обязанность, но и право каждаго присяжнаго, которое обязаны уважать всѣ: какъ священника нельзя спрашивать о томъ, что сказано ему на исповѣди, такъ точно нельзя спрашивать присяжнаго о томъ, что и кѣмъ говорилось въ совѣщательной комнатѣ о винѣ или невинности подсудимаго. Поэтому обращенные къ присяжному засѣдателю, ради любопытства или въ видѣ отчета, котораго никто не имѣетъ права требовать

отъ него, не смотря ни на какія отношенія къ нему, вопросы посторонних лицъ о приговорѣ докажутъ только незнаніе спрашивающимъ закона о тайнѣ совѣщаній присяжныхъ засѣдателей или нежеланіе его признавать право и обязанность присяжнаго засѣдателя молчать на такіе вопросы.—

2007043228